Посвящается

светлой памяти

академика

Алексея Александровича

Шахматова

Проф. П. А. РАСТОРГУЕВ

СЕВЕРСКО-БЕЛОРУССКИЙ ГОВОР

Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров

ИЗДАНИЕ ИНСТИТУТА БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ЛЕНИНГРАД
1927

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1138
52

Главлит БССР № 20131. — 14½ печ. л. — Тираж 1000.
Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия 12.

Предисловие.

Никогда я не предполагал делать свой родной говор предметом специального исследования: мне казалось невозможным найти в памятниках прошлого подтверждение своего предположения о принадлежности его к потомкам древних Северянских говоров. Когда почти десять лет тому назад мною решался вопрос о теме для специального исследования, внимание мое было всецело приковано к памятникам литературного языка Белоруссии и Украины XVII века, но настоятельный совет покойного академика Алексея Александровича Шахматова, рекомендовавшего мне заняться родным говором, победил мою нерешительность.

К великой скорби, смерть унесла в могилу Алексея Александровича, прежде чем в тяжелых условиях жизни была закончена работа. Представляю свои выводы на суд беспристрастной критики.

Не все, разумеется, время с момента начала работы было уделено ей: работать приходилось с интервалами часто в несколько месяцев, а иногда и лет. Закончена была работа в марте 1924 года. В настоящее время при переписке для печати она в частностях подверглась некоторым изменениям, прежде всего благодаря привлечению разысканных вновь источников.

Идя навстречу пожеланию Института Белорусской Культуры видеть мой труд в форме изложения, доступной для широкого круга читателей, а не для отдельных только специалистов, я 1) изменил изложение некоторых отделов работы, особенно фонетики, в смысле возможного упрощения их и 2) отказался от транскрибирования в работе своих примеров, приняв для них современную белорусскую орфографию. Лишь после характеристики говора в современном его состоянии даю небольшое количество транскрибированных мною примеров.

Что же касается примеров, приводимых из рукописных и печатных источников, то здесь всецело удержана орфография подлинников со следующими изменениями: а) устранены буквы *ъ* и *ѣ*, при чем пред *я*, *ю* и *е* в сре-

дине слова вместо ъ ставится ', б) аффрикаты из *д* и *т* мягких, передаваемые кое-где М. Н. Косич чрез *дзь- ць-*, передаются мною без ь, в) буква *і* везде заменена буквою *и* и г) устранено также встречающееся в некоторых источниках *й* пред гласной в начале слова и между гласными внутри слова.

Наиболее часто встречающиеся авторы записей и ответов на программы передаются в большинстве случаев сокращенно: М. Н. Косич — М. Н. К., А. Д. Нечаев — А. Д. Н., Ан. Ф. Полевой — Ан. Ф. П., Ал. Ф. Полевая — Ал. Ф. П., М. В. Ушаков — М. В. У., Л. Г. Самосадный — Л. Г. С. и Ив. М. Гневушев — Ив. М. Г.

П. Расторгуев.

Москва. 24 III 1926.

Северско-белорусский говор.

Предмет исследования.

Северско-белорусским говором в настоящей работе назван говор, находящийся на территории бывших северных уездов Черниговской губернии, т.-е. говор Стародубского, Мглинского, Суражского и Новозыбковского уездов,[1] и говор западной полосы Трубчевского уезда б. Орловской губернии.

Разумеется, не во всем объеме в их бывших административных границах бывшие северные уезды Черниговской губернии могут быть отнесены к этому говору. Из дальнейшего будет ясно, какую именно территорию бывших северных уездов Черниговской губернии следует отнести к Северско-белорусскому говору.

Название говора Северско-белорусским впервые вводится здесь и является одним из выводов, к каким приводит его изучение. Подробнее об этом смотри ниже.

До сих пор этот говор не выделялся в особую группу и относился исследователями к общей массе северовосточных белорусских говоров. К северовосточным белорусским относит его акад. Е. Ф. Карский[2] и составители карты русского языка в Европе.[3]

Выделять этот говор в особую группу и делать его предметом специального исследования побуждает ряд следующих обстоятельств:

1) При ближайшем ознакомлении с говором оказывается, что он в некоторых своих чертах отличается как от других белорусских говоров вообще, так и от соседних с ним в частности.

---

[1] Из них в настоящее время только часть Невозыбковского уезда принадлежит к Черниговской губернии; остальные уезды, кроме восточной части Мглинского, отошедшей к Почепскому уезду Брянской губернии, входят в состав Гомельской губернии.

[2] «Белорусы», т. I, стр. 193—196. «Белорусская речь», стр. 58—59, «Русская диалектология», стр. 118.

[3] «Труды Москов. Диалект. Комис.», вып. 5, стр. 52—54.

2) От XVII и XVIII вв. имеется значительное количество документов, писанных на территории Северско-белорусского говора и заключающих в себе не лишенный интереса лингвистический материал.

3) Северско-белорусский говор занимает значительную часть территории бывшего Стародубского полка, т.-е. часть так называемой «Старой Малороссии».[1]

Все это вместе взятое вызывает особенный интерес к говору и определению его места среди других белорусских говоров.

Литература о говоре и источники для его характеристики.

Северско-белорусский говор до сих пор не был предметом научного исследования, и литература, трактующая о говоре и его особенностях, не велика. Имеются следующие статьи и заметки, касающиеся говора:

1) Статья М. Н. Косич «Звуковые особенности белорусского говора Черниговской губернии» в ее сборнике песен из этой губернии — «Литвины-Белорусы Черниговской губернии» (стр. 113—128).

2) Статья А. В. Маркова «Данные по говору Стародубского уезда Черниговской губернии.[2]

3) Статья Ан. Ф. Полевого «Описание говора Новозыбковского уезда Гомельской губернии.[3]

4) Небольшие заметки акад. А. И. Соболевского в его «Опыте русской диалектологии» (вып. I) о говоре: а) г. Погара бывш. Черниговской губернии (стр. 23), на основании материалов в «Путевых письмах» Е. Якушкина[4] и «Сказок» А. Н. Афанасьева, б) Суражского уезда, на основании «Материалов для изучения быта и языка русского населения северо-западного края», т. I, ч. 2-я, собранных П. В. Шейном, стр. 495 и статьи Н. Дорогунцева «Село Попова-Гора»,[5] и в) Новозыбковского уезда, на основании тех же «Материалов» П. В. Шейна, т. II, стр. 161—163, 168—170.

---

[1] А. Лазаревский. «Описание Старой Малороссии», т. I. Полк Стародубский. Киев. 1888 г.

[2] «Известия Отдел. русск. языка и словесн. Акад. Наук», 1910 г., т. XV, кн. 1, стр. 184—198.

[3] «Сборник материалов Гомельских губернских курсов по переподготовке сельских школьных работников в г. Новозыбкове». 1924 г.

[4] «Основа», 1862 г., № 1.

[5] «Записки Черниговск. Губернск. Статистич. Комитета», 1872 г., кн. 2.

5) Краткая характеристика А. Аф. Потебней говора города Погара, на основании названных уже «Сказок» А. Н. Афанасьева, в «Заметках о малорусском наречии».[1]

6) Заметки проф. Ив. Гр. Голанова о говоре Старопочепья и Юськовой (Бялковой) слободы Почепского (бывш. Мглинского) уезда.[2]

7) Несколько замечаний проф. Н. Н. Соколова о говоре бывш. северных уездов Черниговской губернии в описании поездки его в Белоруссию в 1908 г.[3]

8) Указание, на основании записей М. Н. Косич, некоторых черт говора акад. А. А. Шахматовым при характеристике им «Белорусского наречия».[4]

9) Указание типов яканья в уездах: Стародубском, бывш. Мглинском и бывш. Суражском Черниговской губ. и Трубчевском уезде б. Орловской губ., данное проф. Н. Н. Дурново в его «Диалектологических разысканиях в области великорусских говоров», ч. I, вып. 2-й, сделанное на основании записей А. Д. Нечаева, ответов на Академич. великорусск. программу № 282 и белорусскую №№ 6, 221, на южновеликор. прогр. Московск. Диалектол. Комис. № 91 и записей П. В. Шейна.

10) Имеющееся в рукописи описание студентом 2-го Московского Государствен. Университета М. В. Ушаковым говора сс. Луговца и Новой Романовки Почепского (бывш. Мглинского) уезда и г. Мглина.

Из названных здесь статей и заметок статья М. Н. Косич касается только звуковых особенностей говора сравнительно с русским литературным языком и нуждается в значительных изменениях и поправках.

Статья А. В. Маркова представляет характеристику говора села Кустич-Бряновых Лыщицкой волости Стародубского уезда, сделанную на основании наблюдений над языком песен, записанных им в 1897 году от солдата из с. Кустич-Бряновых. Говор охарактеризован А. В. Марковым, как «малорусский, с сильным белорусским влиянием и слабым великорусским» (стр. 198). Относить говор Кустич-Бряновых к украинским мешает А. В. Маркову то обстоятельство, что «самые характерные черты этих говоров: *і* вместо *о* и *е* в закрытых слогах и вместо *ѣ* встречаются лишь эпизодически», и он признает его «одним из архаичных северномалорусских

---

[1] «Филологические записки», 1871 г., стр. 3.

[2] «Труды Московск. Диалект. Комиссии», вып. 3, стр. 161—162.

[3] «Труды Московск. Диалект. Комиссии», вып. 2, стр. 99—100.

[4] «Курс истории русск. языка», читан. в 1909—1910 уч. году, 2-е изд., часть II, в. 2.

говоров, переходных к белорусским»[1] (ib). Такая характеристика говора, как в основных его частях, так и в отдельных частностях, противоречит материалам по говорам других соседних с ним сел и является результатом неверного понимания украинских особенностей в говоре, сквозь которые пробиваются основные его черты: аканье, твердое *р* пред гласными переднего ряда и т. д. Неизвестно, к сожалению, прошлое объекта наблюдения А. В. Маркова — его отношение до солдатчины к отхожим промыслам; в них, повидимому, следует искать причину пестроты языка песен, записанных от него А. В. Марковым. Сам А. В. Марков признает, что использованный им материал «не может быть признан таким, который давал бы полную и точную характеристику говора села Кустичей-Бряновых» (ib), хотя причину этого видит в другом, правда, не менее важном явлении: материал «содержит значительное количество фактов, присущих поэтическому языку» (ib). Таким образом, статья А. В. Маркова содержит сведения, к каким следует относиться с большой осторожностью.

Статья Ан. Ф. Полевого, за исключением недостатков, происходящих от отсутствия надлежащей лингвистической подготовки у ее автора,[2] заключает более или менее надежный в некотором отношении материл, в сравнении его с русским литературным языком, со всего почти Новозыбковского уезда.[3]

В «Опыте русской диалектологии» акад. А. Ив. Соболевского говор г. Погара отнесен в 1897 году к смешанным говорам великорусского юга и востока,[4] а говор бывш. Суражского и Новозыбковского уездов признан здесь белорусским.[5]

По Ал. Аф. Потебне, говор г. Погара великорусский, составляющий переход к малорусскому наречию.[6]

Такая характеристика говора г. Погора дана прежде всего на основании неточности звуковой передачи в названных материалах. Дополненные сведениями из других источников эти материалы дают в настоящее время иную картину говора.

[1] В докладе об этом говоре, читанном в Московск. Диалект. Комиссии 10 XI 1907 г., А. В. Марков пришел к иному несколько выводу о говоре с. Кустич-Бряновых, но под влиянием сделанных ему возражений отказался от него.

[2] Ан. Ф. Полевой студент общественно-экономист; языком раньше не занимался, прослушал у меня лишь курс Белорусского языка.

[3] Исключая части уезда, лежащей к юго-востоку от линии Блешня — Семеновка, где, по имеющимся у автора сведениям, говор представляет смешение украинского с белорусским.

[4] «Опыт русской диалектологии», стр. 23.

[5] ib., стр. 99.

[6] «Заметки о малорусском наречии» («Филол. Зап.», 1871 г., стр. 3).

Заметка проф. Ив. Гр. Голанова о говоре Старопочепья и Юськовой (Бялковой) слободы Почепского (бывшего Мглинского) уезда — фонетическая запись отдельных слов, но, к сожалению, весьма не велика и не содержит указаний на некоторые черты говора. Наблюдения сделаны им в Клетневской пустыни Орловской губ. Брянского уезда и на базаре в г. Брянске в 1911 г.

Замечания проф. Н. Н. Соколова о бывших северных уездах Черниговской губернии не велики и касаются преимущественно аканья в этих уездах.

Акад. А. А. Шахматов касается в своих лекциях главным образом аканья и других более мелких явлений.[1]

В исследовании проф. Н. Н. Дурново указаны лишь типы аканья и рассмотрен вопрос о происхождении яканья вообще.

Описание говора сс. Луговца, Новой Романовки и г. Мглина, данное в 1924 г. М. В. Ушаковым, довольно подробно, по крайней мере, в основных чертах касается говора этих мест.

Такова литература о Северско-белорусском говоре. Среди нее, как мы видели, есть характеристики, написанные 25—50 слишком лет назад, на основании весьма скудных материалов, и отчасти утратившие уже свое значение, но есть и современные нам работы, освещающие стороны говора, бывшие до сих пор в тени.

На ряду с ними имеются *материалы* как более раннего времени, приблизительно одновременные с названными только что статьями, которым они дали содержание, так и более позднего времени. И те и другие имеют не одинаковое, разумеется, значение для характеристики говора, но и они будут привлечены к настоящему исследованию — пересмотрены вновь, как материалы по языку Северско-белорусского говора. С внешней стороны все эти материалы двух родов — *печатные* и *рукописные*.

Печатные материалы.

1. М. Н. Косич. «Литвины-Белорусы Черниговской губернии, их быт и песни».[2]

2. Материалы по Стародубскому уезду, собранные А. Д. Нечаевым.[3]

---

[1] «Курс истории рус. языка...», т. II, в. 2, изд. 2-е, стр. 84, 85 и следующие.

[2] «Живая Старина», 1901 г., II—IV и отдельно.

[3] «Варшавские Университетские известия», 1914 г., IX, стр. 17—121.

3. Песни, пословицы и рассказы, записанные Н. Дорогунцевым в с. Попова-Гора Суражского уезда.[1]

4. Песни, записанные Е. Якушкиным в городе Погаре Стародубского уезда.[2]

5. Сказки, записанные в г. Погаре учителем уездного училища Н. Матросовым.[3]

6. Песни и сказки, записанные П. В. Шейном в бывш. Суражском уезде[4] и в деревне Чертовичи того же уезда.[5]

7. Сказки, записанные П. В. Шейном в с. Денисковичах Новозыбковского уезда.[6]

8. Ответ на составленную К. П. Михальчуком «Программу для указания особенностей местных народных говоров в Южной России» из бывш. Мглинского уезда.[7]

Примечание. Записи песен П. Г. Мезерницкого,[8] судя по его словам, сделаны в городе Стародубе и в Стародубском и Мглинском уездах. К сожалению, в них вовсе нет указания на место, где произведена та или другая запись. Кроме того, в них господствует этимологическое письмо, и в силу этих обстоятельств их не приходится включать в число источников для изучения Северско-белорусского говора.[9]

Рукописные материалы.

1. Ответы на краткие Академические программы по
а) Стародубскому уезду №№ 209а, 209б;

---

[1] «Село Попова-Гора. Этнографический очерк» («Черниговск. Губернск. Ведом.», 1871 г., №№ 20—22 или «Записки Черниговск. Губернского Статистич. Комитета», 1872 г., кн. 2, стр. 1—26).

[2] «Путевые письма». («Основа», 1862 г., № 1).

[3] «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, вып. I и II, изд. 3-е Солдатенкова. 1863 года.

[4] «Материалы для изучения быта и языка...», т. I, ч. 2-я, стр. 495—501.

[5] «Материалы для изучения быта и языка...» т. II, стр. 178—179, 262—263, 416—419.

[6] «Материалы для изучения быта и языка...» т. II, стр. 161—163, 168—170.

[7] «Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским», т. VII, 1872 г., стр. 538.

[8] «Живая Старина», 1908 года, вып. III, IV; 1909 года, вып. I, IV и 1910 г., вып. I, II. «Народный театр и песни в г. Стародубе Черниговской губернии».

[9] К сожалению, не привлечены здесь материалы по б. Мглинскому и б. Суражскому уездам, содержащиеся в «Отчете о поездке в Гомельскую губернию в 1926 году» А. К. Сержпутовского, вышедшем из печати во время чтения мною корректуры.

б) Мглинскому уезду №№ 295а, 295б;

в) Суражскому уезду №№ 292а, 292б и

г) Новозыбковскому уезду № 203.

2. Ответ на Академическую белорусскую программу № 221 из Мглинского и Стародубского уезда.

3. Ответ на Академическую великорусскую программу № 269 из дер. Старой Романовки бывш. Мглинского уезда с приложением «Сказа о двенадцати пятницах».

4. Ответ на программу Московской Диалектологической Комиссии № 91 из бывш. Мглинского уезда.

5. Ответы студентов 1-го и 2-го Моск. Госуд. Университета на програм. Моск. Диалектол. Комиссии (южновеликорусск. с добавленными мною вопросами), данные в 1924 г.:

а) И. М. Гневушева из с. Жовнеца Гордеевской волости Клинцовского (бывш. Суражского) уезда Гомельской губернии;

б) Л. Гр. Самосадного из сс. Онохова, Хоробоч, Высокого Алексеевской волости, Норина, Шумарова Воробейн. вол. Почепского (быв. Мглинского) уезда Брянской губернии;

в) Ал. Ф. Полевой из с. Рылович Новозыбковской волости (быв. Лакомо-Будской) Новозыбковского уезда Гомельской губернии.

6. Рукописные материалы, хранящиеся в библиотеке Союзной Академии Наук: а) «Областные слова, употребляемые в Суражском уезде Черниговской губ.», собранные штатным смотрителем Суражского уездного училища И. Манжосом (Материалы Малорус. 40); б) «Собрание и объяснение областных слов, употребляемых в Черниговск. губ. по Стародубскому уезду». Соб. учит. рус. яз. Стародубского уездного училища Петр Гармаш. (F. Матер. Малор. 41); в) «Областные слова г. Погара Черниговской губ. Соб. учит. рус. языка Д. Ястребов. (F. Матер. Малор. 42).

7. Ответы на Академические программы из той части Трубчевского уезда, которая в основных чертах принадлежит к Северско-белорусскому говору: а) из с. Алешенки Селецкой волости (ответ на великорусскую программу № 282) и б) из д. Сагутьева (ответ на белорусскую программу № 6).

8. Протокол № 32 заседания Московской Диалектологической Комисси 10/XI 1907 года по докладу А. В. Маркова — «Данные по говору Стародубского уезда». Сведения о говоре здесь те же, что и в названной уже статье, помещенной в «Извест. Отдел. русск. языка и словесности» за

1910 г., т. XV, кн. I, стр. 184—198, но выводы о говоре иные, о чем см. ниже.

Примечание. В 5-м выпуске «Трудов Московск. Диалектолог. Комиссии», примеч. 183 указаны рукописные материалы Моск. Диал. Комис. из. мм. Ущерпья и Поповой-Горы бывш. Суражского уезда (стр. 103), но, к сожалению, в настоящее время их не оказалось среди материалов Комиссии.

Наконец, присоединю сюда и свое непосредственное знакомство с Северско-белорусским говором.[1]

Остановлюсь несколько на некоторых из названных здесь источников как печатных и рукописных, так и на своем непосредственном знакомстве с говором.

Из перечисленных здесь источников наиболее обширный материал заключают записи М. Н. Косич в ее «Литвинах-Белорусах Черниговской губернии». Здесь имеется около 300 записей песен; кроме того, записаны небольшие разговоры в гг. Мглине, Почепе и Стародубе. Некоторые записи, правда, очень коротки — всего в несколько строк. Почти при каждой записи есть указание, когда, где и от лица какого возраста она сделана. Записи производились со слов почти исключительно лиц женского пола в возрасте от 17 до 78 лет, при чем преобладают записи от пожилых лиц — в возрасте от 40 до 65 лет. Из указанного числа записей только 35 сделано со слов молодых парней в возрасте от 16 до 25 лет; со слов некоторых лиц сделано иногда по несколько записей, но при всем том число лиц, от которых записаны песни, довольно велико.

Записи М. Н. Косич сделаны в уездах: Мглинском, Стародубском, Суражском, Новозыбковском и Городнянском, но распределяются по уездам весьма неравномерно: наибольшее количество записей сделано в Мглинском уезде — всего 167 записей; далее идут уезды: Стародубский — 107 записей, Новозыбковский — 8 записей и Суражский — 5 записей.

Примечание. Четыре записи из Городнянского уезда, (Бегоч 2 зап., Пилипча 1 зап. и Хоробичи 1 зап.), вследствие противоречия их с наблюдениями О. Курило (о чем ниже) и ответами на краткие Акад. прогр. из Городнянского уезда (№№ *291а* и *291б*) в вопросе о *ъ* и дифтонгах, опускаю.

---

[1] Я уроженец г. Стародуба и провел в нем детство и часть юности.

По Мглинскому уезду (теперь Клинцовск. и Почепск. уезды) записи дают материалы из следующих сел и деревень: хут. Александровка 6 зап., д. Бородинка 18 зап., д. Водвинка 13 зап., с. Горяны 6 зап., д. Жуково 14 зап., сс. Задубенье 2 зап., Ивайтенки 1 зап., д. Кожемяки 11 зап., г. Мглин 5 зап., с. Нов. Ивайтенки 2 зап., с. Росуха (на карте Разсуха) 68 зап., с. Стар. Задубенье 2 зап., д. Шапочка 10 зап., д. Яблонка 9 зап.

По Стародубскому уезду: с. Анушино 3 зап., д. Бороздинно 6 зап., д. Берновичи 2 зап., хут. Верканька 3 зап., д. Выстриков 1 зап., с. Гарцево 11 зап., с. Гриденки 2 зап., д. Далматово 1 зап., д. Жигалки 5 зап., д. Лужки 1 зап., д. Лупеки 20 зап., с. Лыщичи 1 зап., с. Михайловск 10 зап., с. Новоселки 5 зап., д. Невзорово 13 зап., с. Платково 2 зап., г. Погар 15 зап., с. Семешково 2 зап., с Човпня 4 зап.

Новозыбковский уезд: с. Манюки 8 зап.

Суражский (теперь Клинцовский) уезд: Клинцы 3 зап., с. Красновичи 2 зап.

Кроме того, есть ряд песен без указания места и времени, где и когда были сделаны записи, наприм., на стр.: 21, 34, 35, 45, 68, 88 и т. д.

В указании некоторых местностей есть несомненные опечатки, напр.: с. Лойцычы (стр. 42) вместо Лыщичи, Матоки и Манеки вм. Манюки (стр. 52 и 69), Михайловец (50 стр.), Михайловское (104 стр.), Михайловичи (105 стр.) вместо с. Михайловск, Веркивка (38 стр.) вместо Верканька.

Не ясны также обозначения: Старое Задубенье, Новые Ивайтенки и — Задубенье, Ивайтенки (Старые или Новые?).

Записи сделаны в разное время; наиболее ранние из них относятся к концу 50-х годов XIX-го столетия, а позднейшие к последним его годам. Наибольшее число записей приходится на девяностые годы, на период с 1891 г. по 1900 г.

Автор записей М. Н. Косич — местная жительница. Детство и юность ее, кроме пятилетнего пребывания в институте, проведены на хуторе вблизи села Росухи.

Цель труда М. Н. Косич — литературно-этнографическая; песни сопровождаются описанием разных сторон крестьянского быта: дается описание свадьбы, крестин, праздников, полевых работ, игр, народных поверий и проч. Эти описания иллюстрируются типичными для народного быта выражениями и разговорами, заключающими в себе значительный лингвистический материал без указания иногда, правда, на то, где, когда и от кого они слышены.

Не без интереса относится М. Н. Косич и к языку: и к нему видна та же любовь и интерес, которые характеризуют вообще ее отношение к своему родному, местному. В местной народной речи М. Н. Косич находит «своеобразную мягкость и легкость звуковых сочетаний».[1] По ее словам, она записывала песни «с фонографическою точностью», чтобы «при чтении возможно было соблюдать правильность произношения». Насколько однако велика эта точность записи, увидим дальше, при характеристике отдельных фактов говора.

Труд М. Н. Косич издан с множеством опечаток: в конце книги опечатки приведены на 23 страницах (всего же в книге, кроме опечаток, 128 страниц), но и здесь не исчерпываются все опечатки и, кроме того, указанные в «опечатках» поправки не всегда верны и нередко нуждаются в исправлении.

Записи А. Д. Нечаева также представляют обширный материал (17—121 стр.) по Стародубскому уезду; сделаны они в сс. Гарцеве (108 песен, 33 загадки, 1 разговор, 1 рассказ и 3 сказки), Семешкове (16 песен) и дд. Абаринках (81 песня, одна сказка) и Ильбове (42 песни).

По содержанию здесь преимущественно песни; есть также загадки (стр. 56—57), разговоры, рассказы и сказки (стр. 58—61, 93—96). К сожалению, почти нет никаких указаний, со слов кого — мужчин, женщин, старух, молодой девицы или парня сделана та или другая запись.

Ответов на краткие Академич. программы семь.

По Суражскому уезду один ответ № *292а* дан из с. Казарич Гордеевской волости и д. Стодолы Голубовской волости, а другой № *292б* из с. Неглюбки и соседних с ним селений: Яловки, Увелья, Верещак и Кожан Верещакской волости, в сорока верстах от ст. ж. дороги Новозыбков.

Автор первого ответа уроженец д. Титовки Надейковичской волости Климовичского уезда, проживший здесь около 20 лет; три года он был учителем в с. Казаричах и ко времени составления ответа уже год учительствовал в д. Стодоле. В своем сообщении он характеризует в пределах вопросов программы говоры этих деревень, указывая на отличие в некоторых чертах говора д. Титовки от говора с. Казарич и д. Стодолы. В ответе на 2-ой вопрос программы есть материал, указывающий на характер аканья в п. Клинцах б. Суражского уезда Черниговск. губ.

---

[1] «Литвины-Белорусы...», стр. 1.

В ответе № *292б* на 22 и 24 вопросы программы указано на отличие говора сел, откуда дается сообщение, от говора д. Колбовки Гомельского уезда, находящейся в трех верстах от с. Неглюбки.

По Мглинскому уезду один ответ № *295а* из с. Осколкова Шумаровской волости и другой № *295б* из с. Молодькова той же волости, находящегося в 17 верстах от г. Мглина.

По Стародубскому уезду один ответ № *209а* из с. Нижнего в 17 верстах от г. Стародуба и другой № *209б* из с. Березовки в 50 верстах от г. Стародуба и в 25 верстах от станции Жудилово Полесской жел. дор.

По Новозыбковскому уезду ответ № *203* характеризует говор сс. Туросны, Смотровой Буды, Кневичей и соседних сел и деревень Новозыбковского уезда на расстоянии от 3 до 12 верст от п. Клинцов (теперь город).

Ответы составлены в 1904 г.

Ответ на Академическую программу для собирания особенностей белорусских говоров № *221* дан М. Н. Косич, автором названного уже труда «Литвины-Белорусы Черниговской губернии, их быт и песни». Ответ имеет в виду говор сел: Росухи и Гудова и дд.: Еленска, Шапочки, Водвинки и Бородинки бывш. Мглинского уезда, села Труханова и деревень: Лупек, Амелькина хутора и Борозднина Стародубского уезда.

Примечание. В «Литвинах-Белорусах», как уже сказано, есть записи из Росухи, Шапочки, Водвинки, Бородинки, Лупек и Борозднина.

Ответ дан на первые 37 §-ов программы, кроме §§ 19, 21, 24, 32, 35, и на §§ 39, 46, 48, 58, 59.

Не на все однако пункты этих параграфов дан ответ; из отдела «Ударение» (§ 62) приведены слова на буквы *а, б,* и на *в.* Кроме того, приведен образчик разговора в Погаре, Мглине, Почепе и Стародубе и дан небольшой словарный материал.

Примечание. Эти разговоры с некоторыми изменениями в тексте и орфографии повторены в «Литвинах-Белорусах».

Ответ на программу составлен в 1899 году.

В примечании к ответу отмечается, что говор в Суражском, Мглинском и Стародубском уездах несколько отличается от говора Могилевской губернии.

Ответ на Академическую великорусскую программу № 269 с приложением «Сказа о двенадцати пятницах» дан из деревни Старой Романовки бывш. Мглинского уезда; автор ответа неизвестен. Сказ «записан у слепца»

этой деревни Симеона Витюгова; к «Сказу» приложен небольшой словарь местных слов. Ответы в программе даны почти на все ее вопросы, включая и словарь. Письмо в «Сказе» не выдержано — в одних случаях фонетическое, а в других, особенно в передаче неударяемых *о* и *е*, орфографическое.

Ответ на программу Моск. Диалектол. Комиссии № 91 дан в 1914 году из сс.: Гудова, Росухи и деревень: Водвинки и Шапочки.

Песен, записанных Е. Якушкиным в г. Погаре, шесть, из них три хороводные. Величина песен от 5 до 39 стихов, при чем в них, особенно в хороводных песнях, есть повторения; записаны песни, по словам Е. Якушкина, «с удержанием выговора»; фонетический принцип письма однако не везде выдержан; в сноске автор записи дает объяснение произношения неударяемого *а* в положении его после твердых согласных во втором предударном слоге. Запись сделана в 1861 году.

В записях Н. Дорогунцева, в «Материалах» П. В. Шейна и в «Сказках» А. Н. Афанасьева не всегда имеет место точность в передаче звуков; особенно много заставляют здесь желать «Материалы» П. В. Шейна.

Ответы на программы Московск. Діалектол. Комис., данные студентами Моск. Госуд. Университета, и на Академич. программы из Трубчевского уезда более или менее удовлетворительно передают некоторые из особенностей говора.

Ответ на программу К. П. Михальчука из бывш. Мглин. уезда (см. «Труды этнограф.-статистич. экспедиции... материалы, собр. П. Чубинским», т. VII, ст. 538) также нуждается в ряде оговорок.

Наконец, рукописные материалы Академии Наук представляют преимущественно словарный материал.

Остается сказать еще несколько слов о своем непосредственном знакомстве с говором. Средством знакомства с говором были все условия моей жизни: школа, рынок, посещение ближайших к городу сел, ярмарки, базары в городе и т. д., а позднее и посещение Окружного Суда при разборе дел. Таким путем я имел возможность ознакомиться с говором преимущественно Стародубского уезда. Лишь позднее, с 1905 года, мною был совершен ряд поездок, главным образом на велосипеде, как по Стародубскому уезду, так и по Мглинскому, Суражскому и Новозыбковскому.

В 1905 году я посетил следующие села и деревни: Камень, Чубковичи, Нижнее (Стародубского уезда), Большую и Малую Топаль, Рубежное, Гулевку, Белый Колодезь и Туросну (Новозыбковского уезда). Кроме того, имел возможность наблюдать говор прислуги из сс. Пихторовки, Высокого, Колодезков и Чеховки (Стародубского уезда).

В 1906 г. — Сергеевск, Пятовск, Осколково, Яцковичи, Луцковичи, Решотки, Гриденки, Артюшково, Ковалево, Балыкино, Рожки, Прирубки, Шняки, Посудичи (на карте Подсудичи), Модеевку и г. Погар (Стародубского уезда).

В 1910 году — Мериновку, Дедово, Дохновичи, Мишковку, Андрейковичи, Картушин, опять Камень и Чубковичи, Печеники (Стародубского уезда); некоторые из этих сел неоднократно посещались мною до 1905 года.

В 1916 и 1917 году — села бывш. Мглинского уезда: Белогорщ, Нетяговку, Голяковку, Луговец, Нивное и г. Мглин (поездка от станции Унеча была совершена на лошадях).

В 1922 году — гг. Сураж и Клинцы и сс. Овчинец, Новый Дроков, Высокое Суражского уезда и Нивное Мглинского уезда. В Клинцах наблюдал говор уроженца села Лопатни, наход. в 12 верст. от Клинцов. На базаре в г. Сураже наблюдал говор жителей сс. Дубиновки (12 в. от Клинцов), Рудни и Замердеевки.

В 1923 г. в конце лета, при окончании настоящей работы у меня возник ряд сомнений, особенно относительно наличности в восточной части Стародубского уезда, соседней с Трубчевским, твердого *р* в положении его пред гласными переднего ряда, судьбы звонких согласных в положении их пред глухими и некоторых других явлений. С целью проверить свои сомнения, в августе того же года я проехал в восточную часть Стародубского уезда. Но случайно в г. Погаре познакомился с архивом местной Успенской церкви и значительную часть небольшого, бывшего в моем распоряжении времени провел в работе над архивными материалами[1] (о чем ниже). В эту поездку я однако имел возможность проверить свои сомнения наблюдением над говором следующих сел и деревень: Михновки, Курова, Суворова, Чубарова, Дареевска, Андрейкович, Кистра, Чаус и Горицы.

В г. Погаре я наблюдал, между прочим, говор домашней работницы из д. Бугаёвки и говор учителя рисования Погарской школы II ступ. К. И. Бурого. Говор К. И. Бурого, уроженца д. Бучек, кстати отмечу здесь, удивительно сохранил свои характерные особенности (твердое *р* только пред гласными переднего ряда, звонкие шумные согласные в положении пред глухими и в абсолютном конце слова и др. черты), несмотря на то, что К. И. Бурый получил художественное образование в Киеве и некоторое время, кроме того, проживал там. К. И. Бурый располагает значительным

---

[1] Приношу здесь глубокую благодарность Д. Я. Никольскому, предоставившему мне возможность заняться этими материалами.

архивным материалом, и, благодаря его любезности, я имел возможность кое-что использовать из этого материала для настоящей работы.[1]

На станции Унеча (бывш. Мглинского уезда) я наблюдал говор следующих сел: Рюхова Стародубского уезда, Песчанки Клинцовского (бывш. Суражского) уезда, Дубовки и хут. Рябовки.

То же было проделано мною и на ст. Жудилово в ожидании поезда на Москву. Здесь наблюдались говоры сел: Бучек, Михайловска, Ковалева, Стародубского уезда и м. Баклани бывш. Мглинского уезда.

Таково непосредственное знакомство мое с говором. К сожалению, из более ранних моих записей очень мало сохранилось, да к тому же не всегда я их делал, довольствуясь в большинстве случаев пометкой у себя существования той или иной черты. Записи, сделанные мною во время двух последних поездок, содержат преимущественно разговоры, слова и выражения; произвести более обширные записи не удалось: оба раза я очень был ограничен временем; пришлось довольствоваться небольшими записями и пометками. Как бы то ни было, эти записи и наблюдения дают возможность отнестись критически к печатным и рукописным источникам.

Отрицательные и положительные стороны источников.

Значительная часть названных здесь источников представляет материалы, собранные преимущественно этнографами, не преследовавшими лингвистических целей. Если у некоторых из них есть замечания, что записи делались «с фонографической точностью» (М. Н. Косич) или «с удержанием выговора» (Е. Якушкин), то, во всяком случае, это замечания не специалистов, и «точность» их записей может быть лишь относительная: в них могли найти себе выражение лишь наиболее яркие особенности говора, обращающие на себя внимание не лингвиста, и одновременно с тем могли остаться не замеченными факты менее яркие, но весьма ценные как для характеристики говора в тот период его жизни, когда производились записи, так и для его истории. Кроме того, в подобного рода записях, в передаче некоторых фактов говора обычно сохраняется орфографическое написание, иногда рядом с фонетическим, тем более, что авторы записей и ответов на программы, за немногими исключениями, пользовались обычным русским алфавитом, без приспособления его к особенностям говора. Далее, ответы на Академич. програм. №№ 282 и 6 из Трубчевского уезда, заключая

[1] Считаю своим долгом выразить ему здесь свою благодарность.

чирты, свойственные Северско-белорусскому говору, имеют и значительное количество великоруссизмов, не говоря уже о проникновении русского влияния в значительное количество источников.

Все это вместе взятое, а равно и ряд других обстоятельств, неизбежных при подобного рода записях и уменьшающих значение их, как источников для изучения говора, требует, чтобы лингвистический материал извлекался из них и пускался в обращение только после самого тщательного критического анализа.

Наконец, печатные материалы по содержанию в большинстве случаев представляют сборники песен, а известно, что песенная речь отличается от разговорной особенно в фактах морфологии и синтаксиса, представляя ряд архаизмов и образования по требованиям размера и рифмы.

Кроме того, в ряде песен ярко выступает великорусское влияние, особенно в записях со слов молодых парней и отчасти девиц; срав., наприм., у М. Н. Косич, стр. 104, 105 и друг. или у А. Д. Нечаева, в записях которого особенно сильно сказывается великорусское влияние; сравн. №№ 51, 63, 72, 82, 95, 133, 151, 153 и друг.; срав. также в сказках А. Афанасьева некоторое украинское влияние.

Все это вместе взятое побуждает с большой осторожностью относиться к показаниям песенного материала и брать из него примеры в том лишь случае, когда они находят себе подтверждение в известных мне непосредственно фактах живого, разговорного языка.

Сообразно с этим в дальнейшем изложении работы будут выделены в «*Примечания*» факты преимущественно песенного языка.

Критический анализ должен предшествовать извлечению материала и из ответов на программы: они также в большинстве случаев давались не специалистами, для которых некоторые вопросы программы могли быть прежде всего неясны, что нередко наблюдается при обработке этих ответов, не говоря уже о том, что у автора ответов могло быть недостаточно внимательное отношение к говору, по которому давался им ответ. Могло иметь также место и чисто формальное выполнение ответов, что также наблюдается при обработке их. Наконец, если принять здесь во внимание то обстоятельство, что и наблюдения филологов-специалистов иногда расходятся между собой в характеристике некоторых звуковых явлений в одном и том же говоре,[1] то станет ясно, что всякий письменный источ-

[1] Сравни, напр., наблюдение проф. Е. Ф. Будде, акад. Е. Ф. Карского и проф. И. Г. Голанова над говором с. Акулич Орловской губернии. См. «Сборн. отдел. русск. яз. и словесн.», т. 76, № 3. Проф. Е. Ф. Будде. «О говорах Тульской и Орловской губ.»; «Новый

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

ник, привлекаемый мною в качестве диалектического материала, должен подвергнуться прежде всего тщательной критике, и здесь, при выборе ответов, одним из критериев должно служить непосредственное знакомство мое с говором. Только путем такого сопоставления всех названных выше источников, смею надеяться, мне удастся получить достаточно проверенный и надежный материал для своего исследования.

Наиболее удобным признаю производить критический анализ источников при рассмотрении отдельных фактов говора.

Что же касается литературы, имеющей своим предметом отношение Северско-белорусского говора к другим белорусским говорам, то она чрезвычайно бедна: здесь нет ни одной статьи, непосредственно трактующей этот вопрос; лишь мимоходом касаются его исследователи и наблюдатели других белорусских говоров. Подробнее о ней в соответствующем отделе.

Фонетика.

Гласные.

Гласные под ударением. Гласные под ударением не подвергаются в Северско-белорусском говоре изменениям, лишь в отдельных случаях встречается вызванный соседством с *е* и *ў* звук *о* вместо ударяемого *а* в закрытом слоге.

Примеры: трóўка (А. Д. Н., Гарцево, 49; Абаринки, 81), муро́ўка (ib.).

По аналогии с этими формами встречаются и — муро́ву (М. Н. К., Росуха, 61), тро́вачка (А. Д. Н., Гарцево, 51), тро́вачки (ib., Абаринки, 92).

На ряду с этим обычны также и случаи с *а*: тра́вачки (А. Д. Н., Абаринки, 53), па мура́вачки (ib.).

По ассоциации с формами, имеющими *о* по аналогии с другими образованиями того же корня, встречается ряд слов с *о* на месте ударяемого *а*.[1].

Примеры: бро́нюцца (М. Н. К., Росуха, 75), бро́ницца (ib., Невзорово, 85), ни пато́й (ib., Михайловск, 76), ко́цюцца (ib., Лупеки, 102),

---

сборник статей по славяноведению в честь В. Ив. Ламанского», ст. акад. Е. Ф. Карского «К вопросу о народных говорах Орловской губернии», стр. 314—320; «Труды Моск. Диал. Комис.», в. 3, стр. 160—161, заметка проф. Ив. Гр. Голанова.

[1] Сравн. акад. Е. Ф. Карский «Белорусы», т. II, в. 1, стр. 86.

насо́дь (А. Д. Н., Абаринки, 69), зако́ча (вм. закотя; *ч* из *т* под влиянием следующего слова чу$^{п}_{б}$: «як зако́ча чу$^{п}_{б}$»), насо́дють (ib., 73), падно́шываю (ib., Ильбово, 103), со́джана (ib., 112).

Таковы же повсеместно распространенные: што́нікі, нако́цім, пло́цюць, надо́рым, насо́дзім и некоторые другие.

Отмечаются они и Академической белорусской программой № 221 (из Мглинского и Стародубского уездов), № 6 (из Сагутьева Трубчевского уезда) и великорусск. № 282 (из с. Алешенки Трубчевск. уезда).

Влиянием аналогии также вызвано образование форм с *е* и *'о (ё)* на месте ударяемого *' а* (я): гле́дзючы, трёс, запрёг.

В записях М. Н. К. (Лупеки, 28) отмечено, между прочим, *запре́жаны*. То же и в Академ. великорус. програм. № 269, № 282 и белорусск. № 6.

Примечание. Образований *дрэнь, дрэ́нны(й), дрэ́нна*, весьма распространенных в других белорусских говорах, в Северско-белорусском говоре нет.

Слова *хоць* и *меж*, примыкая к следующему за ним слову, теряют иногда ударение и представляют изменение безударных *о* и *е* в *а* и *и:* «хаць да духа» (М. Н. К., Росуха, 35), між намы, між вамы и т. д. Таково же и производное — паміж.

В Академической великорусской программе № 282 отмечено *хуть*.

В некоторых случаях *о* вм. *а* есть остаток старины, таковы: ро́зум, ро́ўны(й), дубро́ва, где в великорусском языке *а*, вызванное другими причинами.

Примеры: пра дубро́ву (М. Н. К., Росуха 61), у дубро́вы (ib., 96), дубро́ва (ib., Бородинка, 18), дубро́ву (ib., Лупеки, 16), дубро́вачка (ib., Манюки, 83), ро́зуму (ib., Погар, 109; А. Д. Н., Семешково, 116), дубро́вки (А. Д. Н., Ильбово, 110), ро́зум (Акад. в.-русск. прогр. № 282 и белорус. №№ 221 и 6).

Безударные гласные.

а) Слог, непосредственно предшествующий ударяемому.

Все перечисленные выше источники характеризуют Северско-белорусский говор, как акающий. Вопрос лишь в том, с каким видом аканья имеем здесь дело? В литературе по отдельным вопросам русской диалектологии, затрагивающей частично и аканье нашего говора, имеется не одинаковое определение его.

В V-м выпуске «Трудов Московск. Диалектол. Комиссии» аканье названо диссимилятивным.[1] Диссимилятивным признает его и проф. Ив. Г. Голанов в статье «О диссимилятивном аканьи»[2] и в названной уже заметке по говорам бывш. Мглинского уезда.[3]

Проф. Н. Н. Соколов относит Стародубский уезд и часть Новозыбковского уезда к области ассимилятивного аканья, а бывш. Суражский, Мглинский и северн. часть Новозыбковского уезда к диссимилятивному[4] аканью.

Проф. Н. Н. Дурново в названном выше исследовании принимает очерченные проф. Ив. Гр. Голановым границы говоров с диссимилятивным аканьем после твердых согласных и устанавливает различные типы аканья после мягких согласных, т.-е. типы так называемого яканья. В Стародубском и Мглинском уездах бывш. Черниговской губ. и Трубчевском уезде бывш. Орловск. губ. он признает диссимилятивное яканье Жиздринского типа (стр. 14, 15), в том же Мглинском и бывш. Суражском уезде сильное яканье (стр. 16) и предположительно в том же Мглинском и Стародубском уезде бывш. Чернигов. губ. умеренно-диссимилятивное яканье (стр. 19).

Акад. А. А. Шахматов, на основании записей М. Н. Косич, определяет здесь аканье, как сильное второго типа, т.-е. в первом предударном слоге на месте звуков *о* и *а* после твердых согласных всегда звук *а*, после же мягких согласных на месте *е* и *а* звук *а* слышится в том случае, если под ударением не *а*, а какой-нибудь другой гласный звук; если же под ударением *а*, то в первом предударном слоге редуцированный гласный заменяется чрез *е*, *і* иногда и *а*.[5]

Таково положение вопроса в трудах общего характера, лишь мимоходом касающихся аканья Северско-белорусского говора. Специальных работ, посвященных говору в целом, как уже отмечено, нет; имеется лишь несколько названных уже раньше статей, рассматривающих говор более или менее значительного района. В этих статьях аканье определяется следующим образом.

В статье М. Н. Косич, судя по приведенным примерам и сделанным замечаниям (стр. 113—117), говорится, с одной стороны, об аканьи «более глухих мест», в речи «людей, не соприкасающихся с интеллиген-

[1] «Опыт диалектологической карты рус. языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии». Составили Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, стр. 54 и 57.

[2] «Труды Московск. Диалект. Комис.», вып. 3, стр. 208.

[3] Ib., вып. 3, стр. 161—162.

[4] Ib., вып. 2, стр. 99.

[5] Op. cit., стр. 79, 80, 83, 84 и 85.

ней», и с другой — об аканьи в местах, противоположных первым. В этих последних, на основании М. Н. Косич, аканье может быть названо сильным, а яканье диссимилятивным. Что же касается «более глухих мест», то здесь аканье также сильное; на месте же предударного *е* в положении его пред слогом с ударяемым *а* в говоре «старых людей» слышится *'а (я)* (стр. 116), в положении же предударного *е* пред другими ударяемыми гласными оно также переходит в *'а (я)*.

Ан. Ф. Полевой в названной уже статье говорит о двух видах аканья в той части Новозыбковского уезда, которая была предметом его наблюдений: 1) об аканьи сильном — во всяком положении после твердых и мягких согласных слышится звук *а* и 2) диссимилятивном. Диссимилятивное аканье слышится только в деревне Васильевке (Дубровке), а сильное в остальной части уезда, хотя тут же им указано на произношение: ніхáй и німá.[1]

В рукописной статье М. В. Ушакова аканье в первом предударном слоге определенно как диссимилятивное, «хотя и не резко выраженное»; яканье признается диссимилятивным. Такое определение аканья дано было М. В. Ушаковым в 1924 году, однако осенью 1925 года, наблюдая во время диалектологической экскурсии диссимилятивное аканье в Можайском уезде Московской губ. и сравнивая с ним свои наблюдения в Мглинском уезде, М. В. Ушаков пришел к выводу, что аканье во Мглинском уезде (не яканье) нельзя признать диссимилятивным.

Обратимся теперь к ответам на программы и сборникам песен и сказок.

Из примеров, приведенных в ответе на программу К. П. Михальчука из Мглинского уезда,[2] можно заключить, что аканье здесь весьма сходно с аканьем в записях М. Н. Косич.

Ответы на Краткие Академические программы, за исключением № *292а* из бывш. Суражского уезда (с. Казаричи Гордеевской волости и д. Стодола Голубовской вол.), указывают на *а* после твердых и мягких согласных, независимо от гласного под ударением. Правда, в ответе из с. Нижнего Стародубского уезда (программа № *209 а*) говорится, что «выдá, ныгá не говорят, но в слове вадá *а* менее ясно, чем в слове вады́».

Примечание. В ответе на программу № *292а* отмечается колебание между сильным аканьем и диссимилятивным, идущим из б. Мо-

[1] Op. cit., 274.

[2] Труды этнографич. статистич. экспедиции в западно-русский край. Материалы и исследования, собр. П. П. Чубинским, т. VII, стр. 538.

гилевской губернии. «Все жители вышеупомянутых мест» (с. Казаричи и д. Стодола), говорит автор записи, «раз будут говорить ныга́, гылыва́, дыска́, а в другой в том же случае скажут нага́, галава́, даска́» (§ 3).

В ответе на белорусскую Академическую программу из Мглинского и Стародубского уездов № 221 (М. Н. Косич) находим примеры: каля́ды, каза́ў, вярпи́сь, у мяне́, вязу́ць, зялёный, бяру́, мядавы́й, зяляно́, зямля́, сястра́, жана́, пляла́ и т. д., указывающие на аканье и яканье, сходное с тем, с каким мы встречались уже в ее статье о «Звуковых особенностях белорусского говора Черниговской губернии».

То же находим и в программе Московской Диалектол. Комиссии № 91 (из Мглинского уезда): вада́, сама́, барада́, палажы́ть, паскаре́й, паняс у́, памяло́, вяду́, пряду́, бяды́, сястре́, вяла́, нясла́, ряка́, заляза́ть, мяня́ть, дясяти́, патяря́ть, пяча́ть, уяжжа́ть и с другой стороны — пита́к, виля́ть, диса́тый, беряжо́к, на беряжку́ и т. д.

В Академич. вел.-русской программе № 269 (из Мглинского уезда) на аканье нет указаний; яканье диссимилятивное: рика́, висна́, вясло́, вясны́, вясне́, вясно́й, дисяти́, лисави́к, сирябро́ и т. д.

В ответах Ив. М. Г. и Л. Гр. С. аканье сильное, а яканье диссимилятивное.

В ответе Ал. Ф. П. такие же сведения, как и в статье Ан. Ф. П.

В ответе на Академическую вел.-русскую программу № 282 (из с. Алешенки Трубчевского уезда) и белорусскую № 6 (из д. Сагутьева того же уезда) аканье — сильное, яканье — диссимилятивное.

В записях М. Н. Косич на месте безударного *о* и *а* (после твердых согласных) в первом предударном слоге в положении их пред ударяемым *а* встречается *а*.

Примеры. *Мглинский уезд:* вада́ (Росуха, 17), маладая́ (ib., 19), твая́ (ib.), нажа́ (ib., 20), баяра́мы (Водвинка, 20), пастаяла (ib., 62), твая́ (Горяны, 15), астрага́, (хут. Александр., 88), галава́ (Жуково, 65), маладая́ (Шапочка, 71), каня́ (ib.) и т. д.

Стародубский уезд: мая́ (Новоселки, 19), стала́ (ib.), баярачки (ib.), устава́ла (Лупеки, 23), дарава́ла (ib.), парасяцины (Гарцево, 31), паламаю (Жигалки, 36), галава́ (Верканька, 43), каня́ (Далматово, 42) и т. д.

Суражский уезд: винава́та (Красновичи, 88), Тапяну (ib.), панара́вилась (Клинцы, 103), запрапа́ли (ib.) и т. д.

Новозыбковский уезд: пада́рачки (Манюки, 22), баяры (ib.), на зака́ци (ib., 69), сказа́ла (ib., 83), зарасла́ (ib., 92), пада́рачка (ib.).

Примечание. Изредка встречающиеся случаи написания с *о* в первом предударном слоге, например: коня́ (Росуха, 20), кома́рыки (Жуково, 65), якова́ (ib., 65), луговая (Лупеки, 72), на дворе́ (Бородинка, 34; Шапочка, 98) и т. д., представляют опечатки или вызваны влиянием аналогии.

В записях А. Д. Н. те же безударные гласные в том же положении также передаются чрез *а*, например: вынагра́д (Гарцево, 17), бара́мы (ib., 19), баяр (ib., 20), Хама́ (ib., 49), парасплакалися (ib.), набра́ў (ib.), прашча́й (ib., 51), тава́ру (ib., 58), папа́ла (ib.), тава́рам (ib.), саба́ка (ib., 59) накла́ла (Абаринки, 64), бага́таму (ib.), раса́ (ib., 65), каня́ (ib.), салда́т (ib., 93), абазна́лися (ib., 95), маладая (Ильбово, 97), пасла́ла (ib.), мая́ (ib., 99), каса́ты (ib., 103) и т. д.

Примечание. В записях есть так же, как и у М. Н. Косич, написания с орфографическим *о*: проща́лася (Гарцево, 31), моё (ib., 18), покида́иш (ib., 28) и т. д. и несколько случаев написания с $^{ъ}_{а}$ и $^{о}_{а}$, например: п$^{ъ}_{а}$ра́дь мне п$^{ъ}_{а}$ра́дачку (Гарцево, 20), п$^{ъ}_{а}$ра́дить (ib.), б$^{ъ}_{а}$га́т$^{а}_{о}$му (ib., 48), д$^{о}_{а}$чка́ (ib., 57), б$^{о}_{а}$га́та (Ильбово, 97) и некоторые друг. Встречаются они преимущественно в песнях.

Записи Е. Якушкина вообще неудовлетворительны: в них преобладают орфографические написания, тем не менее имеются в них указания на характер аканья: неударяемое *о* и *а* первого предударного слога передается чрез *а*, а относительно других слогов он говорит: «*молода́я* я не умею написать совершенно так, как произносится: *молода́я* произносится почти как *мыладая*». Встречаются у него примеры с *ы* в тех же предударных и заударных слогах: гылубо́в, мыладе́, кынапе́ль, над го́радым рядом со случаями отсутствия такой замены: залата́я, наварю́, паяди́м, паляни́ца и т. д.

Передача аканья после твердых согласных в записях Н. Дорогунцева и в сказках А. Н. Афанасьева мало удовлетворительна: преобладают орфографические написания; имеется лишь несколько примеров с *а*: салда́т, тава́р, сазда́в (Дорогунцев), памага́ть, галава́ (А. Н. Афанасьев, № 4).

В «Материалах» (т. II) П. В. Шейна аканье после твердых согласных не передано вовсе: после твердых согласных сохранено орфографическое написание. В примечании к записи сказки в деревне Чертовичи бывшего Суражского уезда находим у него указание, что «неударяемое *о* везде

произносится как *а*» (ib., стр. 416). Необходимо однако здесь отметить, что к этому замечанию П. В. Шейна, как и вообще к замечанию этнографов о произношении, следует относиться с большой осторожностью: в песне из той же деревни находим у него *хма́рычки,* несмотря на замечание его о произношении неударяемого *о*, как *а*.

Мои наблюдения над аканьем говора приблизительно совпадают с тем, что имеется в записях М. Н. Косич и отчасти в ее статье «Звуковые особенности белорусского говора Черниговской губернии». Вне всякого сомнения, следует различать говоры глухих мест от говоров сел и деревень, находящихся в постоянном сношении с городом. И те и другие после твердых согласных в положении пред слогом с ударяемым *а* имеют звук *а*.

После же мягких согласных в говорах глухих мест и пожилых людей, по моим наблюдениям, также слышится на месте *а* (*я*), *е* и совпавшего с ним *ѣ* звук *а* или звук, более близкий к переднему ряду (в записях передается он чрез *я* или иногда чрез *е*), а в говорах противоположных первым — звук *і* или близкий к нему. При взаимном общении говоров возможно проникновение звука *і* и в говоры, представляющие в этом слоге другие звуки.

Примечание. Не отрицаю здесь возможности и тех звуковых явлений, которые отмечены другими наблюдателями: записи производились ими (напр., проф. Ив. Гр. Голанов) преимущественно со слов подгородных жителей. В записях А. Д. Нечаева, как уже отмечено, значительно великорусское влияние.

Примеры аканья после мягких согласных. М. Н. К. *Мглинский уезд:* заглядáла (Росуха, 32), вяснá (ib., 35), мяшкá (ib., 77), выглядáю (ib., 81), завязáли (ib., 84), абглядáли (ib.). падрязáли (ib., 84), сустрякáў (ib., 86), на плячáх (ib., 101), ни запякáй (Бородинка, 69), сяля́ (ib.), паднясля́ (ib., 89), данясля́ (ib., 100), сястрá (Горяны, 48, 72), ни лятáй (хут. Александр., 90), сястрá (ib., 75, 76), ни ляжáць (Яблонка, 29), пяскáмы (ib.), ня скáжа (Нов. Ивайтенки, 64) и т. д.

Стародубский уезд: замяшáю (Лупеки, 44), пякля́ (Невзорово, 90), яна́ (ib., 104), лятáй (ib.), сястрá (Гарцево, 30), зьвязля́ (ib.), вяснá (ib., 37), палягля́ (Новоселки, 26), ни лятáй (ib., 49), гаряваць (Платково, 81), гарява́ла (ib.), либядзя́тамы (Выстрик, 44), уяднáю (Погар, 109), яднáла (ib.), ни ўяднáла (ib.) дяржáла (ib.) и т. д.

Новозыбковский уезд: са слязáмы (Манюки, 83, 91), сястрá (ib., 91),

прыбяжа́ли (ib., 92) и т. д., с другой стороны — случаи со звуком, передаваемым буквами *е* и *і*.

Мли́нский уезд: венца́ (Росуха, 22), ни ра́да (ib., 32), неха́й (ib., 34), ляжа́ла (ib., 63), зямля́ (ib., 77), земля́ (ib.), звиза́ли (ib., 84), лита́ў (Водвинка, 34), грыха́ (ib., 62), палета́й (ib., 98), видра́ (Бородинка, 102), вылета́ў (Жуково, 75), систра́ (ib., 76), нема́ (Шапочка, 64), сем'я́ (ib.), неха́й (ib., 71), нема́ (Кожемяки, 83).

Стародубский уезд: ваева́ци (Лупеки, 27), хлиба́ли (ib.), ена́ (Невзорово, 104), нема́ (Гарцево, 39), павева́е и павива́е (ib., 42), лита́ла (Човпня, 66), ена́ (Гриденки, 53), пралежа́ла (Далматово, 43), неха́й (Лужки, 52), пича́ль (Погар, 109), зимля́ (ib., 110), заспева́я (ib.).

Новозыбковский уезд: неха́й (Манюки, 22), нема́ (ib., 83).

Суражский уезд: летя́ть (Клинцы, 103).

Примечание. Случаи с *е* могут быть приняты лицом, не знакомым непосредственно с говором, за орфографическое написание, но буква *е*, по моим наблюдениям, передает здесь звук, о котором было уже сказано. Такое произношение весьма распространено в говоре.

В записях А. Д. Нечаева после мягких согласных чаще встречается *і*, но нередки также и случаи с *а*, например: ниха́й (Гарцево, 23), зимля́ (ib., 34), диржа́ть (ib., 44), бида́ (ib., 50), дрима́ла (Абаринки, 64), лита́ла (ib.), занита́ (ib., 82), виза́ть (Ильбово, 111), ниха́й (Семешково, 118) и т. д. и с другой стороны — ня я́года (Гарцево, 21), систра́ (ib., 23), змяя́ (ib., 32), сяла́ (ib., 52), дявча́ты (ib., 40), приняла́ (Абаринки, 80), нибяса́ (ib., 91), систра́ (Ильбово, 105), привяза́ў (Ильбово, 102), вяза́ла (ib., 111), змяя́ (Семешково, 117), привязаў (ib.) и т. д.

Встречается у него и передача неударяемого гласного первого предударного слога после мягких согласных чрез $^{я}_{а}$: с$^{я}_{а}$йча́с (96).

В сказках А. Н. Афанасьева: принясла́, лягла́, лятя́ть (№ 4), систра́, вянча́цца, привяла́ (№ 6), систра́, систра́м, утяка́ть, привяла́, утякая́ (№ 14), ляжа́в, патякла́ (№ 30), систра́ (№ 31) и т. д.

Примеры с *е* в этих записях в значительной части представляют, повидимому, орфографическое написание или имеют то же значение, какое указано для записей М. Н. Косич.

В записях Н. Дорогунцева: ваява́ли, паўдзися́тка, нема́.

В «Материалах» П. В. Шейна (т. II) преобладает орфографическое написание, но есть и случаи сильного яканья: тяпла́, нята́, клява́в (№ 77), ня зна́в (№ 84), вядра́, ўзяла́ (№ 231) и т. д.

Пред другими ударяемыми гласными на месте тех же предударных гласных после твердых и мягких согласных в записях М. Н. Косич и А. Д. Нечаева встречается *а*.

Примеры. М. Н. К., *Мглинский уезд:* хадзи́ла (Росуха, 15), баги́ (ib., 16), дарбжку (ib., 16), стараны́ (ib., 17), на стале́ (ib., 20), баю́ся (ib., 63), либядо́ю (ib., 17), бяре́ (ib.), сярдзи́т (ib., 49), свякру́ха (ib., 63), баю́ся (ib.), панясу́ (ib., 96), зялёная (ib., 38), дзяци́нка (ib., 17), бяжы́ць (ib., 20), стря́лцы (ib., 97), адзи́н (Горяны, 48, 15), Пятро́ўна (ib., 48), сястро́й (ib.), бяду́ (ib., 68), бяду́ю (ib.), бали́ць (Жуково, 65), цярпе́ць (ib., 71), палячу́ (ib., 72), сястру́ (ib., 74), падзяржы́ (Водвинка, 33), вярну́ся (Бородинка, 34), нядзе́ли (ib., 35), вяли́ць (ib., 53), ляци́ (хут. Александровка, 88), вицяро́чык (Кожемяки, 66), няро́дная (ib.), бягу́ць (ib., 72), няся́ць (ib.), нявестачку (Шапочка, 63), вяли́ка (ib., 64), зялёная (ib , 71), (вяду́ць (ib.), бялю́синька (ib., 98), старо́начка (Мглин, 112), сястры́ца ib., 112) и т. д.

Стародубский уезд: нясе́ (Лупеки, 23), цяпе́рь (ib.), бяли́ла (ib.), вяно́чка (ib., 25), на ряце́ (ib., 31), вярбо́вая (Гарцево, 30), у вянку́ (ib., 39), салаве́й (Анушино, 51), у вяли́кам (ib., 46), ляно́к (Невзорово, 46), дзяржы́сь (ib.), сяджу́ (ib., 88), сястре́ (ib., 101), сяло́ (Новоселки, 49), у сваём сяле́ (Жигалки, 36), вяду́цца (Бороздн., 105), зязю́личка (Човпня, 17), дзяўчо́начка (ib.), сястру́ (Лыщичи, 44), либядзи́ная (Выстриков, 44), ящэ́ (Гриденки, 52), павиўся (Новоселки, 26), зялёнага (Михайловск, 105), пато́птан (Погар, 107), пасте́льку (ib.), на нибясы́ (ib., 108), ни вярну́ся (ib., 111) и т. д.

Новозыбковский уезд: даляко́ (Манюки, 52), вясну́ (ib.), ляжы́ць (ib., 83), тясо́вый (ib., 90), слядо́к (ib., 92).

Суражский уезд: звисяли́ш (Клинцы, 103), зямле́ (ib.), ва зялёный (ib.), ящэ́ (Красновичи, 88) и т. д.

Примечание. В ответе на кратк. Академ. програм. № *292а* имеются указания на произношение неударяемого *е* и *а* после мягких согласных в Клинцах бывш. Суражского уезда; приведены следующие случаи: бирёза, чисы́, Ифи́мовна, принися́. Произношение это свойственно великоруссам старообрядцам и посадов Стародубского уезда.

В записях А. Д. Нечаева: бярёза (Гарцево, 17), дяти́начка (ib., 19), зязю́ля (ib., 21), вянко́ў (ib.), лятэ́ли (ib.), бяли́ла (ib., 23), набялю́сь (ib., 31), тясо́вы (ib., 40), на бирягу́ (ib., 59), прибяре́цца (Абаринки, 65),

лятéли (ib., 68), бядóвая (ib., 70), на ряцé (ib., 71), нявéстатцы (Ильбово, 97), вярнúся (ib.), тяпéрь (ib., 99), вялúкая (ib.), палячý (ib., 107) и т. д.

Примечание. Тут же у него и несвойственные говору, вызванные великорусским влиянием: паринёк (Гарцево, 46), либёдушка (ib., 48), тисóва (Абаринки, 103).

В записях Н. Дорогунцева: ляжыць (стр. 6), кисялю́ (стр. 9), ящé (ib.), ня чýтна (ib.), ня рóбя (стр. 12) и т. д.

В сказках А. Н. Афанасьева: принясé, вячéрять, сяло́, вялéла, лятúть, тякло́ (№ 4), лягли́, яго́ (№ 6) и т. д.

То же и в «Материалах...» (т. II) П. В. Шейна, в тех случаях, где автор записи не следует орфографии: у тябé, у мяне́, к ямý, ящé, ямý (№ 231) и т. д.

Примеры на яканье в других источниках приведены выше.

На месте тех же неударяемых гласных в положении их после шипящих и *ц* говор представляет *а*.

Примеры. М. Н. Косич, *Мглинский уезд:* чаля́дачка (Бородинка, 34), жана́ (ib., 39), жану́ (Росуха, 62, 75, 79, 91), чаго́ (ib., 79), щаку́ (ib.), щадру́ю (ib., 96), пшани́цу (ib., 99), па щака́х (ib., 101), часну́ю (Водвинка, 20), пацалу́ю (ib., 98), жардзи́ну (Бородинка, 40), пшани́чаньки (ib., 53), ни жани́ся (ib., 89), чаму́ (хут. Александр., 18), пшани́цы (Жуково, 100), жани́уся (Кожемяки, 98), жани́цися (ib.).

Стародубский уезд: чатыри (Невзорово, 90), жани́уся (ib., 101), цапо́чки (Михайловск., 104), часы́ (ib.).

У А. Д. Нечаева: чаго́ (Гарцево, 30), часáть (ib.), жани́ла (ib., 33), жана́ (ib.), жаны́ (ib., 59), на часи́ну (Абаринки, 66), шаўко́вым (ib.) и т. д.

В песне из дер. Чертовичи бывш. Суражского уезда (П. В. Ш. «Материалы», т. II, 178—179): жалу́дки, жана́, чаркáшаница.

Немного примеров есть у Н. Дорогунцева и в сказках А. Н. Афанасьева.

В ответе на Академ. в.-р. програм. № 269: жани́всь, цалéй, цана́, ацани́ть, царко́вный, пашаве́ливай (§ 43).

То же и в ответах на белорусск. програм. № 221: щака́, цана́, щарба́, шаво́ле, шарстя́ный, на шасту́, чапля́ць, щано́к, щапо́тка, чарни́ца, часно́к, часáць, чарвя́к, чатыри, жала́ць и т. д. (§ 14).

В ответе на Акад. в.-рус. програм. № 282: жара́, жана́ (§ 26), чаго́, часы́, чарты (че́рти) (§ 39), цана́, ацани́ть, царько́вный, жани́х, у шастёх (§ 43).

То же в ответе на белорусск. програм. № 6: жани́ца, чатырёх, царко́вный, жани́дьба, жала́ю, чарни́ла, шарша́вый и т. д. (§ 14).

В ответе на программу Моск. Диалектолог. Комиссии № 91: царя́, цалу́ю, цапа́мы, цапо́чка, у цапя́х, цани́ть, цале́й, жалу́дак, жару́, шага́ть, учара́сь, пачарпну́ть, жале́ть, шали́ть, щасли́вый, щами́ть и т. д.

В ответах на программу И. М. Г. и Л. Г. С. приведены те же примеры.

В статье М. В. У.: царя́, жана́, цалава́ть, шага́ть.

С этими данными вполне совпадаютъ и мои наблюдения.

б) Другие предударные слоги.

Звуки *о* и *а* после твердых согласных во втором и прочих предударных слогах в положении пред гласными переднего, среднего и заднего ряда в значительной части говора совпали в одном звуке *а*, слабо редуцированном.

Примеры. М. Н. К.: прададзи́м (Росуха, 38), панясу́ (Нов. Ивайтенки, 64), саяны́ (Водвинка, 14), маладу́ю (Лупеки, 16), маладо́му (ib., 51), к маяму́ (Невзорово, 104), парася́чины (Горяны, 31), пратапчу́ (Жигалки, 36), правади́ла (Михайловск, 104) и т. д.

Примечание. Случаи с *о* преимущественно в предлогах-приставках представляют недосмотры: 1) лично мне не приходилось замечать в живом произношении в подобных случаях *о;* 2) ответ на Акад. б.-рус. програм. № 221, данный М. Н. Косич, содержит слова, сложные с предлогами, в которых на месте *о* находим *а:* па двару́, палажы́ў, памаладзе́ла.

В данном случае приставки и отрицания примыкают к следующему за ними слову и разделяют судьбу других предударных слогов.

Несколько иначе обстоит дело с предлогами *с* и *к* в положении их пред согласным следующего слова. В записях М. Н. Косич и А. Д. Нечаева встречаем *сы* и *кы:* сы крутыя гары (М. Н. К., 100), сы ве́чара (ib., 69), кы бе́режку (ib., 72), сы галу́бкаю (ib., 100), сы по́ля (ib., 64), сы ве́чара (ib., 65), сы пау́но́чы (ib.), сы таски́ (ib., 81), сыкати́ўся (А. Д. Н., 37), сы бе́лага (ib., 43), сы бурла́кам (ib., 48) и т. д.

Объяснение этого явления см. у Л. Л. Васильева в статье «К характеристике сильно акающих говоров».[1]

[1] «Русский Филологический Вестник», 1907 г., № 4, стр. 241—262.

В записях А. Д. Нечаева находим: маладóму (Гарцево, 17), сабирáть (ib., 20), залатыя (ib., 24), падивúся (ib., 37), накатúли (ib., 59), панимáю (Абаринки, 69), гаварю́ (ib.) и т. д.

Примечание. Здесь же находим несколько случаев с *ы* на месте безударного *о* в приставке: сыўздыхáньня (30), сыскóча (61), сыкрушы́ла (109) и т. д.

В ответе Л. Г. С. отмечено, что второй и третий предударные слоги произносятся «менее отчетливо», но «походят более на *а*». На письме этот звук передается буквой *а:* барадá, палажúть, паскарéй, парубúть, затирять и т. д.

В ответ Ив. М. Г. даны примеры: гарадúть, галавá.

М. В. У. отметил в таком положении редуцированный звук.

В говорах Трубчевского уезда ответ на Акад. белорус. програм. № 6 отмечает *а:* намачúлися, галавá, зарабóталися и т. д.

В ответе на Акад. великорусск. програм. № 282 из того же уезда говорится (§ 27), что «в слогах пред ударением, но не соседних с ним *о* и *а* совпали в одном звуке *а* с оттенком *ы* (очень слабым): п$^{ы}_{а}$лячý, п$^{ы}_{а}$нясý, п$^{ы}_{а}$рубúть, п$^{ы}_{а}$грябóк, в$^{ы}_{а}$ласá, б$^{ы}_{а}$радá, м$^{ы}_{а}$лаццá, б$^{ы}_{а}$гачá» и т. д.

То же, повидимому, отмечает и Е. Якушкин в говоре г. Погара в примерах: мыладáя, мыладóе, кыпапéль, мыладбй, гылубóв рядом с — залатáя, карагóд и т. д.

Лично мне не приходилось слышать такого произношения в говоре города Погара.

Звуки *е*, совпавший с ним *ъ* и *а* после мягких согласных звуков в тех же предударных слогах в городах и селах с сильным городским влиянием, независимо от следующего за ними гласного, изменяются в *і;* в селах же со слабым влиянием города, а тем более в говоре пожилых людей, преимущественно старух, приходилось отмечать те же лишь слабо редуцированные звуки, что и в первом предударном слоге, с тем лишь отличием, что в положении *е* и *а* пред слогом с *а* слышится звук ближе к переднему ряду (в записях, повидимому, передается он чрез *я* и *е*); иногда слышится звук, более близкий к *і*. В записях А. Д. Нечаева он передается чрез $^{е}_{к}$ и $^{я}_{е}$: т$^{е}_{н}$рямóчку (Гарцево, 44). После *шипящих* и *ц* и там и здесь преимущественно *а*. При взаимодействии однако тех и других говоров встречается рядом, иногда в устах одного и того же говорящего, произношение с *і* и другими только что названными звуками.

Из записей и ответов на программы звук *i* в таком положении представляют:

1) Акад. великорус. программы №№ 282 и 269: дисятй, дивитнáдцать, сирябрó, сирида́, дирявýшка, пирипиватъ и т. д. (§ 42), но — чалавéк, цалавáцца, жанихй (§ 43), 2) Акад. белорус. программа № 6: зилнавáтый, сирябрó, силязéнька, дисятй, сирида́, но — чатырёх, чалавéк (§ 14) и 3) статья М. В. Ушакова. М. В. Ушаков отмечает в этом положении только *i*: дирявýшка, иравы́й, силязéнька, дисятй, питачóк.

Ответ на программу Моск. Диалектол. Комиссии № 91 представляет колебание между *a* и *i*: с одной стороны — вяставóй, яравóй,[1] пятачóк, плясуны́, прямикóм, рятúвая, также чатырёх, жанихй и с другой — бирячóк, типлата́, тиснатá, питуха́, дирявýшка, дисятй, бирягý, симарых (§ 7).

То же находим в ответе Л. Г. С.: яравы́й,[2] скакуны́, плясуны́, чатырёх, жанихй и — выставы́й, тиснатá, типлата́, питачóк, питуха́, дирявýшка, дисятй, бирягý, симарых (§ 7).

Ответ Ив. М. Г. представляет меньше примеров, тем не менее и у него имеем: пятуха́, жанихй, чатырёх и — тиснатá, питачóк (§ 7).

Примечание. В произношении одного и того же слова колебание в ответах: с одной стороны в программе № 91: пятачóк, а с другой у Л. Г. Самосадного и Ив. М. Гневушева — питачóк и, наоборот, у Ив. М. Гневушева — пятуха́, а в программе № 91 и у Л. Г. Самосадного—питуха́. Подобного рода колебание приходилось отмечать в говоре одних и тех же лиц.

Записи М. Н. Косич также представляют колебание в употреблении *a*, *i* и *e* после мягких согласных в этих случаях.

Мглинский уезд: ня пяé (Росуха, 25), рятавáла-б (ib., 81), ня журы́ся (ib., 84), ня бывáя (ib., 99), янарáлы (ib., 102); ня пылúцца (Бородинка, 84), пасярядзúй (ib., 89), ня пилá (Яблонка, 31), ня ўрадзúла (Кожемяки, 83) и т. д.

Стародубский уезд: ня дзицáтка (Лупеки, 27), ня частава́ныя (Гарцево, 19), ня прыгóжа (ib., 42), ня журúся[3] (Човпня, 17), лятучы́ (Платково, 81), сцялючú (ib.), ня ўзлюбúла (Гриденки, 53), бярига́ (Погар, 111) и т. д.

---

[1] Слова даны в ю.-в.-р.программе с окончанием *-ой* и по недосмотру не исправлены автором ответа.

[2] Слова выписаны, а не подчеркнуты в тексте программы, как в предыдущем ответе.

Также после *шипящих* и *ц:* щабита́ци (Росуха, 79; Бородинка, 15; Михайловск, 50), чарнамо́рца (Росуха, 81), чалаве́ччы (ib., 101), щабита́ла (Лупеки, 25), чалаве́кам (Задубен., 64), чатьвиртака́ (Бороздиино, 105). с чарнагла́зай (Погар, 107; Лупеки, 44) и т. д.

С другой стороны, более многочисленны случаи с *і:* ни ступа́й (Росуха, 15), биз вирха́ (ib., 22), биз мяне́ (ib., 22), биз мае́ (ib.), биз дзяво́цкия (ib.), ни зраби́ла (ib., 29), ни вязе́ (ib., 32), биряжо́чку (ib., 49), ни гули́ла (ib., 49), вичарко́м (ib., 77), ни пайду́ (ib., 96), ни вары́ла (ib., 102), нидаста́тки (Водвинка, 12), ни хвата́ли (Шапочка, 98), вицяро́чык (Кожемяки, 66), ни прыду́ (Жигалки, 36), ни тушыла (Погар, 109), ни ўсыпа́ла (ib.).

Несколько меньше случаев с *е*, видеть в которых сохранение орфографического написания не имею оснований: Селива́н (Бородинка, 39), Селива́нава (ib.), верьхавца́ (Росуха, 22), персцянёчык (ib., 51), дзеряўцо́ (хут. Александр., 18), безкаре́нная (Кожемяки, 67) и друг.

В записях А. Д. Н. то же самое: пиряляти́ (Ильбово, 103), пиряняси́ (ib.), пиряначу́ю (ib., 105), якава́ (ib., 108). лятучы́ (ib.), стялючы́ 109), пявуны́ (ib.), ня люби́ла (ib., 112) и т. д., и — ни вяли́ки (Гарцево, 20), тижало́ (ib., 35), ни хате́лась (ib., 52), миртьвица́ (Абаринки, 76), ни жаниўся (ib., 104) и т. д.

В некоторых случаях А. Д. Н. передает неударяемый звук 2-го предударного слога чрез $^{е}_{и}$ или $^{и}_{е}$: т$^{е}_{и}$рямо́чку (Гарцево, 44), р$^{е}_{и}$тиво́я (ib., 45).

После шипящих на ряду со звуком *а* часты у него и случаи с *ы:* цалава́ў (Абаринки, 67), цалава́нца (ib., 68), чарнагла́зинькая (ib., 68), чарнабро́вага (ib., 71, 85), чарнабро́виньки (ib., 85) и — жынишо́чки (Гарцево, 54: Абаринки, 67), жынишо́чкаў (Абаринки, 68).

в) Поударные слоги.

Звуки *о* и *а* после твердых согласных совпали в поударных, в том числе в конечных закрытых и открытых слогах в одном звуке *а*, при чем это *а* является несколько редуцированным. Более сильная редукция наблюдается в слоге, непосредственно следующем за ударяемым.

Примеры. Ответ на Академич. великорусскую програм. № 269: е́таму, Хвёдару, во́ласы, варо́нами, гаро́шак, за́ мужам, слепо́га[1] (§§ 29, 32 и 33).

---

[1] Пример подчеркнут в тексте программы.

Ответ на програм. Московск. Диалект. Комиссии № 91: из го́рада, в го́ради, го́рад, го́лас, во́ласть, ба́ба, на́да, ме́ста, се́на и т. д.

Те же примеры и в ответе Л. Г. С.

По наблюдению М. В. У., звук на месте безударного *о* и *а* после твердых согласных переходит в редуцированный, кроме конечного открытого слога, где редукции не наблюдаются.[1]

В ответе на Акад. великорусск. программу № 282 отмечено, что «за ударением звуки *о* и *а* совпали в одном звуке — слышится *а* с оттенком *ы:* ét$^{м}_{а}$му, Хвёд$^{м}_{а}$ру, дéт$^{м}_{а}$к, у́мн$^{м}_{а}$га, Хвёд$^{м}_{а}$р, хóл$^{м}_{а}$д, гóл$^{м}_{а}$с» (§ 29), но — харо́шынькага (§ 30). В конечном же открытом слоге отмечено *а:* се́на, ма́сла, си́ла, сло́ва.

Записи М. Н. Косич, если исключить из них значительное количество опечаток и недосмотров, выразившихся в написании орфографического *о*, представляют везде в этих случаях написание с *а* (редукция у М. Н. Косич, разумеется, не обозначается).

Примеры. *Мглинский уезд:* Ва́рачка (Росуха, 15), дзе́вачки (ib., 16, 17), кали́навыя (ib., 96), стака́нчыкам (ib., 14), ла́вак (ib., 17), на бе́лам (ib., 22), ве́рнай (ib., 29), ма́ткай (ib., 75, 84), сталяно́га (ib., 20), со́ньняйка (ib.), варано́га (ib., 34), зялёнага (ib., 49), ба́цькам (Водвинка, 62), з ма́ткай (ib.), кра́снай дзе́ўцы (Бородинка, 90), сиро́тачка (Горяны, 15), старо́га (ib.), варано́га (Жуково, 76), пушно́га (Яблонка, 31), ци́жка (Шапочка, 15), ды́мна (Бородинка, 34), лу́ччага (Мглин, 112), сухо́га (ib.) и т. д.

Стародубский уезд: па си́няму (Невзорово, 85), пиряпёлачки (Гарцево, 39), сьпе́лага (Бороздинно, 105), пла́кала (Михайловск, 104), дзе́вачки (Лупеки, 27), ли́сьцяйкам (Човпня, 17), го́рячка (Гриденки, 52), на Рама́навай (ib., 53), прабяжа́ла (Далматово, 43), ста́да (Выстриков, 44), у во́йська (Погар, 108), ми́лага (ib., 109) и т. д.

Суражский уезд: запрапа́ла (Клинцы, 103), де́вачки (ib.), гаво́рачка (ib.).

Новозыбковский уезд: у насле́дства (Манюки, 91), залато́га (ib., 92).

То же и у А. Д. Н.

Примеры: Ве́рачки (Гарцево, 19), бо́рам (ib.), ве́тачка (ib., 21), кра́сачки (ib.), дявчо́начка (ib., 53), сталяно́га (ib., 19), варано́га (ib.), жы́та (ib., 29), ми́лага (ib., 30), далёка (Абаринки, 62), высо́ка (ib.), варано́га (Ильбово, 101), тёмнага (ib., 110) и т. д.

Примечание. Те же, что и у М. Н. К., недосмотры — написания с *о*, наприм.: ве́триво (Гарцево, 22), бо́гово (ib.), пе́рьрячко

[1] Примеры, в виду их фонетической записи, по указанной в предисловии причине, опускаю.

(ib., 64), жы́то (ib., 66), я́года (ib., 21), и т. д. Правда, их значительно меньше, чем у М. Н. К. Видеть в них живое произношение не имею оснований: 1) мне нигде не приходилось слышать произношение с *о*; 2) в других источниках отсутствуют указания на подобное произношение и 3) эти случаи сходны с аналогичными у М. Н. К. и стоят в противоречии с ее замечаниями о судьбе безударного *о*.

У А. Д. Н. в нескольких случаях встречается $^{o}_{a}$ и $^{a}_{o}$ на месте неударяемого *о:* вы́б$^{o}_{a}$р (Гарцево, 19), по́м$^{a}_{o}$ч (ib., 20), си́льн$^{a}_{o}$ (ib., 21), жы́т$^{a}_{o}$ паспива́я (ib., 30), я́снаг$^{a}_{o}$ (ib., 31), кра́снаг$^{a}_{o}$ (ib.), на ка́жн$^{o}_{a}$м (Абаринки, 95), дру́г$^{o}_{a}$м (ib., 110), жы́т$^{o}_{a}$ (ib., 65), ма́каваг$^{a}_{o}$ (Ильбово, 101), си́няг$^{a}_{o}$ (ib.) и т. д.

Звуки *е (ѣ)* и *а* после *мягких согласных* в тех же слогах переходят в *і* или очень закрытое *е*, реже в *а* или несколько чаще в звук, более близкий к переднему ряду. Различие здесь между говорами вызвано той же причиной, что и в предударных слогах. Так же, как и в предударных слогах, в одном и том же говоре и более того, в говоре одного и того же лица, в силу указанных выше причин, наблюдается произношение с теми и другими звуками. В конечных открытых слогах слышится *а* (я) или звук, близкий к переднему ряду.

Звук *і* в этих слогах представляют следующие источники:

1) Акад. вел.-рус. програм. № 282: во́зира, се́мира, вы́мила, де́вира, во́синьню (§ 44), ма́минька, го́линькая, ру́динькая (§ 48), па́лиц, кры́ллив, по́гриб, капе́ик, вы́лиз, в ме́сиц, плбхиник, за́иц, я́стриб (§ 45), бсинь, де́вирь, ка́минь, ду́ринь, ле́бидь, ко́ринь (§ 46), но в конечном открытом слоге *а:* пяся́тя, вяди́тя, хади́тя, тро́я, бу́дя, тяпе́ря (§ 47);

2) приблизительно те же примеры подчеркнуты и в Акад. великорус. программе № 269, лишь вопрос о конечных открытых неударяемых слогах (§ 47) оставлен без ответа; на ряду с этим находим здесь — капе́як (§ 45);

3) Академ. белорус. програм. № 6: во́синь, во́зира, ми́линький (§ 14), уви́див, уви́дили, заржа́вили, абязу́мили (§ 20). Примеров на изменение этих звуков в других слогах в ответе нет

и 4) в наблюдениях М. В. У.: во́зира, по́гриба, во́синьню, на при́пичку, з Ду́ний. Примеров на изменение звуков в конечных открытых слогах у него нет.

Ответ на програм. Московск. Диалек. Комис. № 91 также представляет в этих слогах *i:* во́зира, ве́тир, гри́вин, капе́ик, я́стриб, ви́див, вы́лиз, па́лиц, за́иц, ко́ринь, де́вирь, вы́пий, ко́ний, но также здесь приведены — з Ду́няй, ба́рыняй, вы́нясу, вы́вяди (§ 8).

Примечание. Наличность в последних примерах *а* (я), полагаю, вызвана влиянием форм именительного падежа един. числа, а в других аналогией с формами глаголов — нясу́, вязу́, имеющих предударное *а* (я).

В конечном открытом слоге *а* (я): да́йтя, иди́тя, дво́я, бу́дя, хо́дя, е́дя, но крестья́ни (§ 8).

Примечание. Относительно последнего примера надо так же, как и в предыдущих случаях, указать влияние грамматической аналогии, влияние форм именительного падежа множественного числа других имен мужеского рода.

То же и в ответе Л. Гр. С.: во́зира, по́гриба, ви́дила, се́ила, де́нижки, во́синьню, де́ниг, ве́тир, ви́диў, вы́лиз, ба́чыў, па́лиц, за́иц, во́синь, вы́нису, но — з ба́риняй.

В открытом конечном сло́ге *а* (я): у по́ля (§ 8).

В ответе на Академ. белорус. програм. № 221 *а* (я) или *е*, т.-е. звук, более близкий к переднему ряду, передаваемый здесь буквой *е*: си́няга, дзе́рява, во́сянь, во́зера (§ 14).

То же и в конечном открытом слоге «в более удаленных от городов селах»: напо́йця, ни гаман и́ця, зя́лёная, сяки́ця, ляни́вая, хо́дзя, бу́дзя, лю́бя и в других местах — хо́дзе, бу́дзе, лю́бе.

В записях М. Н. Косич, кроме конечных открытых слогов, колебание между написанием *а* (я), *е* и *i*.

По моим наблюдениям, они соответствуют: 1) звуку заднего ряда, 2) звуку, более близкому к переднему ряду того же горизонтального направления, 3) звуку *i* и 4) очень закрытому *е*.

Примеры. М. Н. К. *Мглинский уезд:* зо́рячки (Росуха, 16), сбньняйка (ib., 20), ру́чачки (ib., 22), Ду́нячку (ib.), пе́сян (ib., 25), ве́цяр (ib., 49), люлячки (ib., 63), нищáсцяйка (ib., 75), пе́рсцян (ib., 96), Ива́нечка (ib., 20), пя́цера (ib., 35), дзе́веряву (ib., 79), ня́нички (ib., 63), бу́ен (ib., 49), ве́цяр (ib.), ко́ринь (ib., 70), па́рэнь (ib., 91), ро́дниньки́й (Водвинка, 14), ро́дненький (ib., 20), паря́дачак (ib., 34), па се́нячкам (ib., 33), бабу́сячки (ib.), пасьце́лячку (ib.), зязю́личка (ib., 97), варбцячки (Бородинка, 34),

вячéрняй (ib., 69), вéцяр (ib., 87), пáрынь (ib., 102), сéнячки (Горяны, 15), дробин (ib., 68) и дробен (ib.), пéсян (хут. Александр., 18), пéсянку (ib., 88). зéлян (Жуково, 72), рóдненький (ib., 75), у Кúяви (Шапочка, 65), Вáнячку (ib.), пéсянки (Новые Ивайтенки, 64), тéлячка (Мглин, 112).

Стародубский уезд: вынясла (Гарцево, 37), вéгачак (ib., 39), дýмачак (ib.), пéсянки (ib., 41), вéцяр (ib., 42), вóзяра (Лупеки, 26), прúпячку (ib., 27), рéдзячку (ib., 31) дзéниг (ib., 102), мáцер (ib., 23), маямý (Невзорово, 104), палячý (ib.), за гáем (ib., 72), нагáячки (Човпня, 17), татýсячки (Жигалки, 36), мéсячка (Верканька, 43), рóдненький (Анушино, 46), касáпинький (Семешково, 14), цéряма (ib., 18), гóрячка (Гриденки, 52), вóзяра (ib.), вóзера (Выстриков, 42), зóрячки (Михайловск, 50), Васúльлявича (Погар, 108), вéсял (ib.), ясен (ib.), бéряжка (ib., 109), кáминь (ib., 110), пéсянку (ib., 111) и т. д.

Суражский уезд: пасцéлячки (Красновичи, 88), мáцяри (ib.).

Новозыбковский уезд: пéсянки (Манюки, 83), вóлячки (ib.), лúсцяйка (ib., 91), хазяечки (ib., 92).

В записях А. Д. Н. на ряду с теми же обозначениями, что и у М. Н. К., встречаем в тех же слогах $^{и}_{е}$, $^{е}_{и}$ и $^{я}_{е}$. Первые, повидимому (говорю, основываясь на своих наблюдениях), обозначают очень закрытое *е*, на слух склонное к *i*, а последнее — звук, более близкий к гласному переднего ряда нижнего подъема.

Примеры: на вы́ляти (Гарцево, 20), на вы́язди (ib.), салавéячку (ib.), Ляксéячка (ib., 28), Андрéячка (ib., 29), мúл$^{ъ}_{е}$ньки (ib., 37), бýд$^{ъ}_{е}$тя (ib., 38), дéвять (ib., 43), пéсянки (ib., 44), ня ви́дяли (ib., 45), вéтяр (ib., 46), зóрячка (ib., 47), вы́лязли (ib., 60), пáринь (ib., 46), бáр$^{е}_{и}$н (ib., 53), бáр$^{е}_{и}$на (ib.), бýд$^{ъ}_{е}$м (ib., 19), пóйд$^{ъ}_{е}$м (ib., 30), стáн$^{ъ}_{е}$м (ib.), злóди$^{ъ}_{е}$м (ib., 39), тéрям (ib., 44), вы́ля$^{э}_{с}$ (ib., 57), нядéлячку (Абаринки, 62), Ивáнячкин (ib.), кóничак (ib., 63), вéтяр (ib., 68, 89), пáринь (ib.), чóв$^{ъ}_{е}$н (ib., 71), у жы́тячку (ib., 76), кóринь (ib., 71), гá$^{е}_{и}$м (ib., 80), сéмячка (ib., 81), татýсячка (ib., 89), вы́крясать (ib., 95), да пóиса (ib., 63) и да пояса (ib., 84), мéсяцы (ib., 70), змяя́ (Ильбово, 97), папарви́тяся (ib., 102), вы́кляваю (ib., 106), дя́дячка (ib., 110), лúстяйка (ib., 112), вы́яхали (ib., 113), Ляксéячка (Семешково, 113), Вýлячка (Ульяна) (ib., 114), вéнячки (ib.).

В конечном открытом слоге слышится *а* (я) или звук ближе к переднему ряду, передаваемый в записях М. Н. Косич чрез *е*.

Примеры. *Мгинский уезд*: хадзúця (Росуха, 17), пóля (ib., 38), лю́бя (Водвинка, 12), дарагбя (ib., 14), седлáе (ib., 20), дáйця (ib., 54), трбя

(Бородинка, 34), смо́тря (Горяны, 48), кусáе (Яблонка, 25), глытáе (ib.) и т. д.

Стародубский уезд: бу́дзя (Лупеки, 27), бу́дзе (ib., 48), другóя (ib., 51), давáйця (Гарцево, 41), у пóля (ib.), жы́та ядрёная (Човпня, 66), пры́дзя (Платково, 81), стáда либядзи́ная (ib., 44), ня рóдзя (Михайловск, 60), жу́ря (ib., 76), пóля (Погар, 108), угадáя (ib.), жóу́тые пясóчки (ib., 110), слу́хайтя (ib., 111) и т. д.

В записях А. Д. Н. в конечных открытых слогах безударный звук также обозначается буквами *я* и *е;* лишь в единичном случае встречается $\frac{ъ}{э}$: лидáч$\frac{ъ}{э}$ (Гарцево, 58).

Примеры: варóтя (Гарцево, 30), у чы́стая пóля (ib., 38), памагáе (ib., 30), нéйдя (Абаринки, 69), бяри́тя (Семешково, 114).

Ѣ.

Звук *ѣ*, как уже отмечено, совпал со звуком *е* и разделяет его судьбу в предударных и заударных слогах, кроме конечного открытого в падежных формах и некоторых других словах. В конечном открытом слоге в падежных формах и некоторых других словах на месте старого *ѣ* встречается *і* или после отвердевших согласных *ы*.

Примеры. М. Н. К., *Мглинский уезд:* па ву́лицы (Росуха, 17), у на́шам карава́и (ib., 17), у камóраццы (ib., 49), на пóли (ib., 63), на нéби (Водвинка, 20), на кали́ни (ib., 98), на мóры (Бородинка, 69), у гарóдзи (Горяны, 15), на шóу́кавай сцéжачки (Яблонка, 22) и т. д.

Стародубский уезд: у рэ́чачки (Невзорово, 50), у наббры (ib., 72), на сéрцы (ib., 76), у пóли (Гарцево, 86), у карма́ни (Бороздинно, 105), у святли́цы (Човпня, 17), у пóли (Жигалки, 66), у гóрадзи (Анушино, 46), на мали́ни (ib., 51), у пóли (Погар, 107) и т. д.

Суражский уезд: у свéти (Клинцы, 103).

Новозыбковский уезд: у пóли (Манюки, 22).

В записях А. Д. Н.: у дарóзи (Гарцево, 20), у пóли (ib., 23), на мóри (ib., 24), ў гóради Растóви (ib., 34), у пóли (Абаринки, 62), мне сирати́нцы (ib., 64), на чужóй рабóти (Ильбово, 105), ни ў дóми (Семешково, 115) и т. д.

В сказках А. Н. Афанасьева преобладает орфографическое написание, лишь в немногих случаях также находим *і*, например: у хáти (№ 6).

То же и у Н. Дорогунцева, наприм.: слу́жби и в «Материалах» (т. II) П. В. Шейна: ў кóмнаци (162), на дарóзи (417) и др.

В ответе на Академич. великорус. програм. № 282 также находим: на парóзи, в калóдизи (§ 44), на рабóти, на базáри, в гарóди, в астрóзи, на гарóси, в кáзки, а также — вмéсти и т. д. (§ 47).

Приблизительно те же примеры подчеркнуты и в ответе на программу № 269.

В ответе на Академ. белорусск. програм. № 6: у лéси, у рóги, у хáти, у клéти (§ 18).

В ответе на Академ. белор. прогр. № 221: у лéси, у рóци, у ю́бцы и т. д. (§ 18).

В ответе на програм. Моск. Диал. Ком. № 91: у пóли, на дарóзи, в рабóти, у хáти, на базáри, а также — вмéсти (§ 8).

То же и в ответе Л. Г. Самосадного.

Примечание. Иногда *ы* встречается и под ударением в положении после *шипящих*, *ц* и *р:* на нажы́, у бары́ (в бору), на канцы́ (на конце).

Переход звука *е* в *о*.

Звук *е* переходит в *о* под ударением в положении пред следующим исконно твердым согласным и в конечном открытом слоге; пред согласными, отвердевшими позднее *(шипящими, ц* и *р)*, этого перехода не бывает, кроме случаев, вызванных грамматической аналогией.

Примеры. М. Н. К.: дзярéш (Шапочка, 64), ни дáеш (Лупеки, 27), шлéш (ib.), цвяцéш (ib., 72), ни куéш (ib., 80), цéща (Невзорово, 90), цéщухна (ib.); А. Д. Н.: тéща (Гарцево, 28), пайдéш (ib., 38) и т. д.

В Акад. великорус. програм. № 282: адéжа, ляпéшка, стéжка и т. д.

Таковы же: дзéшыва, сьмéрз, мéрзнуць.

На ряду с этими ударяемое *е* под влиянием грамматических аналогий не переходит в *о* в таких словах, как: éлка, клéпки (хотя мне приходилось слышать и клёпки), пéрушкам (М. Н. К., 100), пéрушка (ib., 104), рéбрушка (Акад. великорус. програм. № 282, § 64). Отсутствие перехода *е* в *о* наблюдается и в некоторых грамматических категориях.

Кроме того, сохраняется *е* в слове *яцé* (М. Н. К., Росуха 19; Водвинка, 98; Гриденки, 52; Берновичи, 85; Красновичи, 88), а также в форме родит.-винит. падежа местоимения *она* — яé. Наоборот, имеем *о* в слове *ужóе* (М. Н. К., Росуха, 22, 48, 75, 79; Водвинка, 98; Бородинка, 89; Горяны, 25, 68; Лупеки, 27; Гриденки, 52; Михайловск, 50; Погар, 111) и в глагольных формах 2 лица множ. числа: сядзицё (М. Н. К., Жу-

ково, 74), ясьцё (ib.), дастё, (ib., Стародуб, 101), не йдитё (А. Д. Н., Абаринки, 84), ядзиньё (Попова-Гора, Н. Дорогунцев), пиценьё (ib.).

Под влиянием грамматической аналогии имеет место переход в некоторых случаях ударяемого *е* в *о* и в мягких слогах: маёй, тваёй, сваёй, ёй, ёсть.

Примеры: ёсць (М. Н. К., Росуха, 18, 97; Бородинка, 16; Кожемяки, 67; Лупеки, 31; Човпня, 17; Погар, 109; Клинцы, 103); сваёй (ib., Бородинка, 35; Погар, 109); ёй (ib., Невзорово, 90; Анушино, 46; Гриденки, 53) и т. д.

В других источниках также имеются подобные примеры.

Переход ударения (весьма обычный в говоре) с флексии на основу или приставку и обратно вызывает и соответствующее изменение *е* в *о* или отсутствие его: пбйдзим (Росуха, 103), учóра (Росуха, 77; Горяны, 80) и т. д.

Примечание. В записях А. Д. Нечаева встречается значительное количество вызванных великорусским влиянием примеров с переходом *е* в *о* и пред отвердевшими позднее согласными.

Примеры: падярёш (Абаринки, 37), ни бярёш (ib.), задаёш (Ильбово, 104) и т. д. Сравни другие белорусск. говоры (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», II, в. 1, стр. 193—198).

Звуки *у* и *і*.

Неударяемые звуки *у* и *і* в начале слова иногда являются редуцированными, а после конечного гласного предыдущего слова переходят в неслоговые звуки: ᵘгрóза, ᵘдáча, ᵘмёр, ⁱгóлка, ⁱмя и—былá ў брáта, стáлі ўчыць, за Йвана, на йголку и т. д.

Об *у* и *і* неслоговых другого происхождения см. ниже.

Сочетание гласных с согласными.

Исключительно употребляются в говоре сочетания *-ры-*, *-лы-*, *-лі-* в глагольных формах, именах существительных и прилагательных, *-ыі̯-*, *-іі̯-* в глагольных формах, в том числе и сложных с предлогами (атыйці̯, падыйці̯) и *-ы̆і̯*, *-і̆і̯* в некоторых именах существительных (памы̆і̯) и в окончании именит. пад. муж. рода имен прилагательных, в соответствии вели-

корусским сочетаниям с *о* и *е*. О происхождении этих сочетаний см. у акад. А. А. Шахматова[1] и проф. Н. Н. Дурново.[2]

Примеры. М. Н. К.: грымы́ць (Манюки, 90), чарнабры́вая (Верканька, 43), глыта́е (Яблонка, 25), шы́ю (Росуха, 49), нашы́ю (ib.), змы́ю (Кожемяки, 83), змы́юць (ib.), вы́пи (Росуха, 86), пи (Водвинка, 34), умы́юся (Шапочка, 98), пи (Платково, 81). Смотри в морфологии формы именит. пад. един. числа имен прилагательных мужск. рода сложного склонения.

В записях А. Д. Н.: дрыжы́ть (Гарцево, 34), дрыжа́ў (ib., 38), у кривы́ (ib., 59), умы́юсь (ib., 31), сашы́й (ib., 43), намы́й (Абаринки, 71), умы́юся (ib.), пашы́й (Ильбово, 101), кривы́ (ib., 103) и т. д.

Примечание. Тут же у него встречаются и великоруссизмы: закро́юцца (Абаринки, 76), напо́й (Ильбово, 101).

В ответе на Академич. великорусск. програм. № 282 (из Трубчевского уезда): мы́ю, ры́ю, вы́й, накры́й, памы́йся, шы́ю, шшы́ла, но и великоруссизмы — бей, пей (§ 36).

Приблизительно те же слова и в ответе на Акад. великорусск. программу № 269.

В ответе на программу Моск. Диалект. Ком. № 91: кры́ю, шы́я, памы́йка, злы́й, худы́й, га́дкий, сало́дкий (§§ 37 и 38).

То же и у Л. Г. Самосадного.

В ответе на Академ. белорусск. програм. № 6: шы́ю, бры́юсь, мы́юсь, но также и великоруссизмы — напе́йся (§ 16), пей, лей (§ 50).

В ответе на такую же програм. № 221: шы́ю, напи́ся, бры́юсь (§ 16).

В статье М. В. У.: шы́я, мы́ю, памы́йница, крыва́вый, праглыну́ть.

Согласные.

Звонкие согласные и звук р.

Одной из самых характерных черт Северско-белорусского говора в области согласного звука следует признать сохранение звонких шумных согласных пред глухими и в абсолютном конце слова. Явление это неизвестно

---

[1] Акад. А. А. Шахматов. «Очерк древнейшего периода истории русск. языка», § 78 и примечание 1; §§ 37, 39.

[2] Проф. Н. Н. Дурново. «Очерк истории русск. языка», §§ 132, 157, 297, 298.

Сравни акад. А. А. Шахматов. «Курс истории русск. языка». 2-е литогр. изд. 1911—1912 г., ч. II, в. 1, стр. 126—127. Сравни акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. I, стр. 98 и 99.

ни великорусским говорам, ни во всем его объеме другим белорусским говорам; знает его лишь значительная часть говоров украинского языка. Мои наблюдения и имеющиеся в моем распоряжении источники с достаточной очевидностью указывают на наличность этого явления в говоре.

Прежде всего, указание на сохранение звонких шумных согласных на конце слова извлекается из ответов на 7-й вопрос кратких Академических программ, определяющий звук *г* по способу артикуляции. Программы №№ *292б*, *209а*, *209б* и *203* определенно указывают на сохранение в этом положении звонких; лишь №№ *292а* и *295а* дают несколько неясный ответ; в программе № *295б* вовсе нет ответа на поставленный вопрос.

В програм. Моск. Диал. Ком. № 91 также есть косвенные указания на сохранение звонких согласных в конце слов и пред глухими (§§ 14 и 38).

О сохранении в указанных положениях звонких определенно также говорят позднейшие наблюдатели говора: Ив. М. Г. (нож, лоб, дед, бу́дка, ло́жка, дарбжка), Л. Г. С. (те же приблизительно примеры), Ал. Ф. П. (те же примеры), Ан. Ф. П. и М. В. У. («Ассимиляции звонких глухим нет места в нашем говоре; также на конце слова звонкие не меняются» М. В. У.).

В ответе на великорус. программу № 269 находим: род, суд, лёд, наза́д, гроб, хлеб, рог, друг и т. д. (§ 127).

Еще решительнее указывается на сохранение звонких согласных *в конце слова и пред глухими* в Акад. великорус. программе № 282: «В конце слова звуки *д, б, в, з, ж* произносятся отчетливо, а не переходят в соответствующие глухие: гроб, суд, хлеб, карбв, марбз, еж, рог, друг, стог, лоб», то же и в положении звонких пред глухими: прббка, вбдка, салбдка и т. д.

Также и в Акад. белорус. програм. № 6: бу́дка, дед, абтиса́ть, боб, зглядь, лезь, ражтвб и др. (§ 43).

В записях песен и сказок также находим в данных условиях звонкие, при чем М. Н. Косич в «Звуковых особенностях белорусского говора Черниговской губернии» отмечает, что «Согласные средние звуки не переходят в соответствующие тонкие звуки, как это замечается в великорусской речи. Например, говорят

боб, но не боп,
дуб, а не дуп,
ла́ўка, а не ла́фка,
бу́дка, а не бу́тка,
дзед, а не дзет» (стр. 122) и т. д.

Сохранение в указанном положении звонких шумных приходилось мне наблюдать и в посещенных мною селах в период с 1905 по 1923 год.

Некоторое отступление представляют записи А. Д. Нечаева. В примечании к записям песен он отмечает, что, по его наблюдению, согласные в абсолютном конце слова и в положении пред глухими являются не вполне звонкими: «они не столь слабы, как в великорусском наречии и не столь сильны, как в малорусском».[1] На этом основании он сближает говор в этой черте с другими говорами «белорусского наречия».

Но здесь необходимо отметить, что, не говоря уже о расхождении здесь А. Д. Н. с другими наблюдателями, говоры белорусского языка, кроме южнобелорусских, подверженных влиянию украинского языка, не знают вовсе сохранения звонких согласных пред глухими. Отдельным белорусским говорам известно это явление *лишь на конце слов*, и то в ином несколько виде. Наблюдения акад. Е. Ф. Карского, П. А. Бессонова, акад. А. А. Шахматова и проф. Ив. Г. Голанова касаются этого явления в белорусском языке. «По недостаточно ясным для меня причинам», говорит акад. Е. Ф. Карский, «белорусские согласные изглашения не столь слабы, как в великорусском или других славянских языках (кроме, конечно, малорусского и сербского); в некоторых местностях они очень близки к звучным, составляя, так сказать, средину между теми и другими».[2] Другими словами, акад. Е. Ф. Карский отмечает здесь диалектическую черту, свойственную некоторым местностям — сохранение некоторой слабой звучности звонкими шумными согласными звуками на конце слова.

То же находим и у П. А. Бессонова, который указывает, что «звонкие согласные на конце слова не переходят так решительно, как у великоруссов», в глухие «и сохраняют гораздо тверже звучную свою упругость».[3]

Акад. А. А. Шахматов, наблюдая говор Борисовского уезда Минской губернии, отмечает, что он слышал в конце слов звонкие «неполного образования», но относительно положения звонких пред глухими говорит, что «*решительно выдержан во всей Белорусской области переход звонких в глухие перед следующими глухими*».[4]

Также проф. И. Гр. Голанов в наблюдениях над говорами д. Горок Чериковского уезда и м. Рясна Чаусовского уезда бывш. Могилевской

[1] Стр. 19; сообразно с этим, А. Д. Нечаев обозначает их чрез двойное написание глухого и звонкого, наприм.: $\frac{т}{д}$, $\frac{ш}{ж}$, $\frac{с}{з}$ и т. д.

[2] «Белорусы», т. II, в. 1, стр. 354—355.

[3] «Сборник белорусских песен», стр. LXXVI.

[4] «Курс истории русск. языка». Литографиров. 2-е изд. 1911—1912 г., т. II, ч. 2, стр. 41.

губернии отмечает, что он часто слышал сохранение звонких в конце слова».[1]

В записи особенностей говора с. Акулич бывш. Орловской губернии им также отмечены «случаи сохранения звонких согласных в конце слова».[2]

Таким образом, исследователи и наблюдатели белорусского языка признают, как диалектическую его черту, *сохранение в конце слов звонких согласных* «неполного образования», как называет их акад. А. А. Шахматов, и, наоборот, отмечают повсеместный переход звонких согласных в глухие в положении их пред глухими.

Кроме того, известный автор учебников по украинскому языку О. Синявский так говорит в одном из них о звонких согласных в украинском языке в указанном положении: «Звонкость эта слабее, нежели тогда, когда они (звонкие) находятся перед звонкими согласными или перед гласными».[3]

Следовательно, в этом отношении, если принять замечание А. Д. Нечаева, нет разницы между звонкими в указанном положении в Северско-белорусском говоре и в украинском языке — говору также свойственно сохранение звонких согласных в указанных условиях.

То же наблюдается и в предлогах. Лишь некоторые предлоги с конечным *з* представляют колебание.

Случаев перехода в указанных условиях звонких согласных в глухие мне не приходилось наблюдать. Лишь слово *флаг* произносится со звуком *к* — *хлак*. Такое произношение, пожалуй, повсеместное: отмечается оно и М. В. Ушаковым. Однако *к* здесь указывает на *г* взрывное, что не свойственно, как увидим дальше, Белорусской Северщине и говорит за то, что это слово со звуком *к* заимствовано в таком виде в устной передаче от тех говоров, в которых: 1) *г* взрывное и 2) звонкие согласные переходят в глухие. На заимствование этого слова с таким произношением указывает и форма множественного числа *хлаки*.

Другая не менее характерная для говора черта — *отвердение звука р пред гласными переднего ряда*, т.-е. пред *э* и *і*; в положении же *р* пред другими гласными, а также в большинстве случаев пред согласными, кроме *j*, и на конце слова сохраняется мягкий *р*; в положении пред *j* звук *р* также отвердел. Иногда в подобном положении слышится полутвердый *р*.

Явление это свойственно говору сел и деревень и отличает Северско-белорусский говор от других говоров белорусского языка.

---

[1] «Труды Московск. Диалектол. Комис.», вып. 8, стр. 3, 5—6.

[2] «ib., вып. 3, стр. 160—161.

[3] «Короткий нарис української мови». 1918 г., стр. 15.

В городах же несколько иная картина: на месте старого мягкого *р* во всяком положении только твердый *р*, при чем пред гласными переднего ряда весьма часто слышится и мягкий *р*. Черта эта особенно сильно выступает в говоре г. Стародуба и несколько слабее в гг. Погаре, Мглине и Сураже. О говоре стародубцев существует специальное выражение, характеризующее их говор с этой стороны: «Ра́бая каро́ва па бру́ха ў гразі́ пае́ла хра́пкі». На ряду с этим в городских говорах нередко и обратное явление—случаи мягкого *р* вместо твердого: ря́ма, пірягі́, вірябе́й, старя́цца и т. д., т.-е. городские говоры, зная твердое *р* на месте мягкого в положении пред гласными не переднего ряда, представляют в то же время смешение твердого *р* с мягким.

Примечание. Местная интеллигенция избегает произношения с твердым *р* на месте мягкого и, обратно, с мягким на месте твердого, однако и в ее говоре можно указать несколько слов, произношение которых с твердым *р* вместо мягкого и, наоборот, явление общераспространенное, таковы: вячо́ра (у́жин) вячо́рать (у́жинать), тяпе́р, но кама́рь, камаря́, камаря́мі и т. д.

Таким образом, городские говоры представляют здесь явление весьма оригинальное, противопоставляющее их говорам сел и деревень. Причин у этого явления следует искать в жизни города в прошлом, в XVII-м и XVIII-м веке (о чем см. ниже).

При взаимоотношениях города и деревни и стремлении деревни подражать городу возможно проникновение городского произношения в деревню. Имеющиеся в источниках данные подтверждают эти наблюдения. На отсутствие твердого *р* в положении его пред гласными не переднего ряда имеются указания во всех кратких Академ. программах — №№ 292а, 292б, 295а, *209а*, *209б* и 203, кроме № 295б.

Примечание. Ответ на программу № 295б очень краток и дан лишь на несколько §§-ов; в числе их нет ответа на твердость или мягкость *р*.

Наиболее обстоятельные из этих ответов (№№ 292а, 203) содержат указание и на твердый *р* пред гласным переднего ряда (пред *і*—старык). В ответе № 292б отмечено, между прочим, что — цара́, гразь, куру́, гбра «говорят в соседней деревне Колбовке Гомельского уезда».

В ответе Ив. М. Г. имеется указание на твердый *р* только пред гласными переднего ряда: Арына́, бярыі́, ня тро́ба, на дваро́; в положении же *р*

пред другими гласными, наоборот, сохраняется твердый и мягкий *р*: курю́, грязь, ря́бый (§ 36). В единичном случае отмечено у него в таком положении мягкое *р* вмето твердого: старяцца.

В ответе Л. Гр. С. отмечено только отсутствие *р* твердого пред гласными не переднего ряда; об отвердении *р* пред гласными переднего ряда у него нет указаний (§ 36).

В ответе на Програм. Моск. Диал. Комис. № 91 отмечено, что «*р* почти всегда произносится правильно» (§ 36), при чем данному району противополагается Борзенский уезд, где имеет место произношение: куру́, пра́мо и т. д.

У М. В. У. также отмечено твердое *р* пред гласными переднего ряда, при чем оговорено, что возможно в данном положении и *р* мягкое; случаев с мягким *р*, по словам М. В. У., однако гораздо меньше, чем с твердым. Приведены у него также и случаи с мягким *р* на месте твердого пред гласными не переднего ряда — ря́мы, старя́юсь.

По наблюдениям Ал. Ф. П., звук *р* всегда тверд пред гласными *і* и *э*: бяры́, Арыі́на, на дварэ́. В положении пред гласными не переднего ряда, наоборот, сохраняется мягкое *р*: грязь, царя́, рю́мка; на ряду с этим встречается и произношение: старя́юсь, ря́ма, наря́.

В статье Ан. Ф. П. Новозыбковский уезд по произношению *р* разделен на две части: на западную и восточную. Первая занимает небольшую часть на западе, а также и Н. Ропск, вторая же остальную часть уезда.[1] В западной части *р* твердо во всяком положении, в восточной твердый *р* встречается только пред гласными переднего ряда: бяры́, Арыі́на, рэ́чка и т. д., при чем здесь же и случаи мягкого *р* вместо твердого в положении пред гласными не переднего ряда: наря́, ря́ма, старя́юсь.

В ответе на Акад. белорусскую программу № 6 приведены примеры, указывающие на отсутствие отвердения *р* пред гласными не переднего ря́да и на конце слова: царь, заря́, бу́ря, гря́ды, пря́ха, гаварю́, стярёг, уда́рю и т. д., при чем отсутствуют и примеры на мягкое *р*, вместо твердого, в положении пред гласными того же ряда (§ 35).

Примечание. Примеров на положение *р* пред гласными переднего ряда в программе нет; нет их и в ответе на нее.

Из Академ. великорусск. программы № 282 можно извлечь указание

---

[1] Определить эту границу хотя бы приблизительно, в виду неясности в проведении ее у Ан. Ф. Полевого и противоречия между его печатною статьей и рукописью, не представляется возможным.

на отвердение *р* только пред *і* (§§ 70 и 75) и мягкое *р* вместо твердого в некоторых случаях пред гласными не переднего ряда: старя́ицца, паряскаве́рькая (расковыряет, § 146); здесь же отмечено колебание между *і* и *ы*: ры́ба и ри́ба, крыни́ца и крини́ца, ба́риня, госуда́риня (§§ 70 и 71). Вопроса и примеров на отвердение *р* пред *е* в программе нет.

Ответ на такую же программу № 269 содержит указание только на отвердение *р* пред *і* (§ 75).

В записях М. Н. Косич весьма обильно представлено отвердение *р* пред гласными переднего ряда.

Примеры. *Мглинский уезд*: гарэ́лачку (Росуха, 14), грыба́т (ib., 24), прыго́ж (ib.), рэ́чки (ib., 49), тры (ib., 63), у Турэ́ччыну, 90), хрэста́мы (ib.), па́рэнь (ib., 91), грэ́чку (ib), у дварэ́ (ib., 99), вары́ (ib., 102), вары́ла (ib.), прыпаду́ць (Водвинка, 14), грэ́чки (ib., 33), Гры́шачка (ib., 98), на гарэ́ (Бородинка, 15), хрэ́щык (ib.), Андрэ́ячку (ib.), прыку́й (ib.), хрэ́ну (ib., 40), рэ́крут (ib., 84), бярыця (Горяны, 15), мо́крэнька (ib., 68), канарэ́йка (хут. Александр., 88), прызабы́ўся (ib.), гарэ́лачку (Жуково, 74), забары́лася (ib.), прышла́ (ib.), прышлі́ (ib., 29), прыда́нячки (Яблонка, 31), дзярэ́ўнюшку (Шапочка, 65), бярэ́цца (ib.), прыбяжа́ла (ib.), рэ́чы (ib., 71), прыéхаў (Задубенье, 64), наварыла (ib., 67), па дзярэ́ўням (Кожемяки, 83), сястрыца (Мглин, 112), прыду́ (ib.), у тюрэ́мки (ib.), пры мне́ (ib.), также—Ма́р'ячку (Росуха, 25), Ма́р'ячка (ib.), Да́р'ячка (Човпня, 26), Ма́р'яццы (Яблонка, 27) и т. д.

Стародубский уезд: прыляцéў (Лупеки, 23), прыéхаў (ib.), трэ́ба (ib.), гарэ́лачку (ib., 44), па́рынь (ib., 103), у рэ́чачки (Невзорово, 50), прыбо́ры (ib., 72), ни ў дзярэ́ўни (ib., 101), гарэ́лки (Гарцево, 31), пры дарбзи (ib., 42), тры (Човпня, 17), трэ́цця (ib.), сатрэ́ш (ib., 26), Андрэ́ячка (Новоселки, 26), прыме́там (ib., 50), тры двары́ (Жигалки, 36), прыма́йця (ib., 66), пры (Верканька, 43), пасвары́лися (ib., 43), арэ́шки (Анушино, 46), прышо́ў (ib.), на зарэ́ (Платково, 81), бяры́ (ib.), ры́пнула (Семешково, 14), на дварэ́ (Гриденки, 52), Марыя (ib., 53), архирэ́и (ib.), прыся́гу (Бернови́чи, 85), шу́рына (Лыщичи, 42), тры (Далматово, 43), прыслуха́ицца (Жуково, 52), рыбя́тачки (Михайловск, 60), тры (Погар, 107), рэка́ (ib.), у дварэ́ (ib., 108), па́рэнь (ib., 109), рэча́мы (ib.), пага́воры (ib., 110), сястры́цы (ib.), шу́рына (ib., 111), устрэ́чы (ib.).

Суражский уезд: рэ́чы (Клинцы, 103), загаво́рыш (ib., 103), ни наве́рыў (ib), зарэ́заў (ib.), прыко́нчыў (ib.).

Новозыбковский уезд: прыка́заваць (Манюки, 69), сястры́ца (ib., 91), тры (ib., 92), прыбяжа́ли (ib.), рэ́чки (ib., 92) и т. д.

То же находим и в записях А. Д. Нечаева: прэчы́стая (Гарцево, 19), тры (ib., 32), гарэ́лачку (ib., 23), прышо́ў (ib., 24), загарэ́лась (ib., 30), рэ́чаццы (ib., 31), тры (ib., 32, 44), прые́ду (ib., 33), дво́рык (ib., 52), трэ́тьтя (ib., 54), рэ́чку (ib., 55), гаварыла (ib., 57), тра́буя (ib., 58), рэ́зать (ib., 59), брэ́ша (ib.), карэ́ту (ib., 61), зарэ́чча (Абаринки, 89), зарэ́жу (ib., 94), зарэ́заў (ib.), рыда́ш (Ильбово, 101), зарэ́цкия (ib., 110), рэ́чкаю (ib.), прые́хаў (Семешково, 114) и т. д.

Примечание. В записи из с. Се́мешкова встречается несколько случаев передачи звука э после *р* чрез $^{э}_{о}$: ар$^{э}_{о}$шника (115), *р*$^{э}_{е}$чачка (ib.), *р*$^{э}_{е}$чачки (ib.).

И там и здесь, т.-е. у М. Н. Косич и А. Д. Нечаева, встречается значительное количество примеров с сохранением в этих условиях мягкого *р* (приводить их не буду). В ряде этих случаев, с одной стороны, имеем дело с орфографическим написанием, а с другой — с живым произношением города, часто характеризующимся мягким *р* пред гласными переднего ряда. Выдержанное произношение с твердым *р* в таких условиях встречается сравнительно реже.

На ряду с этим записи М. Н. Косич представляют несколько случаев твердого *р* пред гласными не переднего ряда: забяро́м (Росуха, 38), вячэ́рацъ (Шапочка, 64), суда́рушка (ib., 65) и суда́рушки (Михайловск, 105). Первый из этих примеров — явление не фонетического порядка: забяро́м такое же образование, как ідо́м, нясо́м, вядо́м (д. Горицы); во-вторых, произношение слова «вячэ́рацъ» (ужинать) с твердым *р* характеризует, как уже указано, городские говоры и следовательно обязано своим твердым *р* городскому влиянию. Кроме того, произношение с твердым *р* не является всеобщим: в тех же записях М. Н. Косич гораздо чаще встречается это слово с мягким *р*: вячэ́ряла (Бородинка, 57), вячэ́рю (Задубенье, 64; Лупеки, 65, 103), и т. д.; наконец, слово «сударушка» с твердым *р* встречается в песнях с сильным городским влиянием в содержании: здесь фигурируют такие слова, как «у Пицянбу́рси», «па Пи́цяру», «пайду к матушцы далажуся» (65), не говоря уже о том, что это слово, несомненно, заимствованное из города; как такое заимствование, оно и в селе Михайловске произносится с твердым *р* (стр. 105).

Несколько больше случаев с твердым *р* в таком положении находим в записях А. Д. Нечаева: чыратина (Гарцево, 21), казыра́мы (ib., 24), но тут же — казыря́ла, казыря́ть; вячэ́рати (ib., 27), ти́раз (ib., 32), но на стр. 59 и 60 — ти́ря$^{э}_{о}$; цара́ (ib., 42), пирастала (Абаринки, 70),

жарабёначка (ib., 77), зо́рачку (Ильбово, 111), но тут же и — зо́рячка.

То же и в сказках А. Н. Афанасьева: гаво́ра, № 14, но в № 6 — гаво́ря.

Подобного рода примеры представляют факты живого индивидуального произношения и обязаны городскому влиянию: в некоторых словах твердое *р* пред гласными не переднего ряда и пред согласными М. Н. Косич отмечает только в уездных городах и местечках («Звуковые особенности белорусского говора Черниговской губернии», стр. 113). Также и в ответе на Академ. белрусск. программу № 221 ею приводится, как характерное для стародубских «мещанок», произношение: варо́ная (варёная), пра́тать, цара́, запро́г, го́рка (го́рько), пра́жа и ряд других (§ 2) при характерном для говора деревни твердом *р* только пред *э* и *і* («Звуковые особенности»..., стр. 116, 118—119).

Мои наблюдения вполне совпадают с этими замечаниями М. Н. Косич. Мною отмечено твердое *р* пред гласными переднего ряда во всех названных выше селах и деревнях и отсутствие его, за весьма редкими случаями, пред гласными другого места образования.

Примеры: тры, гаво́рыш, у Пага́ры, но — грязь (Курово); тры, бяры́ (Лопатни); ня тро́ба, дзяро́вня, но — гря́зная (Песчаники); сматры́, гавара́ (Дубиновка); скаро́й, гро́я, стрыля́я (Овчинец); гро́чку чаты́ры, у дваро́, но — рябро́, царя́ (Н. Дроков); адуры́ла, ро́чка, прые́хаў (с. Высокое); на дваро́, ня тро́ба, бяры́ (Нивное); па тры капе́йкі, сястры́ца, тро́ба (хут. Рябовка); сатро́ш, бяры́ (Дубовка); дзяро́ўня, гавары́ла, аро́хі (Рюхов); тры, чаты́ры, у дваро́, бяры́, устро́ча, но — гря́зь, гря́бу (Рудня и Замердеевка); ро́чку, тры (Дареевск); бяры́, нятро́ба (Андрейковичи); дво́рык, тро́буя (Бугаёвка); абро́ж, да зары́, но — грязь, беряжко́м (Горицы); бяры́, у дваро́ (Кистер); рысава́ў, вро́мя, прыблізі́тельна, прые́хаў (с. Бучки, со слов К. И. Бурого; то же и в говоре крестьян), прыгаво́р, това́рыш, гаво́рытя (Михайловск) и т. д. В г. Погаре, наоборот, мною слышено: у сяро́дку, тваро́зы.

При этом необходимо отметить, что далеко не везде произношение с твердым *р* в этих условиях является вполне выдержанным. Под влиянием целого ряда причин на месте твердо́го *р* нередко приходится слышать мягкое; редко, например, приходилось отмечать твердое *р* в д. Кистре и, наоборот, наиболее выдержано произношение с таким *р* в сс. Бучках, Бугаевке, Дубиновке и некоторых других.

Влиянием также города вызваны и немногие случаи с мягким *р* вместо твердого в положении пред *а*.

Примеры. М. Н. К.: кватырячка (форточка, Росуха, 49), да завтряго (ib., 77, со слов 20 летн. парня; тут и несвойственное говору слово *нет*), кучаря́ (Бородинка, 100), вирябе́йку (Водвинка, 33), вирябе́й (ib., 34), за́ўтря (Кожемяки, 83).

В записях А. Д. Н.: разгаря́ицца (Гарцево, 48), ни старя́йся (Абаринки, 78).

В единичном случае встречается мягкое *р* вместо твердого пред *о*: папярёсу (Абаринки, 94), но тут же и — папяро́су.

Примечание. Слово *папярёса* почти исключительно употребляется в говоре г. Стародуба.

Подобного рода случаи не нарушают высказанного положения о судьбе мягкого *р* в деревенских говорах.

Гортанный и задненебные звуки.

Г (= h, g).

Из звуков этой группы необходимо несколько остановиться на звуке *г*. По моему определению, этот звук, за исключением немногих слов с *г* взрывным, звучит в Северско-белорусском говоре, как гортанное придыхание. Из имеющихся источников указание на такое произношение находим: 1) в записи проф. Ив. Г. Голанова,[1] 2) в статье М. В. Ушакова и 3) у М. Н. Косич. Последняя, характеризуя «звуковые особенности» говора, определяет этот звук (за исключением нескольких случаев с *г* взрывным, о чем ниже), «как французское h (аш) в слове haîr — ненавидеть». Другие источники не дают определенных указаний.

Краткие Акад. программы или вовсе не содержат ответа на вопрос о звуке *г* (№ 295б), или дают неясный ответ (№ 295а, 292а), или указывают на не взрывный способ образования его. Прямого же указания на произношение его, как гортанного придыхания, в них не имеется.

Ответ на Академич. великорус. программу № 269 также содержит не совсем ясное указание: «всякое *г* всегда близко к *х*» (§ 104).

Ответ на такую же программу № 282 указывает на произношение звука *г*, как в словах: бог, госпо́дь, бо́гатый (§ 104).

Академич. белорусск. программа № 6, говоря «звук *г* произносится правильно» (§ 37), не дает ответа на вопрос.

---

[1] «Труды Моск. Диал. Комис.», вып. 3, стр. 161—162.

В ответе Л. Гр. Самосадного и на программу Московск. Диалектол Комис. № 91 *г* определяется, как звук «несколько похожий на *х*» (§ 12).

В статье Ан. Ф. Полевого произношение звука *г* определено, как русское *г* в слове *господь*.

В статье А. В. Маркова *г* определено, как фрикативный звук.[1]

В сборниках песен и сказок, в том числе у А. Д. Нечаева, нет никаких указаний на произношение звука *г* — он обозначается обычной для этого звука буквой в русском языке.

Такая пестрота показаний источников вызывается исключительно трудностью данного вопроса и отсутствием у авторов возможности дать на него ясный и точный ответ. Лишь М. Н. Косич нашла средство выразить различие в звуках, в гортанном придыхании и звонком взрывном *г*, при помощи известного ей французского языка. То обстоятельство, что *г* взрывное, встречающееся, по ее наблюдениям, в некоторых словах (о чем ниже), сравнивается ею с французским *g* (*gué*), а не с русским литературным звонким взрывным *г* имеет свою причину в том факте, что *г* взрывное неизвестно местной интеллигенции; повидимому, оно не было известно в достаточной степени и М. Н. Косич. «Говорить на *г*» (т.-е. по-московски) стало входить в моду лишь в недавнее время.

На ряду с этим в некоторых случаях слышится задненебное взрывное *г*: 1) в словах, вошедших в употребление из других языков: га́нки, гвалт, гу́таль, гонт, глей, гуз, гу́зік, дзы́га. То же отмечает М. Н. Косич («Литвины-Белорусы», 122) и М. В. Ушаков; 2) в сочетании *зг*, восходящем в некоторых словах к *ск*: мозг, ро́зга, візг, вдре́безгі, лузга́ць и 3) в слове *Джу́гла* (фамилия).

Примечание. Иногда слова—візг, вдребе́згі, лузга́ць произносятся со *ск*: віск, вдре́бескі луска́ць.

В записях А. Д. Нечаева встречается слово *палузга́ли* («девки семя палузгали», стр. 81), повидимому, с *г* взрывным.

По наблюдению Ан. Ф. Полевого, наоборот, сочетание *зг* переходит в *зк*: ро́зки, мазки́ (мозги).

То же и у М. Н. Косич (Op. cit., 122).

К.

На § 12 краткой Акад. программы № 209а (с. Нижнее) дан ответ: «Ванькя, памаленькю». Затрудняюсь видеть здесь факты живого произно-

[1] «Извест. отд. русск. языка и слов. Акад. Наук», т. XV, кн. 1-я, стр. 188.

шения, свойственные говору: 1) ни в одном из других источников нет никаких указаний на такое произношение и 2) мне также не приходилось слышать в этом селе в подобных условиях произношения с мягким *к* на месте старого твердого. Повидимому, здесь явление случайного характера — какое-нибудь индивидуальное произношение, не свойственное говору, вызванное побочными причинами, или результат какого-нибудь недоразумения.

Смягчение задненебных.

В положении задненебных пред рефлексом старого *ъ* в соответствующих падежных формах задненебные смягчаются в зубные фрикативные свистящие.

Примеры такого смягчения обильно представлены прежде всего в записях М. Н. Косич и А. Д. Нечаева.

Примеры из записей М. Н. К. *Мглинский уезд:* у дарóзи Росуха (20), бáтюшцы (ib., 74), на лáўцы (ib., 100), на кýцé (Водвинка, 34), на дарóзи (Бородинка, 18), дарóжцы (ib., 84), старóнцы (ib., 89), у клéццы (хут. Александр., 88), птáшцы (ib.), на парóзи (Яблонка, 25), мáтушцы (Шапочка, 65), свякрýси (Кожемяки, 67), на парóзи (ib.) и т. д.

Стародубский уезд: на ряцé (Лупеки, 22, 31), па всём лýзи (ib., 72), пры дарóзы (Гарцево, 42) на ряцé, (Михайлов., 50), па Вóлзи (Погар, 107), у дарóзи (ib., 108) и т. д.

На ряду с этим есть и случаи без смягчения задненебных в подобных условиях: па бáцюшки (Горяны, 48), на рýсай кóсачки (Яблонка, 22), на шаўкóвай сцёжачки (ib.), бáтюшки (Мглин, 112) и т. д.

Примеры из записей А. Д. Н.: при дарóзи (Гарцево, 23), на парóзи (ib., 29), капéйцы (ib., 51), ў глóтцы (ib., 58), к ямцы (ib., 61), на ряцé (Абаринки, 71), ў малацé (ib.), на парóзи (Ильбово, 105), на дарóзи (ib.), дéўцы (ib., 108), на галбўцы (Семешково, 115), на пазé (ib., 119) и т. д.

Несколько меньше примеров в записях Н. Дорогунцева, сказках А. Н. Афанасьева и П. В. Шейна.

Ответы на краткие Академич. программы, за отсутствием соответствующего вопроса, в большинстве случаев не содержат указаний на смягчение задненебных. Лишь в № *292a* имеется указание на смягчение: на назé, ны ряцé, ны пясцé, ны парóзи.

Указания на колебание между смягченными и несмягченными формами имеются в Академическ. великорусской программе № 269 (§§ 151 и 158), № 282 (те же §§) и № 6 (§ 91) белорусской.

М. В. Ушаков также отмечает в своей статье, что смягченные формы вытесняются несмягченными, идущими из города, и параллельно с формами — *ў Рама́наўцы, на ла́ўцы, на кале́нцы, на даро́зи, у лу́зи* встречаются такие, как: на ла́ўки, на кале́нки, на даро́ги; при этом однако он указывает, что перевес все же пока на стороне первых.

Лишь Ан. Ф. Полевым безоговорочно отмечено смягчение задненебных.[1] Однако в названных мною выше селах Новозыбковского уезда мне неоднократно встречались и несмягченные формы.

Звук j.

Звук *j* обычно слышится в ударяемом и в предударных слогах пред гласным звуком; в положении же пред согласными и в поударных слогах слышится *i* неслоговое (*i̯*). Чаще однако *j* и *i̯* чередуются между собой в зависимости от интенсивности произношения.

Зубные звуки.

В группе зубных звуков необходимо несколько остановиться на дзеканьи и цеканьи, звуках *ж, ш* и аффрикатах *ч, ц* (не из *т* мягкого) и *дж*.

Из имеющихся источников дзеканье и цеканье представлено в записях М. Н. Косич, Н. Дорогунцева и П. В. Шейна; кроме того, имеются на них указания в программе К. П. Михальчука из Мглинского уезда,[2] в Академ. великорусской программе № 269 и белорусской № 221, в програм. Московск. Диал. Комиссии № 91, частично в статье Ан. Ф. Полевого и в наблюдениях Ал. Ф. Полевой.

Примеры. М. Н. К., *Мглинский уезд:* хадзи́ла (Росуха, 15), дзе́вачки (ib., 16), сядзи́ш (ib., 17), нядзе́ли (Водвинка, 54), спиць (ib., 97), бу́дзя (Бородинка, 16), цясо́вая (ib., 35), сядзи́ць (Горяны, 48), смаро́дзины (ib., 72), сядзь (хут. Александ., 88), сядзи́м (Жуково, 65), жнуць (ib., 71), гало́дзин (Яблонка, 25), к вадзе́ (Шапочка, 64), у клець (ib.), гуля́ць (ib., 65), жыць (ib.), идзи́ (Задубенье, 64), будую́ць (Кожемяки, 96), дзе́вачка (ib.), дзе́так (ib., 67), па дзярэ́ўням (ib., 83) и т. д.

Стародубский уезд: дзе́ўку (Лупеки, 16), ба́цька (Невзорово, 50), салда́цики (ib., 87), у цябе́ (Гарцево, 30), паглядзе́ць (ib., 31), лю́дзи (Човпня, 17), во́зьмуць (ib., 26), дзе́вачка (Новоселки, 19), жыць (ib., 49),

---

[1] Op. cit., 278.

[2] «Труды этнографич.-статистич. экспедиции в западно-русский край», т. VII, стр. 538.

хадзи́ла (Жигалки, 66), зя́ця (ib.), выхадзи́ла (Верканька, 43), бали́ць (ib.), у го́радзи (Анушино, 46), игра́ць (ib.), са́дзик (Платково, 81), прыздзя (ib.), ба́чуць (ib.), кало́дзизя (Гриденки, 52), бу́дзя (Берновичи, 85), хо́чуць (ib.), рабі́ць (Далматово, 42), гарява́ць (Лужки, 52), на прахо́дзи (Михайл. 76), у ку́сьци (ib., 50) и т. д.

Суражский уезд: дзе́ўка (Красновичи, 88), Тацяну (ib.), ма́цяры (ib.).

Новозыбковский уезд: паглядзи́м (Манюки, 91), сядзи́ць (ib., 92) и т. д.

Примечание. На ряду с этим в записях из гг. Погара, Мглина и Клинцов М. Н. Косич вовсе не отмечает дзеканья.

В записях Н. Дорогунцева: идзи́, дзе́лая, пиць, закуси́ць и т. д.

В записях П. В. Шейна: да́йця, цябе́, дзицёнки, суседзи[1] и т. д.

В программе К. П. Михальчука из Мглинского уезда: хадзи́в, маладзи́ца, сяче́ць и т. д.

На «не очень ясное» дзеканье указывает и Академич. великорусская программа № 269 (§ 103), характеризуя его, как «легкое дзеканье» (§ 211).

В ответе на Академич. белорусскую программу № 221: дзьве, пяць и т. д. (§ 38).

В ответе на программу Моск. Диалект. Комиссии № 91: дзе́ци, аце́ц, ци́ха и т. д.

В статье Ан. Ф. Полевого Новозыбковский уезд в отношении дзеканья разделен на две части по линии, идущей от с. Медведовки чрез Тимоновичи, Новый и Старый Ропск, Сачковичи, Климов, Митьковку, Хохловку, Рубежное, Сытую Буду, Побожеевку, Большой и Малый Кривец к Каташину. Часть, лежащая к западу от этой линии, имеет дзеканье и цеканье, при чем «меньше всего дзекают мужчины, а больше всего женщины и дети», на восток же от нее дзеканья и цеканья нет.

То однако обстоятельство, что и здесь, в восточной части уезда, встречаются старухи и старики, у которых наблюдается еще дзеканье, приводит Ан. Ф. Полевого к выводу, что «в прежнее врямя дзеканье было распространено по всему уезду».[2]

По наблюдениям Ал. Ф. Полевой, в с. Рыловичах дзеканье и цеканье слышится «почти у всех женщин, реже у молодых девушек и почти отсутствует у мужчин».

Неопределенный ответ дает краткая Академич. программа № 292а: «Почти не дзекают».

---

[1] «Материалы для изучения быта и языка...», т. II, стр. 417.

[2] Op. cit. 276.

В остальных источниках нет указаний на дзеканье и цеканье, а А. Д. Нечаев, больше того, отмечает отсутствие его не только в сс. Гарцеве, Семешкове и дд. Ильбове и Абаринках, где сделаны им записи, но и в Лупеках, Анушине, Галинске, Рахманове, Калодезках, Михайловске (Стародубского уезда), в Старом Задубенье и Бородинках (Мглинского уезда). Эти замечания относятся к современному состоянию говора, хотя А. Д. Нечаев говорит, что «местные постоянные жители, учителя единогласно утверждают, что дзеканье и цеканье в данной местности ими никогда не замечалось». Противоречие здесь с М. Н. Косич А. Д. Нечаев пытается объяснить тем, что 1) дзеканье и цеканье слышится только «в так называемом Полесье (за линией Полесской железной дороги) между лесами» и 2) что «работавшие на хуторе[1] Силевича[2] мужики и бабы из ближайших окружных сел и деревень (Гарцева, Лупек, Семешкова, Бородинок и др.) быстро усваивали местную особенность речи, т.-е. дзеканье и цеканье».[3]

Едва ли однако можно принять эти объяснения.

Прежде всего, с. Росуха, в которой А. Д. Нечаев признает дзеканье и цеканье, находится не за линией железной дороги, т.-е. не в «Полесье», по терминологии А. Д. Нечаева, куда он помещает Росуху, а пред линией в 2—3 верстах от железно-дорожной станции того же названия; там же находятся и другие, названные А. Д. Нечаевым села; кроме того, сомнительно также предположение, чтобы дзеканье и цеканье, вызывающее вообще отрицательное отношение к себе, могло быть усвоено крестьянами из соседних деревень, если бы даже они и работали на хуторе Г. М. Силевича, на что нет нигде указаний (Ср. на стр. 106 замечания М. Н. Косич об отношении местного населения к дзеканью и цеканью).

Возможно, что А. Д. Нечаев не нашел здесь ярко выраженного дзеканья и цеканья, на подобие польских dź и ć, и отказался видеть его в обычном для говора произношении этих звуков.

В значительном большинстве посещенных мною сел и деревень также мне приходилось слышать дзеканье и цеканье; в некоторых случаях, например, в с. Нивном приходилось наблюдать дзеканье и цеканье главным образом у лиц старшего поколения, преимущественно у старух. Лет 30—40 назад дзеканье и цеканье более было распространено в говоре, чем в настоящее время: влияние города и других аналогичных факторов привело к исчезновению этого явления в говоре отдельных лиц. Противопоставле-

[1] Вблизи Росухи.

[2] Г. М. Силевич — дедушка М. Н. Косич.

[3] Варшавск. Университ. Известия, 1914, IX, ст. 18.

ние в данном случае города, с его не дзекающим и не цекающим произношением, говору деревни, с их дзеканьем и цеканьем, прекрасно отмечено у М. Н. Косич (Op. cit., 106).

Звуки ж и *ш* и *аффрикаты ч, дж* и *ц* (не из *т* мягкого) тверды в говоре сел и деревень. В городах же (особенно в Стародубе) и говорах, подверженных городскому влиянию, наблюдается следующее: аффрикаты *ч* и *дж* или мягки во всяком положении или представляют чередование с твердыми: (чясы́, чяго́, чї́сты(й)),[1] чюжі́(й), Джю́гла, джіга́літь и Джу́гла, Мапджо́савна, ча́шка, ча́му, чы́сты(й), чула́н; звуки *ж* и *ш* тверды или представляют колебание только пред гласными не заднего ряда: жір и жыр, шíла и шы́ла; звук *ц* всегда тверд; лишь пред гласными переднего ряда можно иногда слышать и мягкое *ц*. Подобное произношение встречается иногда, в силу указанных выше причин (см. выше при звуке *р*), и в деревнях.

Имеющиеся источники в значительной степени подтверждают эти наблюдения.

Примеры в записях М. Н. К. *Мглинский уезд:* бяжы́ць (Росуха, 20), кумо́чык (ib., 34), шы́ю (ib., 49), на ву́лицы (ib., 84), папо́чык (ib., 75), саджа́ў (ib., 86), награджу́ (ib., 90), гаёчык (Водвинка, 11), пабуджа́юць (ib.), стучы́ць (ib., 33), вяпо́чык (Бородинка, 15), наряджу́ (ib.), дружы́наю (ib. 58), шыро́кай (ib., 84), скажы́ (ib., 100), разлучы́ла (Жуково, 65), пагляджу́ (ib., 71), шы́тым (Шапочка, 64), чэ́ша (ib., 65), скажы́ (ib., 98), нача́ваў (ib. 98), цярпе́ўшы (Кожемяки, 67), прылажы́ўшы (ib.) и т. д.

Стародубский уезд: шыро́кую (Лупеки, 44), сяджу́ (ib., 102), саджы́ (ib., 103), шыро́кия (Жигалки, 36), хаджу́ (ib., 60), пажыла́ (Невзорово, 104), ба́чыла (ib.), скажы́ (Гарцево, 42), пасаджу́ (ib., 80), саджа́ў (ib., 86), паба́чысся (Анушино, 51), напла́чысся (ib., 46), служы́ць (Берновичи, 85), плато́чык (ib., 85), хаджу́ (Лыщичи, 42), налажы́ць (Гриденки, 53), зачыни́ла (ib.), жывуць (Лужки, 52), палажы́ў (Платково, 81), жыве́ш (Михайл., 76), но́чы (ib.), чы́стым (ib.), пасаджу́ (Погар, 108), абгараджу́ (ib.), ня можыш (ib., 109), дяржы́ (ib.), сыно́чык (ib., 109) и т. д.

Новозыбковский уезд: заряджа́ў (Манюки, 90), пагляджу́ (ib., 92), праслужы́ли (ib.), ноч (ib., 91).

Суражский уезд: загаво́рыш (Клинцы, 103), ро́чы (ib.) и т. д.

Кое-где встречаются в записях М. Н. К. и примеры с мягким *ш* и *ж*. Видеть во всех их опечатки не решаюсь в виду того, что в ряде деревень в говоре молодого поколения мне приходилось слышать такое произношение на ряду с обычным для говора твердым.

[1] О написании (й) см. ниже.

В записях А. Д. Н.: пасо́джана (Гарцево, 21), ху́джы (ib., 58), шэ́льма (ib., 33), палажы́ла (ib., 24), лажы́сь (ib., 25), хо́чыш (ib., 23), вячэ́ра (ib., 27), цэ́ркав (ib., 49), жыть (Абаринки, 69), праваджа́ла (ib., 88), праваджу́ (Ильбово, 97), палажы́ли (ib., 97), шэ́льму (ib., 105), даджавы́я (ib., 101), ня хо́чыш (ib.).

Во всех ответах на краткую Академ. программу имеются указания на твердое *ч* (о *ш*, *ж*, *ц* и *дж* в программе нет вопроса).

В ответах на Академ. великорусскую программу № 269 указано твердое произношение: шыть, шы́ло, жыр, ко́жы, чы́стый, концы́, у́лицы, цыпле́нок[1] (§ 116, 117, 120).

То же и в ответе на такую же программу № 282: машы́на, жыть, пружы́на, на ву́лицы, канцы́, ку́рица, кальцо́, царь, сяджу́, саджа́ла, кручы́на, брато́чык, змо́вчыла (§ 116, 117, 120).

В ответе на такую же белорусскую программу № 6: шыть, чы́стый, жы́рный, чо́рный, цы́фры, цана́, ате́ц (§ 41) и т. д., но — прахажу́ся, ража́ю, вижу́ (§ 40) и т. д. с отсутствием аффрикаты *дж*.

В ответе на программу Моск. Диалект. Комиссии № 91: шыть, жыть, доч, чы́стый, канцы́, царь, (§§ 21, 22, 23).

То же и в ответе И. М. Гневушева и Л. Гр. Самосадного.

На твердость *ч* имеются указания и в наблюдениях Ал. Ф. Полевой.

Ан. Ф. Полевой также отмечает в Новозыбковском уезде твердость этих звуков.

По наблюдениям М. В. Ушакова, *ш* и *ж* всегда тверды, но *ч* «скорее мягкое, чем твердое»; *дж* также мягко: ху́джи, джига́лить; *ц* мягкое только пред гласными переднего ряда: циркун, церква.

В записях проф. Ив. Гр. Голанова отмечено *ч* твердое; относительно других звуков у него нет указаний.

Примечание. Русскому *щ* соответствует в говоре сочетание звуков *шч*.

Лишь в ответе на Академич. великорусскую программу № 282 из Трубчевского уезда приведены великоруссизмы: шшу́ка, шшо́тка, бо́ршш, яшшо́, мушши́на и т. д. (§ 123); то же и в Академич. белорусской программе № 6 из того же уезда: прошша́й, шшу́ка (§ 41).

---

[1] Примеры в программе подчеркнуты с удержанием орфографии программы.

Губные звуки.

Губные звуки *б, п, м* на конце слова и пред согласным, в том числе и *j*, тверды; лишь в городских говорах в положении пред *j* возможна мягкость губных или колебание между твердыми и мягкими. Звук *в* (билабиальное = w) тверд в положении только пред *j*, при чем иногда здесь слышится ў. В городских говорах пред *j* слышится и *в* мягкое.

Об изменении *в* (w) в положении после гласного пред следующим согласным звуком и на конце слова см. ниже.

Примеры.

В ответе на Академич. великорусскую программу № 269: се́мдесят, дере́вня, кре́пче, сере́бряная, хле́бник, б'ю, п'ю, в'ю (§ 138).[1]

В ответе на такую же программу № 282: се́мдисят, дяре́вня, кряпче́й, сяре́бриная, де́вки, хле́бник, купца́, б'ю, п'ю, в'ю (§ 138).

В ответе на белорусскую программу № 6: б'ю, п'ю, в'ю, вараб'и́, го́луб, сып, паста́в, любо́в, сем и т. д. (§ 36).

В ответе на такую же программу № 221: б'ю, п'ю, ў'ю, се́м'ями, го́луб, сып, сем (§ 36).

В ответе на южновеликорусскую программу Моск. Диалект. Комиссии № 91: уб'ю́ б'еш, в'ю́га, п'еть, п'я́ный и др. (§ 29).

В значительной части ответов на краткие Академич. программы также есть указание на твердость губых в конце слов.

То же в ответе Ив. М. Гневушева и Л. Гр. Самосадного.

В статье Ан. Ф. Полевого: сем, во́сям, го́луб, про́руб, сып, п'еш, сем'я́ и т. д.

По наблюдениям М. В. Ушакова, губные на конце слова всегда тверды, пред *j* наблюдаются индивидуальные отклонения: чаще твердость губных, но возможна и мягкость их.

То же отмечено и в статье А. В. Маркова (стр. 188).

В записях М. Н. Косич: го́луб (Водвинка, 98; хут. Александр. 90; Жуково, 71; Шапочка, 64), сем (Шапочка, 65; Невзорово, 90), сям'ю́ (Анушино, 46; Росуха, 79; Жуково, 71; Новые Ивайтенки, 64), б'юць (Росуха, 102), п'е (Росуха, 25; Жуково, 74; Далматово, 42), п'я́ницу (Жуково, 75), п'я́ница (ib.), п'ець (ib.), п'юць (Шапочка, 98), п'ян (Кожемяки, 67), разаб'ю́ (ib., 87), б'е (Далматово, 42), б'е (Погар, 111), сям'я́ (ib., 110).

[1] Примеры подчеркнуты в программе с сохранением их орфографии. Мною опущен после губных лишь ъ.

В записях А. Д. Нечаева: ня п'е́ (Гарцево, 26), п'я́ницу (Абаринки, 82; Ильбово, 98), п'е (Абаринки, 82; Ильбово, 98), п'еш (Семешково, 118) и т. д.

Примечание. Кое-где у М. Н. Косич на ряду с этим имеются написания с мягкими губными пред *j*: бьеш (Шапочка, 64), пьян (ib., 66), пьець (Жуково, 75), бье (Лупеки, 27); едва ли это однако живое произношение.

В записях Е. Якушкина, Н. Дорогунцева и А. Н. Афанасьева такие написания преобладают. Мягкость губных на конце слова, встречающаяся у Н. Дорогунцева и А. Н. Афанасьева, также вызвана орфографией.

В положении пред гласными звуки *б* и *м* спорадически тверды и имеют после себя *j*: галуб'ятки (М. Н. К., Росуха, 40), урэ́м'ячка (ib., 74; Жуково, ib., 71), им'ё (Гриденки, ib., 53), врем'юшка (А. Д. Н., Гарцево, 37).

Звук *в* (w) в положении после гласного пред следующим согласным звуком и на конце слова переходит в *ў*.

Примеры.

В ответах на краткую Академич. программу некоторые из ответов имеют непосредственное указание на такой переход: кроў, любо́ў (№ 292б), де́ўка, кроў (№ 209а); другие же передают на письме *ў* чрез *в* (№№ 292а, 295а, 203).

В ответе на Академич. великорусскую программу № 269 имеем: годо́ў, дворо́ў, сла́ўно, ла́ўка, торго́ўля, дере́ўня, дзю́ча́та (§ 94).[1]

Ответ на Академич. программу № *282* дан неудачный: автор ответа, повидимому, не отличал *ў* от *в*, и обозначение этого звука чрез *ў* принял за *у*, поэтому звук *ў* передан чрез *в*, при чем сделана оговорка, что «в конце слова нет замены *в* чрез *у*, а также и в средине слова после гласной... конечное *в* произносится ясно» (§ 94).

В Академич. белорусской программе № 6 нет ответа (§ 33).

Ответ в такой же программе № 221 не ясен (§ 33).

В программе Московской Диалект. Комиссии № 91, в § 29 речь идет не о переходе *в* в *ў*, а о твердых или мягких губных; сообразно с этим дан ответ: кров, любо́в, журáв — с твердым *в*; но в § 10, где ставится вопрос о переходе *в* в *ў*, ответ дан неясный.

В ответе Ив. М. Г.: тра́ўка, пра́ўда, гадо́ў (§ 10).

В ответе Л. Гр. С.: де́ўка, тра́ўка, пра́ўда, аўсá, гатбўлю, паста́ўлю, гарадбў, карбў и т. д. (§ 10).

[1] Примеры подчеркнуты в тексте программы с удержанием их орфографии.

В статье Ан. Ф. П. приведены примеры: ла́ўка, пра́ўда, тра́ўка, даўно́, де́ўка, пайду́ ў пу́ню, гадо́ў, любо́ў, кро́ў, ваўко́ў и т. д.

М. В. У. также указывает на переход *в* в *ў*.

В записях М. Н. Косич: дзе́ўки (Росуха, 25), забаўля́ў (ib., 63), каўра́мы (Бородинка, 35), дзеўки (ib., 57), кроў (Горяны, 72), любо́ў (Жуково, 65), сакало́ў (ib., 75), по́ўнач (Шапочка, 65), кроў (ib., 72), даўно́ (Задубен., 64), дзе́ўки (Невзорово, 46), гало́ўка (Гарцево, 39), пра́ўдачку (ib., 86), наўчу́ся (Бороздинно, 105), пра́ўда (Новосел., 26), галубо́чкаў (ib., 19), Ива́наўна (Анушино, 46), папо́ў (Гриденки, 53), дзяко́ў (ib.), прагуля́ў (Погар, 108), любо́ў (Мглин, 112) и т. д.

В записях А. Д. Нечаева: да ў по́ли (Гарцево, 23), да ўжо́ (ib.), ваўко́ў (Ильбово, 97), пара́ и ўстава́ть (ib., 107) и т. д.

В начале слова на месте *в* (w) пред согласным слышится *у*, при чем иногда оно бывает редуцированным.

Примечание. М. Н. Косич отмечает, что *у* из *в* в начале фразы «не бывает кратким»,[1] но мне приходилось слышать в таком положении *у* редуцированное.

Примеры.

Ответы на кратк. Академ. программу указывают на *у:* усё, уну́к, удава́ и т. д.

В ответе на Академ. великорусскую программу № 269: уся́, уре́мя, уну́к и т. д. (§ 94).

В ответе на такую же программу № 282: удава́, уся́кий, узя́ть, уста́нь и т. д. (§ 33).

В такой же программе № 221: уну́к, у ме́х, уси́х и т. д. (§ 33).

В ответе на южновеликорусскую программу Моск. Диалект. Комиссии № 91: уме́сти, уро́зь, уну́к, усе́, у ваде́, у гбради (§ 10).

В ответе Ив. М. Г.: уме́сти, уста́ну, удава́, уну́к, усё.

То же и в ответе Л. Гр. С.

В статье Ан. Ф. П.: уну́к, усё, уздумаю.

В записях М. Н. К.: уси́ (Росуха, 15), узя́та (ib., 48), удо́ўка (Бородинка, 89), усё (ib.), уси́м (хут. Александр., 88), узяла́ (Шапочка, 63), усё (Лупеки, 23), узя́ў (Невзорово, 101), уста́нь (Гарцево, 19), усё (ib., 31), усю́ (Бороздинно, 105), ускалыхни́ся (Човпня, 66), узя́ў (Верканька, 43), узя́ўся (Выстриков, 49), узя́ть (Клинцы, 103), уздумали (Манюки, 92), устря́чы (Погар, 111), усле́д (Мглин, 112), узя́ть (Стародуб, 107) и т. д.

[1] Op. cit., стр. 120.

В записях А. Д. Н.: узгля́ну (Гарцево, 39), удава́ (Абаринки, 73) и т. д. У него же встречается в этом положении и *у* редуцированное, передаваемое здесь чрез *ў*: ўста́нь (Ильбово, 103), ў са́ди (ib., 102), ўради́ла (Гарцево, 54), ўдо́вы (ib., 60), ў твой (Абаринки, 70) и т. д.

Примечание. В городских говорах спорадически встречается и *в* на месте *у*: вмёр, вдаріть, втапіўся и т. д.

В положении пред гласным звук *в* сохраняется: вясна́, вярёўка, варабе́й, во́ўк и т. д.

Примечание. Предлог *в*, переходящий в начале слова в *у* или *ў* редуцированное, в положении пред гласными является в виде *ув*, а пред согласными, в том числе и *j*, а также и *і* неслоговым в виде *ува*: ув ахвице́ры (М. Н. К., Бороздинно, 105), увайду́ (Кожемяки, ib., 87), увазна́ў (Горяны, ib., 48), увасну́ла (А. Д. Н., Гарцево, 37), увайди́ (Абаринки, 93), ув адну́ (Якушк., Погар, 21).

На ряду с отвердением в указанном положении губных звуков, преимущественно в городах нередки сочетания *б, п, в, м* с *и* вместо *ы*: проникает это явление и в деревни.

В записях А. Д. Нечаева *ы* в таком положении передается чрез $^{и}_{н}$. Мне не приходилось однако наблюдать произношения $с^{и}_{н}$.

Примеры: висо́кий (Акад. великорус. прог. № 282, § 71), $в^{и}_{н}со́ка$ (А. Д. Н., Гарцево, 21), $в^{и}_{н}со́ки$ (ib., 32), вопитный (М. В. У) високий (ib.).

В записях М. Н. Косич *и* в таком положении вместо *ы* встречается редко: висо́кую (Лупеки, 16), висо́к (Далмат., 43; Погар, 107); не часто оно и в сказках А. Н. Афанасьева: папита́й (№ 14; в сноске здесь дано объяснение: попыта́й = спроси́), выпи́тавали (ib.).

По наблюдениям Ан. Ф. П., сочетание губных с *и* вместо *ы* имееяст в части Новозыбковского уезда, расположенной к югу от линии, идущей от Янжуловки чрез Медведовку, Тимоновичи, Оптень, Любечаны, Старый и Новый Ропск, Крапивное, Чолхов до границы Гомельского уезда.[1]

В других источниках вовсе нет указаний на это явление. В программе Моск. Диалект. Комиссии № 91, больше того, оговорено, что «ви́нул, ви́ход, ми́ло вместо — вы́нул, вы́ход, мы́ло не говорят» (§ 29).

По моим наблюдениям, *и* вместо *ы* в таком сочетании встречается преимущественно в городах и имеет свое объяснение в прошлой жизни город-

[1] Беру прежние границы Новозыбковского уезда. У Ан. Ф. Полевого эта линия продолжена несколько дальше по Гомельскому уезду.

ских говоров (о чем смотри ниже). Таковы, например, Стародубские: мі, ві, каро́ві, бік, пі́тка, пі́шна (пы́шно). Про произношение Погарцами в этих сочетаниях *и* существует специальное выражение: «Мі мілісь у бані і міла забілі» (Мы мылись в бане и мыло забыли).

Звук ф.

Звук *ф* не встречается в Северско-белорусском говоре; на месте *ф* чаще всего слышится *хв*, реже *х* и в единичных случаях *п*. Лишь в мещанских говорах, наоборот, *ф* иногда заменяет сочетание *хв*: фа́стать (хва́стать), фо́ст (хво́ст).

Примеры.

В ответе на Академ. великорусск. программу № 269: Митрохва́н, сарахва́н, Ахвана́сий, Хвёдор, цы́хвра, хунт, Аўхи́м, Пана́с, Про́ся. Здесь же и фа́стать, фата́ет (§ 99).[1]

В ответе на такую же программу № 282: Митрахва́н, Хвана́с, Пана́с, хунт, Яхи́м, хранцу́з, Хро́ся и Про́ся, ко́хта, Пплипа́вка.

Примечание. Тут же сделано указание, что вместо *хв* не говорят *ф* (§ 99).

То же и в Акад. белорус. программе № 6: Хвёдар, Ахвана́сий, хунт, Пплип.

То же в ответе на южновеликор. программу Моск. Диалект. Комиссии № 91, в ответах Ив. М. Гневушева и Л. Г. Самосадного.

М. В. Ушаков также указывает на отсутствие в говоре звука *ф*.

Ан. Ф. Полевой отмечает замену в говоре деревни звука *ф* звуками *хв*, *х*, *п*: Хвёдар, хранцу́з, хунт, Пили́п и др. Тут же им отмечено произношение деревенской «интеллигенцией, которая старается говорить русским литературным языком», звука *ф*, вместо *х*: фост, фу́тар (ху́тор), при чем такое произношение не окончательно вытеснило звук *х*: на ряду с *фост*, *фу́тар* можно слышить и — хвост, ху́тар.

В записях М. Н. Косич: Ма́рхвачка (Росуха, 17), Мархву́тачка (ib., 19), Хвёдарька (ib., 22), у кахта́ни (ib., 81), ахвице́раў (ib., 87), у хранцу́за (ib., 87), хвартучо́к (ib., 102), хвия́лачки (Бородинка, 15), Хвёдарка (Лупеки, 27), кахта́н (ib., 65), ахвице́раў (Невзорово, 85), хранцу́за (Гарцево, 86), ув ахвице́ры (Бороздинно, 105), кохтачку (ib.) и т. д.

---

[1] Часть примеров подчеркнута в тексте программы с сохранением их орфографии.

В записях А. Д. Нечаева: Хве́дячку (Гарцево, 28), Хами́навна (ib., 29), ахвице́р (ib., 41), Хама́ (ib., 49), кахта́н (ib., 56), ту́хли (Абаринки, 65), Ма́рхва (ib., 78), Тимахве́й (ib.), хвартучо́к (ib., 79), шарх (ib., 84), ни хварси́ (ib.), ко́хтачку (ib., 92).

Сонорные звуки.

О звуке *р* уже сказано выше.

Звук Л.

Старый твердый звук *л* в сочетании *ол* (с соответствующим заместителем звука *о* при безударности), восходящем к старому сочетанию *ъл*, а также на конце несклоняемого причастия прошедш. времени мужеск. рода, имеющего значение форм прошедшего времени, переходит в ў.

Примеры такого перехода представляют записи М. Н. Косич, А. Д. Нечаева, наблюдения Ан. Ф. Полевого, ответ на Академ. белорусскую программу № 221, ответы Ив. М. Гневушева и Л. Г. Самосадного. Об указании других источников на изменение *л* в таком положении см. ниже.

Записи М. Н. К., *Мглинский уезд:* воўк (Росуха, 40), укра́ў (ib., 63), шаўко́вая (ib., 100), купи́ў (ib., 102), (ib., 29), стаў (хут. Александр., 90), засну́ў (ib.), шаўко́вых (ib., 90), жо́ўтыми (Яблонка, 29), шо́ўкам (Кожемяки, 68), ваўки́, (ib., 72) и т. д.

Стародубский уезд: паўзе́ (Лупеки, 23), то́ўстая (Невзорово, 104), тоўч (ib.), таўку́ць (ib., 42), садзи́ўся (ib., 86), узя́ў (Верканька, 43), спаў (Анушино, 51), забаўля́ў (ib.), быў (Семешково, 14), паéхаў (Платково, 81), паки́нуў (ib.), узя́ўся (Выстриков, 44), разьби́ў (ib.) и т. д.

Суражский уезд: ласка́ў (Клинцы, 103), паéхаў (ib.), зарэ́заў (ib.) и т. д.

Новозыбковский уезд: на жо́ўтам (Манюки, 91), запе́ў (ib., 83), баи́ся (ib., 90) и т. д.

Примечание 1. В записях М. Н. Косич в единичных примерах, в песнях с городским влиянием, встречается в подобном положении *л*: патану́л (Гарцево, 105), абману́л (ib.), дал (Бороздинно, 105), палтары́ (ib.), шо́лку (рифмуется с то́лку, Михайловск, 105). Такому же влиянию обязано сохранение звука *л* и в словах: палко́ўники (Росуха, 102), полк и производных от них.

Примечание 2. В говоре местной интеллигенции, в городах также слышится *ў* в названных выше глагольных формах; произношение этих форм с *л*, на подобие приведенных только что примеров, есть результат книжного влияния.

В записях А. Д. Н.: жо́ўтыя (Гарцево, 20), шо́ўкавый (Абаринки, 80), паўтара́ста (ib., 92), ваўкі́ (Ильбово, 97), паўдня́ (ib., 98), шаўкава́я (ib., 109), но также и — палкі́, полк (Ильбово, 109).

Ан. Ф. П. также отмечает переход в этих условиях *л* в *ў*: веў, даў, узя́ў, воўк, по́ўный, жо́ўтый и т. д.

В ответе на Академ. белорусскую программу № 221: даў, быў, даўжына́, по́ўный, чо́вен и т. д. (§ 34).

В ответе Ив. М. Г. и Л. Гр. С.: знаў, быва́ў, воўк, до́ўгий.

Другие источники не дают указаний на переход в указанном положении *л* в *ў*; лишь в ответах на Академич. великорусскую программу №№ 269 и 282 и белорус. № 6 говорится об изменении *л* в *в* (§ 100). Причину неточности этих ответов следует видеть в неразличении их авторами *ў* и *в*.

То же надо сказать и об ответе на программу Московск. Диалект. Комиссии № 91.

Старый мягкий *л* в положении пред следующим твердым согласным, чаще всего пред *н* и *ц* отвердел.

Примеры.

Записи М. Н. К., *Мглинский уезд*: бо́лна (Росуха, 79), вясе́лца (ib., 81), си́лна (ib., 84), стрялцы́ (ib., 97), си́лнинька (Водвинка, 19), балшы́й (Бородинка, 87), бални́ца (ib.), крылцо́ (ib., 100), бо́лшый (Жуково, 72), бязбо́лнай (ib., 74), си́лна (Шапочка, 64), ма́лчык (ib., 65), бо́лшую (ib., 98), горька-до́лныя (ib.), бязбо́лная (ib.), си́лна (Задубенье, 64), бо́лна (Кожемяки, 67), да́лняя (Мглин, 112).

Стародубский уезд: бо́лшаю (Лупеки, 16), кры́лцамы (ib., 23), бо́лшая (ib., 65), крылцо́ (Невзорово, 101), нача́лник (Гарцево, 86), ма́лчык (Бороздинно, 105), балшы́я (Берновичи, 85), що́гална (Погар, 107), во́лнаю (ib., 109), аста́лныя (ib. 111) и т. д.

Суражский уезд: малчы́шка (Клинцы, 103), дабо́лны (ib.).

Новозыбковский уезд: во́лнай пта́шкай (Манюки, 90), бо́лшая (ib., 91), бо́лшаю (ib.), си́лнаю (ib.) и т. д.

В записях А. Д. Нечаева: крылца́ (Гарцево, 44), мы́лца (ib., 51), ры́лца (ib.), бо́лна (Абаринки, 69), сяде́лца (ib., 71), си́лна (ib., 85, 87, 88), сту́лчык (Ильбово, 103), на сту́лчыку (ib.), си́лна (ib. 106), кры́лцамы (ib., 107) и т. д.

Примечание. Преимущественно в городах имеет место обратное явление: мягкий *л* на месте твердого. Проникает это явление и в деревни.

Примеры: по́льна (М. Н. К., Жуково, 75; Манюки, 92: Невзорово, 87; Анушино, 46; Берновичи, 85; Михайловск, 50), по́льна (А. Д. Н., Гарцево, 24); таковы же: вальпо́ю, а́льчнасть.

На ряду с этим, особенно в городах, весьма часто и правильное употребление *л*.

В статье Ан. Ф. Полевого отмечено отвердение в этих условиях *л* и, наоборот, замена твердого *л* мягким.

В ответе на Академич. белорусскую программу № 221: крылцо́, па́лцы, малцы́, хвалшы́вый и т. д.

В ответе на такую же великорусскую программу № 282: болны́я, си́лныя (§ 147).

В других источниках нет указаний на это явление.

Явления в области согласных звуков.

Помимо отмеченных выше явлений в области согласных звуков — сохранения в указанном положении звонких согласных, отвердения в известных условиях звука *р* и смягчения задненебных — отмечу здесь следующее.

Чертой, общей для значительной части согласных звуков, преимущественно зубных, является смягчение их в положении пред следующими мягкими согласными.

Примеры. М. Н. К. *Мглинский уезд:* зь бярёзы (Росуха ib., 22), зь вярьху́шки (ib., 25), зь зялёнага (ib., 49), зь нянькай (Бородинка, 100), сьлёзы (ib.), разьвива́ю (Горяны, 15), зь яко́га (ib., 48), пано́сьця (ib., 68), зацьвила́ (Жуково, 19), зь лёдам (Яблонка, 31), зь бярёзаю (Нов. Ивайтенки, 64), расьце́ (Кожемяки, 67), расьци́ (ib.) и т. д.

Стародубский уезд: изьвы́ўся (Лупеки, 16), сьцяли́ (ib., 65), разьве́шу (ib., 65), зь вярбы́ (Гарцево, 31), сьпе́лага (Бороздинно, 105), не́ сь ким (Платково, 81), зь ве́чара (Берновичи, 85), разьби́ў (Выстриков, 44), у ку́сьци (Михайловск, 50), сьпи́цы (ib., 60), зьбира́ўся (Погар, 110), зь ве́чара (ib., 111) и т. д.

Новозыбковский уезд: зьлита́ла б (Манюки, 90), зь ве́рху (ib., 92).

В записях А. Д. Н.: сьвёкру (Гарцево, 22), сьвякру́хи (ib., 27), дьве (ib., 39), сьвёкарьки (Абаринки, 68), пёсиньки (ib., 69), дьве (Ильбово, 109) и т. д.

Примечание 1. Старый мягкий согласный в большинстве случаев сохраняется в деревенских и отчасти в городских говорах: дерявёньскі(й), жёньскі(й) и т. д.

Примечание 2. Нередки однако и случаи отвердения здесь согласных. В городских же говорах, особенно в городе Стародубе, согласные в таком положении иногда тверды.

На ряду с этим в говоре имеет место и спорадическое отвердение некоторых согласных, встречающееся в следующих словах: сэ́рца, сэрдэ́чка, уздэ́чка, калэ́чка, карсэ́т (А. Д. Н., Ильбово, 113), пажывэ́й (ib., Гарцево, 61), панычо́чык (ib., 58), папре́жнаму (М. Н. К., Михайловск., 50), сы́зый и производных от него (ib., Шапочка, 64; Жуково, 100; Берновичи, 85; А. Д. Н., Гарцево, 36, 42, 45; Абаринки, 61, 67; Ильбово, 99), также — відэ́лка, мястэ́чка, васкрясэ́ньня, спасэ́ньня, вазнясэ́ньня, сны́тка, Влады́мір, Мыкі́та и некоторые другие.

Примечание. М. Н. Косич отмечает в городском говоре произношение: буты́лка, ты́сяча (стр. 119), но мне не приходилось встречать такого произношения.

Относительно весьма распространенных в говоре дʼі́рка, дірʼя́вы(й) см. акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 1, стр. 281.

Шипящие согласные в положении пред свистящими переходят в свистящие, и наоборот — свистящие пред шипящими изменяются в шипящие.

Свистящий на месте шипящего в таком положении имеют: 1) формы 2 л. единст. числа настоящего времени глаголов непереходного залога: байсься (М. Н. К., хут. Александр., 18), сагне́сся (А. Д. Н., Гарцево, 28), дастáнпсся (ib., Абаринки, 63), вы́чысься, му́чысься и т. д. То же и в Академич. великорусской программе №№ 269, 282 и в статье Ан. Ф. Полевого, 2) формы дат. и местн. пад. един. числа имен существит. женского рода с окончанием *а* в положении шипящего пред свистящим, возникшим в результате смягчения задненебных: к ре́нцы (М. Н. К., Бородинка, 57), к ре́чаццы (ib., 58), на той кали́наццы (Водвинка, 97), на ру́чаццы (Лупеки, 25), на калбдаццы (Гарцево, 41), па дали́наццы (Выстриков, 44), па кла́даццы (Верканька, 38), дяўчо́наццы (А. Д. Н., Ильбово, 108), на ру́сай ко́саццы (Семешково, ib., 115) и т. д.

Примечание. Нередко однако в названных формах шипящие не переходят в свистящие: ба́тюшцы (М. Н. К., Росуха, 74), ма́тушцы (ib., 74; Лупеки, 103) и т. д. приходилось слышать на ряду с формами — к избу́сцы (А. Д. Н., Гарцево, 61), к ма́тусцы (ib., Семешково, 118), ба́тюсцы и т. д.

Обратное явление, переход свистящих в шипящие: ж жано́й, ж же́сці (из жести), бяж ша́пкі, ш чалаве́кам, рашчо́т, ж жо́утым и т. д.

На ряду с этим встречается *ц* на месте *т* в группе *-тц-*: ма́нцы (М. Н. К., Росуха, 101; Ивайтенки, 91), па намёнцы (Лупеки, 23), бра́нцы (Росуха, 84), к ашцу́ (ib.) и т. д.

В *ц* переходит и *т* в формах 3 лица един. и множ. числа настоящего времени и в infinitiv'е глаголов непереходного залога.

Примеры: упина́юцца (М. Н. К., Росуха, 34), смяю́цца (ib., 47), бяля́цца (Бородинка, 53), ня пыля́цца (ib., 84), нападзе́нца (Водвинка, 14), бра́нцца (Погар, 110), разальле́нцца (Клинцы, 103), жани́нца (ib., 103), дару́нцца (А. Д. Н., Гарцево, 26), смяю́цця (ib., 26), купа́нцца (ib., Абарынки, 80), смяю́цца (ib.), прашча́нцца (ib., Ильбово, 111) и т. д.

Из явлений полной ассимиляции отмечу еще: 1) переход в сочетаниях *бм* и *дн* звуков *б* и *д* в носовые—аммануу́, аммачы́у, ся́ньня (сего́дня), бянь-ня́жка, вяля́каньня и 2) ассимиляцию *j* с предшествующим ему мягким зубным согласным или шипящим. В результате получается двойной или долгий мягкий (кроме шипящих) согласный звук + гласный.

Примеры.

В записях М. Н. К.: саба́нча (Росуха, 24), парася́ччы (ib.), тре́ньця (ib., 96), Васи́льля (ib.), альляна́я (Бородинка, 58), чалаве́ччу (Кожемяки, 72), вясе́льля (Гарцево, 41), скрысе́ньня (ib.), засто́льляйку (Новоселки, 26), ружжа́ (Михайловск, 50), Васи́льлявича (Погар, 108), пла́тьтя (ib., 111), разальле́нца (Клинцы, 103), льле (Манюки, 92), судьдзя́ (М. Н. К., 123), або́дзьдзя, пападзьдзя́ и т. д.

В записях А. Д. Н.: щабита́ньня (Гарцево, 25), гуля́ньня (ib.), ко́ллям (ib., 26), жытьтё-бытьтё (ib., 30), зальлю́сь (ib., 39), куде́льлю (ib., 64), зарэ́нча (ib., 89), дяво́ччы (Ильбово, 101), вра́жжы (ib., 104) и т. д.

Примечание. Губные и *р* обыкновенно не удваиваются: падво́р'яйка (М. Н. Косич, Горяны, 15), пер'я (ib., 15), Мар'яццы (Яблонка, 27), пе́р'я (Анушино, 49), прыгбр'яйку (Лужки, 52), бязу́м'я (Погар, 109). Лишь изредка можно слышать произношение с удвоенным мягким *р*. Удвоение *р* отмечает и М. Н. Косич (стр. 123): Ягбрьря, звярьрё; у А. Д. Нечаева также встречается: пе́рьрячка (Абарынки, 64). Удвоенное *р* М. Н. Косич отмечает в более «глухих местностях». (Ответ на Акад. белорусскую программу № 221, § 39); мне же встречалось такое произношение в городах и пригородных деревнях.

Далее явление это отмечают: а) ответы на краткие Академ. программы (кроме № 295б., где этот §, равно как и ряд других, оставлен без ответа); б) ответ на Академ. великорусскую программу № 269: судьдя́, свиньня́, кры́льля и т. д.; в) ответ на такую же программу № 282: судьдя́, кутьтя́, бадьдя́, питьтё, пла́тьтя. свиньня́ и т. д.; г) ответ на такие же белорусские программы №№ 6 и 221 (§ 39); д) ответ на программу Моск. Диал. Комиссии № 91 (§ 35); е) ответ Л. Гр. Самосадного (§ 35) и ж) статья Ан. Ф. Полевого.

Отмечу несколько случаев выпадения звуков в сочетаниях *зд, ст, дц:* паднявёсница (М. Н. К., Росуха, 25), пе́рьсни (ib., 60), по́зняй (ib., 77), пра́зники (ib., 96), часну́ю (Водвинка, 20), се́рца (Кожемяки, 67; Лупеки, 102; Платково, 81), се́рцу (Невзорово, 50), пе́рсня (Манюки, 92), по́зна (Погар, 109), по́знинька (ib.), се́рца (А. Д. Н., Гарцево, 30), нявёску (Ильбово, 107) и т. д.

Выпадение звуков и целых слогов представляют и следующие слова: палядзи́ (М. Н. К., Росуха, 29), тады́ (Лупеки, 103; Погар, 110), прыма́й (Жуково, 75), здра́стуй (Погар, 106), баслави́ (Гарцево, 37), када (Погар, 110; А. Д. Н., Гарцево, 34; Абаринки, 72) и т. д.

На ряду с этим в положении между двумя гласными имеется вставочное *в*: навýка, навуча́ць, навýшнік, павýк, аплявýха, Радзівóн, Ларівóн, Лявóн и т. д.

Явления начала и конца слова.

Пред начальным гласным заднего ряда в ряде случаев появляется приставочный звук *в*: вýтка (М. Н. К., Росуха, 35, 49), вбчынь (ib., 49), вусы́ (ib., 86), вакóшки (Водвинка, 19), вакнó (хут. Александровка, 90; вýлицы, Жуково, 75), вакóнца (Кожемяки, 96), вýтачки (Лупеки, 26), вýшы (Невзорово, 104), вакнá (ib., 104), вýтачку (Семешково, 14), з вýлачки (Погар, 109), вум (ib.) и т. д.

Изредка встречается приставочный звук *г*: Га́нна (М. Н. К., Росуха, 96; Анушино, 46), гарбýз. Другие слова с приставочным *г* мне не встречались.

Приставочным является и *j* преимущественно пред начальным звуком *і*.

С точки зрения современного состояния говора приставочными являются *и* и *а* в словах: іржá, ільнý, іМглін, ільнýць, ілга́ць, аржаны́(й), альняны́(й) и т. д.

Изредка, преимущественно в городах встречается приставочное *і* и в предлоге *к:* ік ямý, ік гарэ́, ік ба́цькі и т. д.

Прелдог *із* часто теряет звук *і*; наоборот, предлог *с*. вследствие смешения с предлогом *з*, по аналогии с ним звучит *іс*, *із*.

Начальный гласный звук в отдельных словах нередко отпадает: ще (М. Н. К., Росуха, 91, 96: Бородинка, 69; Жуково, 75; Манюки, 52), шчэ (А. Д. Н., Абаринки, 84; Ильбово, 112), у гарóзди (М. Н. К., Горяны, 15), гарóду (ib., Задубенье, 64), на гарóдах (ib., Кожемяки, 83) и т. д.

Часто отпадает начальный гласный после предшествующего гласного в предлоге: на'днý (на одну́), па'дной, ни'ддавай и т. д.

В с. Нивном мне приходилось слышать отпадение начального гласного и вне такого положения: бéдня (обедня), вéчка (овечка), бéдаць (обедать), дзін (один и др.). Подобное явление отмечено и в краткой Академич. программе № 295а (село Осколково Мглинского уезда).

Из явлений конца слова, помимо отмеченного уже сохранения звонких шумных согласных, укажу здесь на отпадение конечного гласного при отсутствии на нем ударения. Явление это имеет место: 1) в формах звательного падежа единств. числа преимущественно двусложных имен существит. мужеского и женского рода с окончанием *а*: мам, пап, Пець, Дунь, Каць, цёць, дзядзь и т. д. и 2) в формах единств. числа повелительного наклонения: пасбб, пасбдзь, няўвбдзь и т. д.

Сюда же относится и отпадение *і* неслогового в именах прилагательных сложного склонения мужеского рода единств. числа и в формах повелительного наклонения некоторых глаголов.

В рассмотренных явлениях фонетики Северско-белорусский говор в значительной части явлений сходен с другими белорусскими говорами. Но, с другой стороны, в нем имеются, как мы видели, и явления, *неизвестные* другим белорусским говорам.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ.

Главнейшие суффиксы.

I. Имена существительные.

Суффиксы с сонорными согласными.

С р:

-ар и *-арь* в названии лиц по роду их занятий: званáрь, касáрь, маля́р, сталя́р, лéкарь, слéсарь, пíсарь, знáхарь;

-ера или *-ер* в сложении с суффиксом *-ка* в числительных собирательных, начиная с 5: пя́цера, шéсьцера, сéмера, вбсьмера; пя́церка, семерка, дзя́сяцерка и т. д.;

-ур- в сложении с суффиксом *-ка* или *-ак* в таких именах, как: камнатýрка, дзяўчýрка, пячýрак и др.;

-ыр̓ в таких словах, как: павадыр̓ и реже—багатыр̓; также в образовании женского рода от первого слова с суффиксом *-ка*: павадыр̓(ь)ка, багатыр̓(ь)ка.

С *л:*

-ло и *-ла* в весьма многочисленных именах: а) nomina instrumenti—вясло́, памяло́, рыла, шыла, крыса́ла, крапіла, паганя́ла; б) в производных от глаголов названиях лиц по их свойству, происходящему от действия, выраженного глаголом: бряхло́,[1] грябло́, грабіла, дурíла, ядзíла и др.; в) таково же и — хамло́, (хам, невежа);

-аль в немногих словах различного значения: кава́ль, па́даль;

-уля в ласкательных словах женского рода: барадýля, рагýля, бабýля, казýля и т. д. и в соединении с другими суффиксами: татýлечка, матýлечка, татýлька и т. д.

С *м:*

-мо: пісьмо́, бялмо́;

-ым в единичном слове — во́ччым (отчим).

С *н:*

-нік во многих словах разного значения: пра́зьнік, бязьдзе́льнік, сярнік (серная спичка, чаще — сярнічо́к), засту́пнік и друг.;

-ня в словах, обозначающих а) название действий: бряхня́, ругня́, гульня́, бягня́;

б) в названиях помещения, каковы: ку́зьня, бо́йня, цягéльня, пагрябня́ или в сложении с суффиксом *-оў*: вазбýня, жарбýня и

в) в таких немногих существительных, как — раўня́, радзьня́;

-ан- в словах разного значения после твердых и мягких согласных в соединении с суффиксами *-ка* и *-ец*: касьця́нка (плоды дикой груши), ляжа́нка, натыка́нка (шапка из искусственного барашка), набіва́нка (эпитет женщины, вышедшей замуж без сватовства, против воли родителей ее мужа), абарва́нец, абряза́нцы (головки, отрезанные от сапог), галадра́нец, аблі́ва́нец (крещеный обливанием, а не погружением в воду) и друг.;

-аня после твердых и мягких согласных, нередко в именах молодых существ: кацяня́, ваўчаня́, гусяня́ и некотор. другие; чаще однако эти имена имеют лишь *-я* или *-ёнак*: цяля́, парася́, вуця́ и т. д. или — цялёнак, парасёнак, гусёнак, вуцёнак и т. д.;

[1] Здесь, как равно и в других случаях, в написании *ря*, *рю* отступаю от обычного белорусского правописания, следуя живому произношению.

-ен- в соединении с *-ік* в словах, произведенных от глаголов: варэ́нік, тавчэ́нік, ляпе́нік, мясе́нік; *-ен-* в соединении с *-ка* весьма распространен в фамильных образованиях: Авсе́енка, Пушкарэ́нка, Сідарэ́нка, Нестярэ́нка и др.;

-ень в словах разного значения: ду́рэнь, пе́вень, тру́цень, бля́зень, лі́вень и др.; в соединении с суффиксом *-ка* в ласкательных именах, преимущественно в городской речи: па́ценька, ма́менька и др.;

-ён в соединении с суффиксом *-ка* в ряде «уничижительных» имен, напр.: хацёнка, лашадзёнка, каравёнка, скацярыцёнка, хусьцёнка и друг.;

-ізна в именах, образованных от прилагательных: бялізна́, жаўцізна́, круцізна́, навізна́, но чаще — навіна́;

-іна в словах различного значения, означающих: 1) единичные предметы — травіна, салóміна, канапліна, бяльліна, тканіна, насýдзіна, дамавіна, лазіна, сяліна (местность для поселения), пасканьніна, трясьціна;

2) в названиях видов мяса: бараніна, каніна, саланіна, сьвініна, саміна (рыба сом) или в соединении с суффиксом *-ак* после мягких согласных: гуся́ціна, куря́ціна, цяля́ціна, здыхля́ціна и т. д.;

3) в увеличительных именах: даміна, вазіна, дзяціна, хуртавіна.

Примечание. В некоторых случаях этот суффикс не заключает понятия значительной величины предмета, напр.: *трясьціна*, наоборот, употребляется для обозначения очень малого количества чего-нибудь; также и слово *хваробіна* не обозначает большой, тяжкой болезни.

-іны и *-ыны* в названии таких событий, как: ксьціны, зарýчыны и т. д.;

-іня в немногих существительных: багіня, княгіня;

-ун в nomina agentis: бряхýн, сьвістýн, бягýн, рявýн;

-уня преимущественно в городской речи в таких немногих словах, как: бабýня, Пятрýня, Павлýня;

-ыня в немногих словах: пустыня, міластыня, святыня.

Суффиксы с губными.

С *б*:

-ба после мягких и шипящих согласных в отглагольных названиях действий: хадзьбá, ганьбá, маладзьбá, кля́ньба, слýжба, дрýжба;

-оба с соответствующим изменением *о* при безударности в словах разного значения: худóба (имущество), худабá (худой человек), хварóба, жадзёба (жадный человек) и т. д.

С *в* и *ў*:

-ва в словах разного значения и происхождения: жарства́ (нечто жесткое в кушанье; часто в применении к хлебу с примесью суррогата — «хлеб як жарства́»), жра́тва (назнание прожорливого человека; часто также в применении к детям или домашней птице в собирательном значении) и т. д.;

-іва в отглагольных образованиях: ва́ріва, ме́сіва, ку́ріва, мало́зіва, ква́сіва;

-ов- (-ав-) и *-ев-*, осложненный суффиксами *-іч*, для образования отчества и фамилии: Пятро́віч, Ляксандравіч, Федаро́віч, Ляксе́евіч и др.;

-аўё в немногих словах: кнутаўё, пугаўё;

-оў- или *-аў-* в сложении с суффиксом *-на* после твердого и мягкого согласного звука в таких именах женского рода, как — папбу́на, дзякбу́на, знахарёўна, Пятрбу́на, Ма́ркаўна; часто также *-оў-*, осложненный суффиксом *-ка* (-оўка): ляскбу́ка (название плодов дикой лесной яблони), пятрбу́ка, маскбу́ка и т. д.

Суффиксы с зубными.

С *т* и *ц*:

-ат в одном, повидимому, слове — шкура́т, также после мягких согласных в соединении с *-ка* в именах ласкательных: галубя́тка, дзіця́тка; чаще в отглагольных существительных: рёгат, бря́зкат, грю́кат, сту́кат, то́пат, а также в сложении с суффиксом *-ня*: бегатня́, стукатня́, рэгатня́.

-ім в единичном, кажется, слове — на́йміт;

-ота и *-ата* после твердых, иногда и после мягких согласных: пяко́та, склізо́та, ванёта, свярбо́та, духата́, смярдо́та и др.;

-ута в немногих ласкательных образованиях от некоторых собственных имен после мягких согласных: Аню́та, Васю́та;

-тух: сьвінту́х;

-іца: вадзіца, лісіца, сястры́ца;

-ісль в таких именах, как: мсці́сель, губі́сель, разлучы́сель, учы́сель и т. д.;

-ця́й: лянця́й, слюнця́й, гульця́й.

С *с*:

-ас, *-асы* в немногих словах: выкрута́с, выкрута́сы, марда́сы (мо́рда, лицо́).

-асьць в абстрактных именах: мо́ладасьць, ра́дасьць, ста́расьць;

-ства в таких словах, как: па́нства, ца́рства.

-ус- в соединении с другими суффиксами в ласкательных именах: матýсечка, матýсенька, кумýсечка, кумýсенька, татýсечка, бабýсечка и др.

Суффиксы с задненёбными и их заместителями.

С *г* и *ж:*

-ага после мягких согласных: брадзя́га, плуця́га, рабаця́га;

-уга у слов преимущественно с увеличительным оттенком: п'яню́га, валацу́га, падлю́га, мятлю́га (мятель);

-уган в словах: дзядуга́н, мальчуга́н, хлапчуга́н;

-ыга: латры́га;

-уж в соединении с *-ка* в весьма многих словах: зладзю́жка, п'яню́жка, валацу́жка и др.

С *к* и *ч:*

Образования с суффиксами: *-ка, -ок, -ік, -очак, -очачак, -очка* и другими весьма распространенными представляют преимущественно уменьшительно-ласкательные имена.

Из других суффиксов отмечу следующие:

-ак после твердых и мягких согласных в словах разного значения: сапля́к, галя́к, пярва́к, свая́к;

-ака преимущественно после твердых согласных в таких образованиях, как — забія́ка, сьпява́ка, вужа́ка, зява́ка, лама́ка;

-ейка в уменьшительных образованиях: ліcьцейка, засто́льлейка, пла́ць-цейка и т. д.;

-ека в одном лишь слове — раскірэ́ка;

-ук после твердых и мягких согласных в немногих словах: байстру́к, сялю́к, Паўлю́к;

-ука с предшествующим мягким согласным: гадзю́ка, зьвярю́ка, зялю́ка и др.;

-ач в таких словах, как: барада́ч, наса́ч, капа́ч, снаха́ч и др.;

-ач в соединении с *-ка* в ласкательно-уменьшительных именах: ма́-тачка, ло́жачка, но́жачка и др.;

-ечка в немногих словах: малéчка, халаднéчка;

-ечка в соединении с *-ка:* го́рячка, ба́цечка;

-ічы: ро́дзіч (родственник), ро́дзічы (pluralia tantum, дни поминовения умерших, так называемая «родительская суббота»), пані́ч. Более распространен этот суффикс в образовании отчеств: Хваміч, Лукіч, Ляксéіч,

Андрэ́іч и т. д., а также в фамилиях-отчествах, произведенных от имен женского рода у «внебрачных детей»: Параніч, Пёкліч, Алёніч, Матрёніч и т. д.;

-чык в уменьшительных именах: хлопчык, акра́йчык (краюшка хлеба) и др.;

-чына: нямéччына, турэ́ччына и др.;

-шчына в словах, означающих эпоху и местность по принадлежности ее кому-нибудь: Мікала́еўшчына, па́ншчына, Старадубшчына, Дубля́ншчына и т. д.;

-ішча в словах разного значения, в большинстве случаев для обозначения увеличительности: і́грышча, гу́льбішча, баба́ішча, дурышча.

С *х* и *ш:*

-аха после твердых и мягких согласных: раскіда́ха, пта́ха, пабіра́ха и некотор. др.;

-іха и *-ыха* в именах женского рода, произведенных от соответствующих имен мужеского рода собственных и нарицательных: Пятры́ха, Антóніха, бóндарыха, дзячы́ха, купчы́ха, кавалíха;

-оха в немногих словах после твердых и мягких согласных: запівóха, дурёха, цяцёха и др.;

-ух после твердых и мягких согласных: пасту́х, кажу́х, каню́х;

-ух с предшествующим твердым или мягким согласным звуком, осложненный суффиксом *-на,* для образования ласкательных имен: ма́тухна, ба́цюхна, па́нюхна, та́тухна, дóчухна, бóжухна;

-ша в словах: лакéйша, сьлéсарьша;

-ыш: галы́ш, малы́ш;

-уша и *-ушка* после твердых и мягких согласных: клікýша, кілгýша (хромая), гарбýшка, краю́шка, дачýшка, квакýшка.

II. Имена прилагательные.

Суффиксы с сонорными согласными.

-л- в словах, произведенных от имен существительных и глаголов: пу́хлы(й), кру́глы(й), сьпе́лы(й), сьвéтлы(й) и т. д.;

-лів- в весьма многих именах: бряхлі́вы(й), візглі́вы(й), санлі́вы(й), уе́длівы(й)[1] и др.

[1] Во всех этих и подобных им примерах слабое, едва уловимое *і (й),* часто и вовсе исчезающее, берется мною в скобки.

С *н:*

-н- в именах, произведенных от существительных, глаголов и наречий: зялёзны(й), страшны(й), галодны(й), раньні(й), хлебны(й), посны(й), задрыпаны(й), скованы(й), званы(й), зацішны(й) и т. д.;

-ан- после мягких согласных от имен существительных, обозначающих вещество и материю: авсяны(й), сьлівяны(й), гліняны(й), мядзяны(й)—(последнее также рядом с медны(й)—, жыцяны(й), драцяны(й) (из проволоки), клапяны(й) и др.;

-енък- в весьма многих словах с уменьшительным значением: маленькі(й), уделенькі(й), белекі(й); часто встречается этот суффикс, осложненный другими суффиксами: малесенькі(й), чарнесенькі(й), нізесенькі(й) и—малюсенькі(й), чарнюсенькі(й), бялюсенькі(й), нізюсенькі(й), краснюсенькі(й), навюсенькі(й) и т. д.;

-енн- в именах с увеличительным значением: страшэнны(й), вялічэнны(й), здаравенны(й), высачэнны(й), шырачэнны(й);

-ін- и *-ын-* в весьма распространенных именах прилагательных со значением принадлежности, произведенных от имен существительных женского рода: бацькін, маткін, цёткін, жонкін, сястрын и т. д. и в соединении со следующим *-ы(й):* зьвярыны(й), арліны(й), мышыны(й) и т. д.

С *м:*

-м- с предшествующими гласными в немногих словах: лакамы(й), радзімы(й);

-мян- в слове — слухмяны(й).

С губными.

С *в:*

-ав- чаще после мягких согласных: бялявы(й), чарнявы(й), кучарявы(й), крывавы(й), дзіравы(й) и дыравы(й), сьлюнявы(й) и т. д.;

-ів- и *-ыв-* со следующим за ним *-ы(й)* и без него *(-іў, -ыў)* во многочисленных именах: чарвывы(й), ушывы(й), паршывы(й), красіў, шалудзіў и т. д.;

-ов- (чаще *-ав-*) в не менее многочисленных именах, произведенных от существительных: бярэзавы(й), дубовы(й), грушовы(й), кляновы(й) и т. д.;

-ов- (чаще *-ав-*), осложненный другими суффиксами: кіславаты(й), круглаваты(й), буравaты(й), шыракаваты(й), гадованы(й) и т. д.;

-оў после твердых и мягких согласных в весьма распространенных именах: папоў, Пятроў, пастухоў, канёў, гасьцёў и т. д.

С зубными.

С с и т:

-ас- после мягких согласных: бля́сы(й), перепля́сы(й);

-аст- в словах с увеличительным значением: гарла́сты(й), глаза́сты(й), груда́сты(й), задзіра́сты(й), зуба́сты(й), паласа́сты(й);

-ат- со следующим за ним *-ы(й)* и без него: крыла́ты(й), касма́ты(й), валаса́ты(й), пуза́ты(й), барада́ты(й); часто осложненный суффиксом *-ав-:* белава́ты(й), седава́ты(й), пранцава́ты(й);

-іст- галасі́сты(й), какаці́сты(й), бало́ці́сты(й), задзі́рысты(й);

-ск- после твердых и мягких согласных, часто вместе с другими суффиксами: дзе́даўскі(й), кава́льскі(й), ма́ткінскі(й), ба́цькавскі(й), лаке́йскі(й), па́нскі(й), пятро́ўскі(й) и т. д.;

-ім- часто осложненный суффиксом *-ав-:* сярдзі́ты(й), грашаві́ты(й), даравіты(й), башкаві́ты(й) и др.

С задненёбными.

С к и его заместителями:

-к-: го́рькі(й), сало́дкі(й), вялі́кі(й), далёкі(й), бліскі(й) и т. д.;

-ак часто после твердых и мягких согласных: бліза́к, мя́гак, лёгак, го́бряк;

-ач- в словах, произведенных от существительных, после мягких согласных: парася́чы(й), сьвіня́чы(й), дзіця́чы(й), хлапя́чы(й);

-ач- после мягких согласных в словах, произведенных от глаголов: шыпя́чы(й), гаря́чы(й);

-оч- в весьма немногих словах: дзяво́чы(й);

-уч- после твердых и мягких согласных: цяку́чы(й), бягу́чы(й), ряву́чы(й), гарю́чы(й);

-ушч- преимущественно после мягких согласных: жырню́шчы(й), зьлю́шчы(й), краснюшчы(й), тавстю́шчы(й), здаравю́шчы(й).

Образование степеней сравнения.

Сравнительная степень.

Формы сравнительной степени в Северско-белорусском говоре образуются преимущественно при помощи суффикса *-ей:* часьце́й, прасьце́й, бліжэ́й, тане́й, гусьце́й, пусьце́й, карачэ́й, кряпчэ́й, даўжэ́й, глубачэ́й, шы-

рачэ́й, лавчэ́й, луччэ́й, дзешавéй, даражэ́й, бгачэ́й, гладчэ́й, плашэ́й, маладзéй, саладзéй и саладжэ́й, худчэ́й и т. д. При безударности окончания суффикс *-ы:* шы́ры, вы́шы, ни́жы и т. д.

Сравнительно реже встречаются образования с суффиксом *-ейшы(й):* карацéйшы(й), даўжэ́йшы(й), гладчэ́йшы(й).

Примечание. Формы — глу́бжы, ні́жы, вы́шы, мя́гчы, шы́ры употребительны преимущественно в городской речи; тут же встречается и форма — сла́жы.

Вовсе не встречается в говоре повсеместно распространенное в других местах Белоруссии (акад. Е. Ф. Карский. Op. cit., т. II, в. 2, стр. 57—58) такое образование сравнительной степени, как: до́бры(й) — ле́пшы, ле́пей.

Образование *го́ршы* (хуже) известно говору, но соответствующая ему положительная степень не *благі́* (дурно́й), как в других белорусских говорах (Б. Тарашкевич. «Беларусакая граматыка для школ». 1918 г., стр. 31), а — худы́(й), злы(й). (Ср. проф. С. М. Кульбакин. «Украинский язык», стр. 68).

От слов *вялікі(й)* и *ма́лы(й)* сравнительная степень, как и в других белорусских говорах: бо́лій, бо́лі, бо́льшы; ме́ній, ме́ні, ме́н(ь)шы. (Ср. акад. Е. Ф. Карский, ib., 59).

Превосходная степень.

Превосходная степень в Северско-белорусском говоре образуется описательно: а) посредством прибавления к положительной степени наречия *крэ́пка:* крэ́пка салёны(й), крэ́пка сма́шны(й), крэ́пка хало́дны(й); иногда наречие *крэ́пка* повторяется дважды: *крэ́пка-крэ́пка*, при чем второе *крэ́пка* иногда соединяется с приставкой *пры — крэ́пка-прыкрэ́пка*. Соединение этого рода, т.-е. крэ́пка-прыкрэ́пка, часто ставится с глаголом и имеет значение *очень и очень:* крэ́пка-крэ́пка цалу́ю, крэ́пка-крэ́пка ён зазна́ўся, крэ́пка-крэ́пка бали́ць галава́, ён яе крэ́пка-крэ́пка жале́я.

б) Реже к положительной степени прибавляется наречие *ду́жа:* ду́жа бага́ты(й), дужа сі́льны(й) и

в) так же, как и в русском языке, превосходная степень образуется чрез прибавление к положительной степени *самы(й):* са́мы(й) вясе́лы(й), самы(й) бага́ты(й).

Наиболее распространенный однако способ образования превосходной степени сравнения состоит в постановке рядом положительной и превосходной степени сравнения, образованной при посредстве приставки *пры:*

вялікі(й)-прывялікі(ій), го́рькі(й)-прыго́рькі(й), сі́льны(й)-прысі́льны(й), ву́мны(й)-прыву́мны(ій) и т. д.

Кроме указанных способов образования превосходной степени, изредка встречается превосходная степень, образованная при посредстве приставок *най-* и *пря-* (пре-), присоединяемых к сравнительной и положительной: найбо́лій, найго́ршы(й), пряму́дры(ій).

О суффиксах с увеличительным значением, придающих прилагательным характер превосходной степени, смотри в отделе суффиксов.

III. Местоимения.

В местоимениях отмечу образования с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-еньк-* и *-усеньк-* от местоимений *ніштó* и *ніхтó*: нічагéнька, нічагу́сенька, нікагéнька, нікагу́сенька.

Перечень местоимений смотри в морфологии.

IV. Глагол.

Из глагольных суффиксов отмечу:

-ава-: прыказава́ць, падкідава́ць, прыду́маваць, раскі́даваць, абма́наваць и т. д.;

-ану-: стукану́ць, хватану́ць, грюкану́ць, даўбану́ць, каўхану́ць и т. д.;

-ата-: стуката́ць, грюката́ць, брязката́ць.

В говорах Новозыбковского уезда обычен суффикс *-ува:* гадува́ць, плюва́ць (наблюдения Ан. Ф. Полевого). *Плюва́ць* встречается и в Стародубском уезде.

От некоторых форм infinitiv'a весьма обычны образования с ласкательно-уменьшительными суффиксами *-кі, -ачкі, -енькі, -ечкі;* наприм.: спа́ткі, спа́тачкі, спа́ценькі, спа́цечкі, пі́цькі, пі́цечкі, пі́ценькі и т. д.

Сравни другие белорусские говоры (акад. Е. Ф. Карский. Op. cit., т. II, в. 2, стр. 79—80) и украинский язык (проф. Е. Тимченко. «Українська граматика». 1918 г., стр. 73 и St. Smal-Stockyj und Th. Gartner «Grammatik der ruthenischen Sprache». 1913, стр. 150).

Подобные формы частично встречаются и в записях М. Н. К. и А. Д. Н.: спа́цячки (М. Н. К., Росуха, 79), спа́цьки (ib., Шапочка, 65), спа́тячки (А. Д. Н., 29, 33), спа́тьки (ib., 82).

Употребление глагольных ласкательно-уменьшительных образований ограничивается преимущественно разговором взрослых с детьми.

Наречия.

Наречия в Северско-белорусском говоре представляют отчасти непроизводные слова, отчасти падежные формы именных и местоименных основ и отчасти отглагольные образования.

Приведу наиболее употребительные наречия в Северско-белорусском говоре: абыйдзе́, абыя́к, адза́ду, адра́зу, ат(д)ку́ль, ат(д)сю́ль, ат(д)тэ́ль, ат(д)се́ль и ат(д)сэ́ль, бага́та, балазе́, безканца́, бліз̀ка, бо́лі, бязпро́сыпу, ве́льмі, ве́р(ь)хі, во́чань, вы́шы, го́дзя, дага́ры, даку́ль, далу́ў, далі́, дамо́ў, дарма́, дасю́ль, датуль, дво́йчы, дзе́сь, до́бря, до́світа, ду́жа, завочна, за́відна, завсягды́, задарма́, за́ўтра, запанібра́та, за́раз, зара́ньні, за́цішна, затым, за́ўтра, зачым, зда́лека, здавна́, зма́лку, зра́нку, зра́ньня, зусім, ідзе́, і́зно́ў, іздалеку, ішче́, калі́, калі́-ні-калі́, калі́-не́будзь, кали́сь, кішма́, ко́лькі, лёжма, ле́гась, лю́ба (хорошо), ма́ла, набго́м, наве́кі, на́дта, надыс̀ь, наза́втряга, нале́ва, на́ліха, напе́ряд, напра́ва, напралёт, напярёд, наро́шна, насустрэ́ч, насьме́х, наўздаго́н, наўкула́чкі, наўцёкі, на́шча, не́калі, не́хацьцю, низа́шта, ніка́пелькі, ніко́лі, ніпро́шачкі, няма́, няма́ша, няма́шака, няма́шацька и няма́шацькі, непалюдзкі, ніско́лічки, нічко́м, но́ччы и но́ччу, няўжэ́, ня́так, няя́к, пага́на, пачалаве́ччы, пазавчо́ра, пазале́тась, паку́ль, па-латы́нскі, пама́лу, памале́ньку, памалю́сенькі, па-по́льскі, папра́ўдзі, паптушшу, папярёд, паражняко́м, паршы́ва, пасярёдку, пе́шкі, по́катам, по́начы, по́плеч, по́там и (и пато́м), ра́зам, ра́чкі, савсім, сёлета, скро́зь, спазара́нку, спе́рядзі, спра́ўды, старчма́, сюды́, суды́, сяго́ньня(і), сяк, ся́ньня(і), тады́, там, та́ма, тама́ка, та́мацькі, тама́чкі, то́лькі, туды́, тут, тута́ка, ту́тачкі, ту́танькі, тро́йчы, тро́хі, тро́шкі, туды́, тут, удаго́нку, удо́ўж, удо́ўжкі, узімку, уле́тку, улёжку, упацёмках, упе́ряд, упрыгля́дку, упярёд, упры́цемкі, ура́нцы, усю́ды, учара́, учо́ра, усярёдку, хо́дарам, ху́тка, цяпе́рь, чаго́, чаму́, ча́сам, як, я́кас и ряд других.

Сравнительно с другими белорусскими говорами, Северско-белорусский говор отличается отсутствием ряда наречий, таковы, например:

1) наречия с суффиксами -удою или -удэю: кудо́ю, тудо́ю, сюдо́ю, тудэ́ю, сюдэ́ю;

2) с суффиксом -дых или -ых (-ах): усю́дых, атусю́дых, учо́рых, учо́рах;

3) такие уменьшительно-ласкательные, как—усю́духны, нікалю́сенькі;

4) такие, как—пе́рш-на́-перш, пэ́ўне, по́дню, го́матна, сяге́начы и ряд других. (Ср. акад. Е. Ф. Карский. Op. cit., т. II, в. 2, стр. 82—89).

Наречие *мно́га*, очень распространенное, по словам акад. Е. Ф. Карского (Op. cit., т. II, в. 2, стр. 58), в Белоруссии, вовсе не встречается в говоре; употребительно оно лишь в городах под великорусским влиянием; в соответствии *мно́га* в говоре употребляется исключительно наречие *бага́та*.

В словаре Новозыбковского уезда Ан. Ф. Полевым указаны, между прочим, наречия: ве́льмы, дашчэ́нту, шпа́рка и шчы́ра.

О предлогах и союзах см. в отделе «Главнейшие синтактические явления».

Приставки.

Из образования слов при посредстве приставок отмечу образование глагольных форм при посредстве приставки *па-*, соединяющейся с другими, следующими за ней приставками: *-за-*, *-з-*, *-вы-*, *-на-*, *-навы-*, *-над-*, *-наз-*, *-па-*, *-пад-*, *-пана-*, *-перэ-*, *-пры-*, *-раз-*, например: пазакладаў, пазапраўляў, пазгніло́, павы́кінуў, павы́насіў, панакладаў, панатаскаў, панавынбсілі, панавывбзілі, панадбіваў, панадкусаваў, наназьбіраў, паназгрябаў, папабіў, папагры́зьлі, пападніма́ў, пападле́зьлі, папанакла́давалі, папанабіва́лі, паперэбіваў, паперэгрызаў, папрынбсілі, папрывбзілі, паразста́ўлаў, паразкладаў, паразсыпа́ў и т. д.

Сравни украинский язык: О. Синявский. Op. cit., 64; проф. Е. Тимченко. Op. cit., 80.

МОРФОЛОГИЯ.

Склонение имен существительных мужеского рода.

Склонение имен существительных мужеского рода обнимает старые основы мужеского рода на *ŏ* твердой и мягкой разновидности, основы на *ŭ*, *ĭ*, *n* и частично основы на *t* среднего рода, перешедшие путем соответствующих изменений в мужеский род.

Основы на *ŭ*, за исключением некоторых падежей, утратили старые формы склонения и следуют склонению основ на *ŏ* в современном его состоянии; основы на *ĭ* и *n* всецело перешли с соответствующими изменениями в склонение основ на *ŏ*, при чем некоторые слова мягкой разновидности с основой на губные, вследствие отвердения конечных губных, перешли в твердую разновидность.

Наконец, основы на *t*, принимая суффикс *-ak*, склоняются, как основы на *ŏ*.

Таким образом, все эти имена представляют одно склонение имен существительных мужеского рода, в котором приходится различать лишь две

разновидности: а) склонение имен существительных мужеского рода с современной основой на твердый согласный звук и б) склонение имен существительных мужеского рода с современной основой на мягкий согласный звук. В сущности же лишь в некоторых падежах мягкие основы отличаются по окончанию от твердых. В силу этого обе разновидности, твердая и мягкая, будут рассмотрены здесь вместе и лишь там, где меж ними есть различие, будет сказано отдельно о падежных окончаниях твердой и мягкой разновидности.

Родительный падеж.

При господствующих формах с окончанием *а* широкое распространение имеют формы на *у* (влияние основ на й). Только от названий живых существ родительный падеж не принимает окончания *у*, от имен же других категорий он может принимать его.

Такого рода формы однако не отличаются устойчивостью: вещественные и собирательные имена, односложные и многосложные слова независимо от места, подвижности или неподвижности их ударения могут принимать в родительном падеже окончание *а* или *у*, при чем у одного и того же лица наблюдается колебание между формами на *у* и на *а*.

Записи М. Н. Косич и А. Д. Нечаева, правда, не представляют здесь обильных примеров.

Примеры.

Мглинский уезд, М. Н. К.: с пирявýлачку (Жуково, 75), с цирямбчку (ib., 76), марбзу (Кожемяки, 83), пахбду (ib., 83), кала тыну (Росуха, 35), краю́ (ib., 49), сáду (ib., 51), крáю (Яблонка, 25).

Стародубский уезд: лéсаньку (Верканька, 43), лéсу (ib., 43), изпад сáдзику (ib., 43), кала гáю (Жигалки, 60), сьвéту (Михайловск, 50), жáру (Невзорово, 104), агню́ (ib.), из цéрему (Семешково, 18, но тут же и — из цéрема), цвéту (Погар, 108).

Новозыбковский уезд: гбласу (Манюки, 83), биряжкý (ib., 91), пирявбзу (ib., 92).

В записях А. Д. Н.: 18), тéриму (Гарцево, 21), пахбду (ib., 39), з гбраду (ib., 60), сáданьку (Абаринки, 63), да шинкý (ib., 77), сы правýлачку (ib., 88), рукавбчку (ib., 90), ярмалку (ib., 91).

В ответе на Академ. великорус. программу № 282: из гбраду з Трубчéвську, з Бряньську, з базáру, з вýгалку (§ 151).

В ответе на такую же белорусскую программу № 6 приводятся преимущественно вещественные имена с окончанием *у*, но также и форма—звбну.

Почти от всех этих имен возможны однако в говоре и формы на *а*.

В словах мягкой разновидности окончание *у* встречается несколько реже, напр.: дзе́гцю, кле́ю, нако́ю, бо́ю, ча́ю, ро́ю, карава́ю, малача́ю, хме́лю, ло́ю, но — ща́вля, агня́, пня́, ко́рня, ло́кця, но́гця, ячме́ня и друг. Возможны здесь однако и формы на *а*.

Сравни другие белорусские говоры (акад. Е. Ф. Карский. Op. cit., т. II, в. 2, стр. 161—164).

Дательный падеж.

Дательный падеж у обеих разновидностей имеет только формы на *у*.

Примечание. Встречающаяся в записях М. Н. К. форма *дру́зи* (Кожемяки, 67) не может приниматься во внимание: происхождение ее — требование рифмы: «и свёкру й свякру́си и ня лю́баму дру́зи».

То же и в других белорусских говорах, за исключением югозападных диалектов (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 164—166).

Местный падеж.

Местный падеж имеет в твердой разновидности 1) *е* под ударением и *і* при безударности и 2) *у* (из основ на *й*).

В мягкой разновидности, а также и у слов с отвердевшими согласными те же окончания, что и в твердой, с тем лишь отличием, что и при ударении на окончании нередки местные падежи на *і*: у карабля́, на кані́, на канцы́, на нажы́, но также и — на каню́, на нажу́.

Иначе в других белорусских говорах, где в мягкой разновидности обыкновенно *і*. (См. акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 175—176).

Установить, при каких условиях местный падеж принимает *у* и при каких *е/і*, повидимому, не представляется возможным. Некоторая закономерность наблюдается в положении после предлога *на* (по), где всегда *у*, при чем *у* имеют и односложные в именит. падеже слова; после других предлогов при ударении на окончании местный падеж у односложных обыкновенно имеет *у*, а при ударении на основе — *і*.

Примеры.

Мглинский уезд:

У са́дзи (Бородинка, М. Н. К., 34, 100; Жуково, ib., 71);

у ле́си (Росуха, М. Н. К., 62; Мглин, ib., 112);

у лу́зи (Кожемяки, М. Н. К., 68; Мглин, ib., 112) и т. д.

Стародубский уезд:

ў са́ди (Абаринки, А. Д. Н., 81; Гарцево, ib., 17, 25, 33; Ильбово, ib., 100, 102; Лупеки, М. Н. К., 16, 51; Погар, ib., 109; Семешково, А. Д. Н., 114);

у ле́си (Абаринки, А. Д. Н., 72; Гарцево, ib. 19; Лупеки, М. Н. К., 72);

у лу́зи (Лупеки, М. Н. К., 72), но—пры шляху́ (Шапочка, М. Н. К., 65); на сырбм дубу́ (Абаринки, А. Д. Н., 72); ў стяпу́ (Гарцево, А. Д. Н., 58); у даму́ (г. Мглин, М. Н. К., 112; Невзорово, ib., 72; г. Погар, ib., 108); у тваём двару́ (Семешково, А. Д. Н., 117).

С своей стороны, могу привести: на во́зі и на вазу́, на ве́рсі и на вярху́, на но́сі и на насу́, на ду́бі и на дубу́ и т. д. в зависимости от ударяемости и безударности окончания.

В отдельных однако случаях употребительна и та и другая форма и при ударении на ней: на *даждж'у́* и на *даждж'э́*.

У неодносложных не наблюдается зависимости окончания местного падежа единственного числа от ударяемости и безударности его. В записях М. Н. Косич и А. Д. Нечаева в том и другом случае также *у*.

Примеры.

Мглинский уезд: М. Н. К.: на пяску́ (Бородинка, 18), у са́дзику (Кожемяки, 87), у мяшку́ (Яблонка, 24), на ве́ничку (ib., 31).

Стародубский уезд: у вянку́ (Гарцево, 39), на ку́сьцику (Лупеки, 25), на пяску́ (Новоселки, 26), па ляс'ку́ (ib.), на ры́начку (Погар, 109).

В записях А. Д. Н.: нажо́ўтам пяску́ (Гарцево, 56), на захо́ду (ib., 58), ў гаршку́ (Абаринки, 84), на плато́чку (ib., 93), па свайму́ ба́тьку (ib., 96), па том бру́сьсю (Ильбово, 106).

В ответе на Академ. программу № 282: у пяску́, на дячку́, на дяви́чнику, на шляху́, на сто́лику, на стагу́ (§ 151).

В ответе на такую же программу № 269: при атцу́, в песку́.

В статье Ан. Ф. Полевого: у ву́ху, у Бря́ньську и др.

Но почти от всех приведенных здесь слов употреблены и местные падежи с окончанием *е*.

Слова с подвижным ударением и в положении после предлогов *у* (в) и *на* не имеют обязательно *у* в местном падеже единственного числа и представляют колебание.

Звательный падеж.

В современной разговорной речи не встречается форм звательного падежа, несходных с именительным. Звательный падеж по форме обыкновенно совпадает с именительным; лишь от отдельных слов сохраняются

особые, отличные от именительного падежа формы звательного; такова, напр., весьма распространенная форма *бра́ціку:* «не, бра́ціку мой, ня вбзьмеш».

Примечание. В песнях, записанных М. Н. Косич и А. Д. Нечаевым, нередки звательные падежи с окончанием *у* и *е* (с соответствующим фонетическим изменением последнего) в твердой разновидности и *у* в мягкой.

Примеры.

Мглинский уезд, М. Н. К.: сы́нку (Кожемяки, 83; Водвинка, 20), бо́жа (Горяны, 15; Росуха, 99; Шапочка, 71), бра́цику (ib.), чалаве́ча (ib., 98).

Стародубский уезд: прапбю (Абаринки, А. Д. Н., 82; Ильбово, ib., 105), ду́бу (Берновичи, М. Н. К., 85), карава́ю (Гарцево, А. Д. Н., 18; Росуха, М. Н. К., 16), сы́нку (Гарцево, А. Д. Н. 20, 40, 46), каза́че (ib., 54), бо́жа (ib., М. Н. К., 37; Лупеки, М. Н. К., 25), ме́сячку (Новоселки, М. Н. К., 25), по́пя Гарде́ю (Семешково, А. Д. Н., 114), по́пя Гардзе́ю (Росуха, М. Н. К., 21).

Новозыбковский уезд: сако́лику (Манюки, 92).

Отдельные слова.

Слова *рот* и *нос* имеют местные падежи: у ро́ці и у но́сі.

Примечание 1. Слово *рот* во всех косвенных падежах единственного числа сохраняет, по аналогии с именительным падежом единственного числа, *о* из слабого *ъ*: рот, ро́та, ро́ту, ро́там; в Стародубе весьма употребительно выражение «ро́там и но́сам хапа́юсь» в значении: «беру во все тяжкие, очень тороплюсь с какой-нибудь работой».

Примечание 2. В записях А. Д. Нечаева из села Семешкова встречается местный падеж «ле́ся» (ў тёмнам ле́ся, 117). Ни в других источниках, ни лично мне подобные формы не встречались. (Сравн. аналогичные образования в белорусских местностях, соседних с южновеликорусскими. Акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 176).

Слово *пуць,* перешедшее сюда из основ на *і* краткое, сохраняет в местном падеже старое окончание *і:* при пуці́ (Кожемяки, М. Н. К., 67) иногда, впрочем, встречается и — пры пуце́.

В обиходном языке слово *пуць* почти не встречается и выте-

снено словом *дарóга*; только родительный и творительный падежи единственного числа сохраняются в переносном значении в выражениях: «ня бýдзя з яго пуця́»; «пуцём не раз(с)ка́жа» (не расскажет, как следует).

К твердой разновидности этого склонения принадлежат и слова: пали́н (=полынь) и пыл (=пыль), перешедшие сюда, вследствие отвердения конечного согласного звука.

Множественное число.

Именительный падеж.

В *твердой разновидности* формы именительного падежа со старым окончанием основ на *ŏ* исчерпываются современными основами на задненебный согласный и словами: *сусéдзі*, *нéхрысці* и *чэ́рці*, переходящими во множ. числе в мягкую разновидность, при чем последнее слово (чэ́рці) употребляется в именительном падеже мн. числа с окончанием старого винительного падежа, т.-е. с *ы* и с ударением на нем: *чарты́*, но, повидимому, лишь в выражении: «чарты́ яго ба́цьку зна́юць». Сюда же следует отнести и форму именительного падежа множественного числа *а́нгали* (Гарцево, А. Д. Н., 19; Росуха, М. Н. К., 17) и также *я́нгалі* и *я́нгулі*, при чем основа его (с точки зрения современного языка) представляет колебание между твердой и мягкой разновидностью: с одной стороны именит. пад. единств. ч. — я́нгуль, а с другой — а́нгел; родит. пад. — я́нгела и я́нгуля и т. д.; то же и во множ. числе.

Окончание *і* (на месте старого *е* из основ на согласный) имеют слова с суффиксами *-ін* и *-цель*: мя́щані, дваря́ні, крясьця́ні, радзіцелі и подобные им.

Под влиянием таких образований исключительно употребляется и форма — цыга́ні (имен. ед. числа цы́ган).

Во всех других случаях именит. падеж множ. числа имеет окончание старого винительного падежа основ на *ŏ*.

Формы именит. пад. мн. ч. на *а* вовсе не встречаются.

Примеры: старажы́ (Абаринки, А. Д. Н., 94), лясы́ (М. Н. К., Жигалки, 36; Гарцево, А. Д. Н., 51) и т. д.

В ответе на Академич. великорус. программу № 282: дамы́, паясы́, рукавы́, во́бразы, гла́зы, пи́сари, дахтары́, браты́ (§ 152).

То же и в ответе на такую же программу № 269, в записях М. В. Ушакова, в статье Ан. Ф. Полевого, в ответе Л. Гр. Самосадного и в ответе на программу Московск. Диалект. Ком. 91 (§ 40). В ответе на

программу Моск. Диал. Ком. № 91 отмечено также, что «именительн. падеж множ. числа на *а* от имен муж. рода не употребляется».

В *мягкой разновидности* только формы на *і*.

Родительный падеж.

В *твердой разновидности* почти исключительное употребление имеют формы родит. падежа с окончанием старых основ на *й*, с фонетическим изменением его в *оў* и с соответствующим изменением при безударности звука *о*.

Родительные падежи, восходящие к соответствующей форме основ на *ŏ*, т.-е. родит. падежи бессуффиксные, крайне редки. Они образуются исключительно от старых основ на согласный во множ. числе: мяшча́н(ь), крясьця́н(ь) и т. п. и цыга́нь, а также иногда и от некоторых отдельных слов, напр.: вало́с, аршы́н, салда́т и некоторых других.

В записях М. Н. Косич встречается также — ро́крут (Вдовинка, 84).

В ответе на Академ. белорус. програм. № 6 отмечено также: арши́нав, салда́тав, глазо́в, рого́в, чалаве́кав, дру́гав (§ 83).

Примечание. В ответе на Академич. великорус. програм. № 282 отмечены формы род. пад. множ. ч.: мишша́нь, дваря́нь, цыга́нь и цыга́ний (§ 152).

В ответе на такую же програм. № 269 также — меща́нь, дворя́нь (§ 152).[1]

То же и в ответе на такую же белорус. програм. № 6: мишшань.

Некоторые слова имеют родит. падеж множ. числа с тем и другим окончанием: няма́ рагбу́ и — бяз ро́г; пяць раз и — разбу́ пяць (в первом случае после числительного).

В *мягкой разновидности* и у слов с основой на отвердевшие согласные также господствует окончание *оў*, напр.: рублёв (Невзорово, М. Н. К., 90), зяцёў (ib., 90), дзивярёў (Росуха, М. Н. К., 51), гвазьдзёў, днёў и т. д. От последнего слова в сочетании его с числительным употребительна и форма *дзён*: пяць, шэсць дзён.

На ряду с *оў* довольно часто встречается окончание основ на *ъ*. От некоторых имен оно наиболее или исключительно употребительно, напр.: канёй и ко́ній, дажджэ́й, мячэ́й и др.

Примечание. В говоре г. Стародуба родит. падеж. множ. числа от слова *кама́рь* (комар) исключительно (если не парализуется книжным

[1] Примеры подчеркнуты в тексте программы с удержанием орфографии.

влиянием) *камарэ́й;* в других падежах единственного и множественного числа это слово также принадлежит к мягкой разновидности.

Слово *гро́шы* с отвердевшим согласным современной основы имеет родит. падеж множ. числа с окончанием основ на ĭ: гро́шый, иногда также и — гро́шы (без *й*).

Другие слова с отвердевшим согласным представляют колебание между окончанием *й* и ĭ основ: ключо́ў (М. Н. К., Бородинка, 87), но и ключэ́й, нажо́ў и нажэ́й, галубо́ў (М. Н. К., Жуково, 100) и галубе́й. Последнее и в других падежах множ. числа представляет то же явление: галуба́м, галуба́мы, галуба́х и — галубя́м, галубя́мі, галубя́х при строго проведенной в единств. числе твердой разновидности: го́луба, го́лубу, го́лубам.

Колебание между окончаниями *й* и *ŭ* основ замечается и в словах мягкой разновидности: рубле́й и рублёў, вугле́й и вуглёў (рядом с собирательной формой — вуга́льляв).

Единичный, повидимому, случай образования родит. падежа по образцу основ на ŏ представляет слово *сусе́дзі*, перешедшее во множ. числе в мягкую разновидность (о чем смотри выше): род. падеж *сусе́дзь* на ряду с обычной формой *сусе́дзяй*. Косвенное указание на нее дает и встречающаяся в записях М. Н. Косич аналогичная форма винительного падежа: «Яго ма́ци старе́нькая пла́ча и уздыха́я сусе́дзь праклина́я» (Берновичи, 85).

Дательный падеж.

У слов обеих разновидностей только окончание *ā* основ, т.-е. *-ам*. Дательные падежи с окончанием *-ом*, встречающиеся в отдельных белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 196), вовсе не известны.

Винительный падеж.

Винительный падеж представляет сходство с родительным или с именительным падежом в зависимости от «одушевленности» или «неодушевленности» предмета, означенного тем или иным словом.

Винительных падежей с другими окончаниями, известных в других белорусских говорах, не встречается (акад. Е. Ф. Карский. Op. cit., т. II, в. 2, стр. 198—199).

Творительный падеж.

Творительный падеж в твердой и мягкой разновидности имеет только окончание основ на *ā* с *ы* на месте старого *и*, т.-е. *амы*.

Примеры в записях М. Н. Косич.

Мглинский уезд: каўра́мы (Бородинка, 35), агня́мы (ib., 89), караб-ля́мы (ib., 89), махра́мы (Водвинка, 14), гаплика́мы (ib., 14), з баярамы (ib., 20), дажджа́мы (Кожемяки, 67), луга́мы (ib., 68), биряга́мы (ib., 68), вугла́мы ((ib., 96), дажджа́мы (Росуха, 74), мароза́мы (ib., 74), каня́мы (ib., 84), хрэста́мы (ib., 90), кулака́мы (ib., 101), пяска́мы (Яблонка, 29), ляска́мы (ib., 29).

Стародубский уезд: бара́мы (Бёрновичи, 85), някрута́мы (ib.), биряжка́мы (Далматово, 42), дажджа́мы (Лупеки, 22), сухаря́мы (Невзорово, 104), варага́мы (Платково, 81), кавра́мы (Погар, 108), мяда́мы (ib.), стага́мы (ib.), караба́мы (ib.), пираго́мы (ib.), чабата́мы (Семешково, 14).

Новозыбковский уезд: дуба́мы (М. Н. К., Манюки, 83).

В записях А. Д. Нечаева: уббрамы (Гарцево, 18), зуба́мы (ib., 28), врага́мы (ib., 42), силязня́мы (Ильбово, 110) и т. д.

То же и в записях М. В. Ушакова.

В ответе на Академ. програм. № 282 из Трубчевск. уезда отмечено только окончание -*амі* (§ 155).

Ан. Ф. Полевой отмечает в Новозыбковском уезде формы творит. падежа с окончаниями: -*ам*, -*амі* и -*амы*.

Формы с окончанием -*ам*, по определению А. Ф. Полевого, слышатся в следующих селениях: в Лобановке, Могилевцах, Брахлове, Шамовке, Чолхове, Черноокове, Истопках, Бабках, Плавне, Курознове, Старом Ропске, Крапивном и Гетманской Буде.[1]

Формы с -*амі* отмечены им: в Новом Ропске, Барках, Б. и М. Щербиничах, Шумиловке, Денисковичах, Спиридоновой Буде, Кирилловке, Каменском хуторе, Хоромном, Хотеевке, Янжуловке и Карпиловке.

Формы с -*амы:* в Сачковичах, Рудне, Каменке, Пруске, Киваях, Кневичах, Большой Топали, Каташине, Гулевке, Рубежном, Лакомой Буде, Б. и М. Кривце, Хохловке, Побожеевке, Данченковой Слободе, Рыловичах, Манюках, Скоробогатой Слободе, Тростани и Замишеве.

Примечание. Примеры у Ан. Ф. Полевого с -*ам*, -*амі* и -*амы* не только от слов мужеского, но и женского и среднего рода.

В мягкой разновидности изредка встречаются формы твориг. падежа с окончанием -*мі* основ на *ĭ*; например: ко́ньмі таргу́я; грашмі бря́зкая.

---

[1] Ан. Ф. Полевым названы еще здесь: Азаричи, Серовка, Кожановка и Барановка, входившие в Гомельский уезд б. Могилевской губернии.

Большее распространение подобные формы имеют в других говорах белорусского языка. (Ср. акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 202—203).

Местный падеж.

Местный падеж такого же образования, как и творительный, т.-е. только с окончанием *-ах* основ на *ā*.

Обычных в других белорусских говорах местных падежей с окончанием *-ох* под ударением в говоре не имеется.

Примечание. **Звательный падеж.** Оригинальная песенная форма звательного падежа, при отсутствии такой формы в имен. пад. множ. числа, встречается в щедровной песне, записанной М. Н. Косич в г. Погаре: «Добрый вечар, мосьця панове!» (стр. 108).

Слова, восходящие к основам на *n* и *t*.

Слова муж. рода, восходящие к старым основам на *n*, сконяются, как имена мягкой разновидности основ на *ŏ* мужеского рода, напр.: ка́мень, ко́рень и т. д.

К словам мужеского рода, как уже отмечено, принадлежат частично и слова, восходящие к старым основам на *t* среднего рода. Кроме слова *дзіця́*, принадлежащего к склонению имен среднего рода (о чем ниже), старые основы подверглись измснению и осложнились суффиксом *-ак* (-ок), напр.: цялёнак, ваўчбнак, парасёнак, гусёнак, вуцёнак и т. д. и вытеснили старые формы, восходящие к—тела, пороса, гуса и т. д. Сохранились они лишь частично (о чем в склонении имен среднего рода). Новые образования на *-ак* всецело следуют склонению имен мужеского рода, отчасти сохраняя *-ак* и во множ. числе: цялёнак, цялёнка, цялёнку и т. д., множ. число: цялёнкі, цялёнкаў, цялёнкам и т. д.; чаще однако встречаются формы множ. числа от старой основы на *t* с современными окончаниями имен муж. и средн. рода на *ŏ*: вуця́ты, вуця́т, вупя́там, вуця́т, вуця́тамы, вуця́тах, парася́ты, цяля́ты, шчаня́ты, цыпля́ты и т. д., лишь некоторые слова почти исключительно образуют формы множ. числа от основы с суффиксом *-ак*, напр.: чарцёнкі, мышбнкі и т. д. Часты также в единствен. и множ. числе образования от этих слов с усложненным суффиксом *-анёнак* (-янёнок): чарцянёнак (иногда рядом с чарцёнак), мышанёнак, мышанёнкі, но—чарцёнкі. Нередки также во множ. числе образования от них с суффиксами *-аня́т-* (-янят-): мышаня́ты, папаня́ты (единствен. ч. папянбк и папёнак, во множ. числе приходилось слышать также — папёнкі и папянкі), чарцаня́ты.

Иначе в других белорусских говорах (см. акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 247); сравни великорусские говоры.

На ряду со словом *дзіця́* весьма часты и, пожалуй, более употребительны такие же образования с *-ак*: дзіцёнак, р. дзіцёнка, д. дзіцёнку, в. дзіцёнка, тв. дзіцёнкам, м. дзіцёнкі(е). Множ. же число имеет только следующие образования: им. дзе́ці, р. дзяцёй, д. дзяця́м, в. дзяцёй, тв. дзяця́мы, м. дзяця́х. Форма творит. пад. множ. числа *дитя́мы* встречается и в записях А. Д. Нечаева (Абаринки, 85).

О некоторых другит явлениях в склонении имен, восходящих к старым основам на *t*, смотри в склонении слов среднего рода.

Собственные имена на *о* и уменьшительные.

Собственные имена с окончанием на *о*: Пятро́, Павло́ и т. д. с ударением на нем принадлежат к склонению имен мужеского рода; при неударяемости же *о* и соответствующем изменении его склоняются как имена женского рода: Гавры́ла, Дані́ла, Ляксáндра, Мáрка; р. п. Гавры́лы, Дані́лы, Ляксáндры и т. д.

Уменьшительные имена на *-ка* представляют в склонении колебание между основами на *ŏ* и на *ā*, т.-е. между словами мужеск. и женск. рода.

Примеры.

Аднагó Ивáничка (Погар, М. Н. К., 108), к бáтюшку (Гарцево, А. Д. Н., 49; Ильбово, ib., 102, 108), к бáтьку (Абаринки, А. Д. Н., 80, 87, 95), свайму́ Андрэ́ячку (Бородинка, М. Н. К., 15), з бáцькам (М. Н. К., Жигалки, 66). Вáнячкам (А. Д. Н., Семешково, 115), а с другой — дитя́тки, дитя́тку (вин. ед., А. Д. Н., Абаринки, 69), салавéйку (Водвинка, М. Н. К. 97; Михайловск, ib., 50), к майму бáтюшки (Ильбово, А. Д. Н., 108), сьвёкарьку (вин. ед., А. Д. Н., Гарцево, 22), силязéньку (вин. ед., М. Н. К., Лупеки, 26).

Собирательные имена.

Собирательные имена с ударением на окончании — вараньнё, мужыччо и др. переходят в средний род и склоняются только в единственном числе, не образуя форм множ. числа: вараньнё, вараньня́, вараньню́, вараньнём, вараньнё и т. д.

Имена же с ударением на основе, напр.: бру́сься, зе́льля, каме́ньня, стру́чча, ко́льля, кло́чча, пру́цьця, кліньня, пало́зьзя, карэ́ньня, ласку́цьця, вало́сься и др. имеют формы единств. и множ. числа, при чем имен. падеж множ. числа имеет окончание *i*: бру́сьсі, карэ́ньні, пало́зьзі и т. д., а родит.

множ. ч. принимает окончание основ на *й*: — бру́сьсяў, карэ́ньняў, пало́зьзяў и т. д. Несколько иначе в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 149).

Примечание. Собирательные имена от слов: сын, кум, зяць, брат, шу́рын в говоре не встречаются. Формы имен. пад. множ. числа: сыны́, кумы́, зяці́, браты́, шу́рыны. То же и в ответе на Акад. в.-р. програм. № 282.

Средний род.

Слова среднего рода в говоре обнимают: 1) старые основы на *ŏ* твердой и мягкой разновидности, 2) старые основы на *s*, совпавшие в формах склонения с основами на *ŏ*, 3) старые основы на *n* и 4) частично старые основы на *t*.

Слова, восходящие к старым основам на *ŏ* в твердой в мягкой разновидности и на *s*, в именительн. и винительн. падежах единственного числа при безударности окончания, вследствие указанных уже фонетических причин, совпадают с такими же безударными формами именительного падежа имен женского рода на *a*, а в остальных падежах единственного числа имеют те же окончания, что и имена мужеского рода, с тем лишь отличием, что 1) винит. пад. = именит., 2) род. падеж никогда не принимает окончания *у* и 3) более редки такие же (т.-е. с *у*) местные падежи. Лишь после предлога *па* (по) они, как и в словах муж. рода, употребляются исключительно.

Во множ. числе именит. и винит. падежи в твердой разновидности и в словах с отвердевшими согласными (кальцо́, во́гніща) имеют только *ы* или *і* у слов с основой на задненебный согласный.

Примеры.

Вако́шки (М. Н. К., Водвинка, 19), лы́ки (ib., 47, Росуха), пи́сьмы (А. Д. Н., Гарцево, 28), во́зиры (ib., 51), бало́ты, карыты, зёрны, гу́мны, во́кны, пало́тны, сёдлы, сёлы, яйцы, гнёзды, пя́тны, вёдры, во́блакі, калёсы, стёклы и т. д.

Таковы же и формы винительного падежа.

Примеры.

Пало́тны (М. Н. К., Росуха, 101), вёслы (Погар, 107), вёдры (А. Д. Н., Гарцево, 49), варо́ты (М. Н. К., Бородинка, 18; Жигальки, 60; Погар, 109) и т. д.

В ответе на Академич. великорус. программу № 282: варо́ты, бало́ты, брёвны, вёслы, дро́вы, стёклы и т. д. (§ 166).

В такой же программе № 269 приблизительно те же примеры (§ 166).

В такой же белорусской программе № 6: варо́ты, сёлы, во́кны, ко́льцы, калёсы, я́йцы, сёдлы и т. д.

Примечание. В записях М. Н. К. и А. Д. Н. в песнях встречаются также формы имен.-винит. пад. множ. числа *ле́та* (должно быть под церковным влиянием).

Примеры.

М. Н. К.: Новые Ивайтенки, 64; Жигалки, 60; Росуха, 99; в последнем случае (т.-е. Росуха, 99), *ле́та* рифмуется со словом *се́та,* введенным в стих вместо *сеяно* для рифмы: «Се́та, се́та на но́ва ле́та». У А. Д. Н. форма *лета* с *т* мягким: «Маé ле́тя малады́я, тяпе́рь й мне пагуля́ть» (Абаринки, 67).

Едва ли однако в формах на *а* можно видеть образования живой, народной речи; в частности, форма *лета* в значении года мало употребительна и, кажется, ограничивается песнями, при чем в одной, известной мне вертепной песне (поется в г. Стародубе) — ле́ты: «Пашлí ле́ты пчаслі́выя сяму́ до́му гаспаді́ну».

Pluralia tantum также имеет только *ы*, наприм.: варо́ты, дро́вы и т. д., хотя у А. Д. Н. встречается и *варата́* (Гарцево, 33, 35, 39, 45, 52; Ильбово, 111); то же изредка и у М. Н. К. (Лупеки, 102; Погар, 111).

В мягкой разновидности имен. и винит. падежи имеют *а* и при безударности *і*, напр.: паля́, маря́, пла́цьці, име́ньні и т. д.

Примечание. В ответе на Академич. великорусскую программу № 282 отмечен имен. пад. множ. числа — мо́ри (§ 166).

Родительный падеж множ. числа.

В твердой разновидности исключительное употребление имеют формы старых основ на *о:* вако́н, вако́шак, варо́т, вазёр, я́блак, во́блак, мест, сёл и т. д.; родительный падеж на *-оў* реже встречается.

Лишь в ответе на Академич. великорус. програм. № 282 из Трубчевского уезда отмечены род. падежи: дяло́в, акно́в, място́в (§ 167).

То же и в белорусск. програм. № 6: пи́сьмав, во́кнав, пало́тнав.

Слово *плячо́* с отвердевшим согласным представляет, подобно аналогичным именам мужеского рода, колебание между окончанием основ на *о* и на *ъ:* плéч и плячэ́й.

Мягкая разновидность, наоборот, имеет окончания только основ на *ъ:* пале́й, марэ́й и т. д. и отчасти основ на *ь:* пла́цьцяў, име́ньняў и т. д.

Дательный, творит. и местный падежи.

Дательный, творит. и местный падежи имеют те же окончания, что и в муж. роде.

Слова, восходящие к основам на *s*, *n* и *t*.

Слова, восходящие к именам со старой основой на *s* ,как уже отмечено, совпали с основами на *ŏ*. Лишь формы *небясá* и *чудясá* сохраняют старый суффикс *es,* но они, особенно *небясá,* крайне редки: косвенные падежи от них вовсе не употребительны. Оба слова, как и другие слова этой основы, перешли в склонение основ на *ŏ*. Суффикс *s* сохраняется также и в слове *калёсы* (телега). Имен. пад. ед. числа *кóла* говор не знает, но общеупотребительно производное от него *падкóл* (напр., па-пад клóью, М. Н. К., Лупеки, 72).

Примечание. В записях М. Н. К. (Погар, 108) в щедровной песне встречается форма местного падежа ед. числа *на нибясы́* («Славен ясы́, наш ми́лый бóжа, на нибясы́»), но она не употребительна в разговорной речи, и из приведенного стиха ясно ее церковное происхождение.

Старые основы на *n* перешли в единств. числе в мягкую разновидность основ среднего рода на *ŏ* и не принимают суффикса *ен* (ср. акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 245—246); наприм.: і́мя, урэ́мя, се́мя, бярэ́мя; дат. п. і́мю, урэ́мю, се́мю; тв. п. і́мем, урэ́мем, се́мем; мест. п. аб і́мю, аб се́мю, па і́мю, па ўрэ́мю, па се́мю. Формы множ. числа почти неупотребительны; лишь от слов *урэ́мя* и *се́мя* употребительно *урэмяна́* и *семяна́*. От слова *і́мя* можно иногда слышать родительный падеж *і́мяў* и твор. пад. *і́мямі*. Вместо *і́мя* в имен. пад. единств. числа обычна и форма *і́мё,* род. п. *і́м'я́*. В записях М. Н. К. (Гриденки, 54) встречается *им'ё.*

Основы на *t* (среднего рода) в единств. числе почти вытеснены образованиями с суффиксом *ак* (ок), переводящим их в мужеский род (о чем см. выше).

Сохраняется лишь от некоторых слов старая, с соответствующим изменением форма имен. падежа един. числа средн. рода: дзіця́, пара́ся, щаня́, вуця́, цяля́; но и они, кроме формы *дзіця́*, довольно редки и употребляются главным образом в определенных выражениях, напр.: «щаня́ такóе» — в применении к малорослому ребенку, «парася́» — в применении к грязному, неопрятному ребенку, «цяля́ такóе» — в характеристике малоразвитого и непонятливого ребенка и даже взрослого человека. *Цяля́* наиболее употребительно в значении звательного падежа, а также в окрике: «цяля́, пашла́!»;

в оклике, в обращении употребительно и образование *вуць* и *вýці* («вуць, вуць!» и «вýці, вýці!» зовут обыкновенно уток).

В записях М. Н. К. (Жуково, 74) и А. Д. Н. (Ильбово, 98) встречается нередкая и в разговорчивой речи форма *вуця́мы* — образование по аналогии с формой *гуся́мы*. Обычны также и формы дат. падежа множ. числа *вуця́м*.

Форма имен. пад. единств. числа *дзіця́* часто употребляется, но формы косвенных падежей в разговорной речи неупотребительны и вытеснены соответствующими образованиями с суффиксом *-ёнак* (-ёнок), переводящим слово в мужеск. род. — дзіцёнак, дзіцёнка, дзіцёнку и т. д. (См. выше в склонении имен муж. рода).

Примечание. В записях М. Н. К. и А. Д. Н., кроме именит. падежа, встречаются и формы косвенных падежей:

дательный падеж единств. числа: дзіця́ці (М. Н. К., Росуха, 17; Водвинка, ib., 19);

местный падеж: дзіця́ці (М. Н. К., Кожемяки, 66, 67; также и у А. Д. Н., Гарцево, 18).

У М. Н. К. (Росуха, 22, Водвинка, 19) встречается и *винительный* падеж единств. числа с окончанием основ на *ā* — дзіця́цю.

Имена женского рода.

Слова женского рода обнимают: 1) старые основы на *ā* твердой и мягкой разновидности, 2) старые основы на *ĭ*, 3) старые основы на *ū* и 4) старые основы на *r*. Основы на *ū* и *r* подверглись значительным изменениям и приняли окончания основ на *ā*. Основы на *ā* и *ĭ* отчасти сохранили старые (с соответствующими изменениями) окончания, отчасти представляют следующие явления.

А. Основы на *ā*.

Основы на *ā* представляют незначительное отклонение от старых форм в окончаниях дательн., твор. и местного падежей един. числа имен твердой и мягкой разновидности (винит. един. числа, разумеется, имеет общерусское окончание *у* из *о* носового, о чем говорить не приходится).

Дательный и местный падежи.

Дательный и местный падежи представляют в твердой и мягкой разновидности под ударением окончание *-е* и при безударности *-і*; после отвердевших согласных *-ы*. Изредка и под ударением встречается *-і:* к сырóй зямлí (М. Н. К., Невзорово, 72).

Более часты случаи форм с *-і* под ударением в ответе на Академич. великорус. программу № 282: к радні́, к рякі́, к зямлі́, на зарі́, к дачкі́, на зямлі́ (§ 160).

В других источниках подобных примеров нет.

Иначе в других белорусских говорах, где имена мягкой разновидности всегда имеют *і* (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 216).

Пред рефлексом старого *ѣ* в дат. и местн. падеж. единств. числа сохраняется смягчение задненебных в соответствующие им свистящие звуки, наприм.: на руцэ́, на назе́, к Лявóнісі (см. выше в отделе о задненебных).

Творительный падеж.

В творительном падеже на ряду с окончанием *-ою* (-аю) в твердой разновидности и *-ею* (-яю) в мягкой встречаются сокращенные формы на *-ой* (-ай) и *-ей* (-яй). В последнее время окончание *-ой/-ей* имеет значительное распространение.

Примеры.

Мглинский уезд: расóю (Бородинка, М. Н. К., 69), рóжаю (Горяны, ib., 15), сястрóю (ib., 48), зарéю (Росуха, ib., 25), капóю (ib., 29), жанóю (ib., 29), слугóю (ib., 29), парóю (ib., 74), жóнкаю (ib., 77), вадóю (ib., 81), удавóю (ib., 81), бярёзаю (Шапочка, 66), гарóю (ib., 66), кудзéляю (ib., 98), и т. д.

Стародубский уезд: зарéю, сястрóю (Гарцево, М. Н. К., 30), пéчкаю (ib., 31) и т. д. и рядом с ними—гарóй (Росуха, 40), сястрóй (Горяны, 48) и т. д.

То же и в Академич. белорус. програм. № 6 (§ 92).

В ответе на Академич. великорус. программу № 269 имеем только — женóй, шýбой (§ 159).[1]

В ответе на такую же программу № 282, наоборот, отмечено, что конечное *-ой* не встречается (§ 159).

Звательный падеж.

Старые формы звательного падежа утрачены говором; вместо них имеют распространение или формы именит. падежа или значительно чаще, особенно в городах и местах с великорусским влиянием, формы с фонетической утратой конечного гласного: мам, цёць, баць, Пець, вуць и т. д., несвойственные другим белорусским говорам, кроме соседних с великорусскими. (Ср. великорусский язык).

[1] Примеры подчеркнуты в программе с сохранением их орфографии.

То же и в ответах на Академич. великорус. програм. №№ 269 и 282 (§ 149) и белорус. № 6 (§ 89).

Множественное число.

Во множественном числе в твердой разновидности исключительно старые формы, кроме форм творит. падежа.

В творительном падеже так же, как и в именах мужеск. рода, на ряду со старым окончанием *-амі* широкое распространение имеет окончание *-амы*.

Примеры.

Мглинский уезд: свéчкамы (М. Н. К., Бородинка, 16), прыгрóзамы (Росуха, ib., 74), пáрамы (ib., 84), ладóшкамы (ib., 101), нагáмы (Яблонка, 29), рукáмы (ib.), былúнаю (Шапочка, ib., 63) и т. д.

Стародубский уезд: тýчамы (М. Н. К., Лупеки, 22), птáшкамы (Човнiя, ib., 17), падрýжкамы (Новоселки, 26), слёзкамы (ib.), гарáмы (Бёрновичи, 85) и т. д.

В записях А. Д. Н.: з дéвкамы (Абаринки, 65), тýчамы (ib., 66), кáртамы (Гарцево, 24), губáмы (ib., 28), слизáмы (ib., 39), гарáмы (ib., 42) и т. д.

Новозыбковский уезд: брóýкамы (Манюки, М. Н. К., 52), слязáмы (ib., 83).

То же и в Академич. великорус. программе № 269 (§ 164) и в записях М. В. Ушакова.

Наоборот, в Академич. великорус. программе № 282 и белорус. № 6 отмечено только окончание *-мі*.

Изредка встречаются творит. пад. множ. числа и с окончанием старых основ на *ŭ*: слязьмы́ (М. Н. К., Росуха, 75, 84; Жуково, 75; Мглин, 112).

В мягкой разновидности те же падежные окончания, что и в твердой; лишь некоторые имена имеют в родит. пад. множ. числа *-ей* (из основ на *ĭ*): зьмей, сьвіньнéй, наздрэ́й и т. д.

То же и в словах с отвердевшей согласной: свяча́ — свячэ́й, но кля́ча — кляч.

В словах на *-ня* в родительн. пад. множ. числа сохраняется конечный мягкий согласный: бáсень, пáшань, пéсень, вúшань, я́блань и т. д.

Слова мужеского рода, относящиеся к этому склонению, представляют в отдельных падежах колебание между формами основ на *ŏ* и на *ā*: тáтухны (род. ед. числа, Водвинка, М. М. К., 19), тáтухны (дат. ед., Росуха ib.), тáтухну (вин. п. ед. ч., Водвинка, ib.), но — с тáтухнам (ib., 20), с тáтухн$^{а}_{о}$м (Гарцево, А. Д. Н., 20), тáтухну (д. ед., Абаринки, А. Д. Н., 62, 73, 86, 89),

к п'яницу (ib., 95), также весьма обычны: п'яніцай и п'яніцам, судзьдзёй и судзьдзём, са стáрастам и са стáрастай.

В статье Ан. Ф. Полевого отмечены в творит. пад. един. числа формы только с окончан. *-ам*: тáтам, сабáкам, бáткам и т. д. (стр. 280).

Из отдельных явлений внимания заслуживает старая форма имен. падежа един. числа на *і* — пáні: «Пáни лижáла, хрэ́ну бажáла» (Бородинка, М. Н. К., 40); употребительна она и в разговорной речи, рядом с *пáня*; запись М. Н. Косич приводит из разговорной речи и форму звательного падежа: «Пани, а пани! Во бублики гарячые» (Стародуб, 107); у А. Д. Нечаева только — паня: «Драстуй, мая паня» (Абаринки, 86).

Б. Основы на *ĭ*, *ā* и *r*.

Имена женского рода с мягким конечным согласным восходят к старым основам на *і* краткое. Часть слов, приняв соответствующее окончание (бáсьня, пéсьня, ябланя), всецело перешла в основы на *ā*.

В единств. числе старые формы основ на *ĭ* сохраняются, при чем в творит. пад. единств. числа *j* ассимилируется предшествующему согласному: нóччу, кóсьцю, сóллю, рэ́ччу, пéччу. От слова *ноч* встречается и форма *нóчаю*. (Ср. акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 236).

Во множ. числе род. падеж принимает только *-ей*. (Ср. другие белорус. говоры у акад. Е. Ф. Карского. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 338).

В дательн., творит. и местн. падежах только формы *ā* основ, при чем твор. имеет *-амы* (-ямы) вместо *-амі* (-ямі).

Примеры.

Дзьверя́мы (М. Н. К., Бородинка, 87; Водвинка, 98; Семешково, 14), двер**я́**мы, А. Д. Н., Гарцево, 21), кист**я́**мы (Погар, 107), рэч**а́**мы (ib., 109).

Весьма редки творит. падежи множ. числа с окончанием основ на *ĭ*. Мне известны лишь — касьцьмі и пляцьмі. Иначе в других белорус. говорах (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 238—239).

Из других явлений частного характера, представляющих единичные случаи, отмечу: а) вин. п. един. числа *пастéлю*: «Бел-пастелю слати» (Абаринки, А. Д. Н., 68), если только он не от именит. падежа *пасьцéля;* ни то ни другое мне не встречалось: общеупотребительны именит. и винит. пад. един. числа *пасьцéль;* б) форма имен. пад. ед. числа *дзьверь* менее употребительна, чем форма множ. ч. *дзьвéры*.

Примечание. Форма *дзвéри* встречается и в записях М. Н. К. из Човпни (66).

в) Местн. п. един. числа от слова *грудзь*, должно быть, по аналогии со словом *сьпіна́*, принимает окончание основ на *ā:* у грудзе́ баліць; более употребительны однако формы множ. числа, когда говорится и про мужчину:

«И ня стрыжаны вусы,
На грудзях висяць хрясты» (Росуха, М. Н. К., 86);
«Идець, мой милю́сенький,
У за́сцежки на грудзях лента красная» (Шапочка, ib., 98).

г) От слова *ло́шадзь* некоторые падежи образуются иногда, как в именах мягкой разновидности муж. рода с основой на *о:* род.-вин. един. числа лашадзя́ («вот далі нам лашадзя»), дат. п. ед. ч. лашадзю́, твор. п. ед. ч. лашадзём, местн. п. ед. ч. на лашадзю́ (по аналогии со словом *конь* и ударение здесь перенесено на окончание).

Слово *гусь* сохраняет старую принадлежность к женскому роду.

К склонению основ на *ĭ* принадлежат и имена числительные от *5* до *19*, а также *20, 30, 50, 60, 70* и *80*, при чем нередко встречаются формы некоторых падежей, сходные с подобными образованиями в других белорусских говорах (см. акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 329—331).

С основами на *ā* и *ĭ*, как уже отмечено, совпали целиком, утратив старые окончания, и основы на *ū* и *ŭ* или представляют колебание между той и другой основой.

Из отдельных слов, восходящих к старым основам на *ū*, отмечу следующие:

Слово *сьвякро́ў* (свекровь) вовсе не употребительно и заменено новообразованием — сьвякру́ха; то же и в записях М. Н. К. (Росуха, 63, 79; Водвинка, 12; Шапочка, 98; Лупеки, 72).

Слово *цэ́рькаў* (церковь) или переходит в склонение основ на *а:* цэ́рьква, цэ́рьквы, цэ́рьквою и т. д., при чем род. пад. множ. числа с окончанием основ на *ĭ:* царькве́й, дат. царькве́м, твор. цэ́рьквамы, мест. цэ́рьквах, или в имен. п. един. числа имеет старую, с соответствующим изменением форму винительного падежа ед. числа: цэ́рькаў, а в твор. един. ч. цэ́рькаўю.

Исключительно основам на *ā* принадлежит слово *мо́рква:* мо́рква, мо́рквы, мо́ркву, мо́ркваю и т. д.

Слово *любо́ў* (любовь) в родит. п. един. числа имеет — любо́ви (Мглин, М. Н. К., 112); отмечу здесь и весьма редкий имен. падеж един. числа — лю́бва.

Слова *маць* и *доч*, восходящие к старым основам на *т*, в разговорной речи малоупотребительны; употребление их ограничивается исключительно городом; в говоре же деревень исключительно господствуют производные — ма́тка и дачка́ или реже — до́чка. Формы косвенных падежей также образуются от них. Лишь в выражении — «тря́спа (лихорадка) ма́теры тваёй» употребительна исключительно старая форма дательного падежа с отвердевшим *т*.

Примечание. Записи песен у М. Н. К. и А. Д. Н. дают несколько случаев употребления в песнях старых форм некоторых падежей от слова *ма́ці*.

Примеры.

Именит. пад. ед. ч. Мглинский уезд: ма́ци (Кожемяки, 66, 67, 83; Росуха 17; Шапочка, 63, 65).

Стародубский уезд: ма́ци (Берновичи, 85; Гриденки, 52; Лупеки 31; Михайловск, 60), ма́ти (Погар, 111; Гарцево, А. Д. Н., 17, 40; Абаринки, ib., 64).

Родит. пад. ед. ч. Стародубский уезд: ма́ци (М. Н. К., Невзорово, 104; Михайловск, 60), ма́ти (Погар, 109; Гарцево, А. Д. Н., 48; Абаринки, ib., 64).

Дательн. пад. ед. ч. Стародубский уезд: ма́ти (Погар, 111).

Винит. пад. ед. ч. Стародубский уезд: ма́ти (Гарцево, А. Д. Н., 25).

Звват. пад. ед. ч. Мглинский уезд: ма́ци (Росуха, 22, 84).

Новозыбковский уезд: ма́ти (Манюки, 92).

Стародубский уезд: ма́ци (Берновичи, 85; Михайловск, 60; Новоселки, 50), ма́ти (Погар, 109, 110).

В записях М. Н. К. встречается звват. падеж *до́ня* (Росуха, 101), а также винительный (ib., 101) и звват. (ib.) *до́ню*, но в разговорной речи они неизвестны (ср. украинск. язык).

Краткие прилагательные.

В разговорной речи краткие формы имен прилагательных известны только в роли сказуемого; в значении же определения употребительны лишь полные формы прилагательных; полные в роли определений представляют и прозаические записи А. Д. Нечаева. Сравни другие белорус. говоры, где рифма также оказывает влияние на употребление крат-

ких форм прилагательных, возникших путем стяжения полных форм (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 297, 298, 299 и след.).

Примечание. Записи песен М. Н. Косич и А. Д. Нечаева представляют значительное количество случаев употребления прилагательных мужеск., женск. и средн. рода в краткой форме в следующих падежах.

Именительный пад. един. числа мужеск., женск. и среднего рода. *Мглинский уезд*, М. Н. Косич: Водвинка, 12; Жуково, 72; Росуха, 40, 61, 91; Шапочка, 64, 65, 71.

Стародубский уезд: Выстриков, 44; Жуково, 65; Лужки, 52; Михайловск, 50; Невзорово, 50; Новоселки, 26; Платково, 81; Погар, 110 и т. д.

В записях А. Д. Н.: Гарцево, 26; Абаринки, 64, 85.

Новозыбковский уезд: Манюки, 83, 92.

Суражский уезд: Клинцы, 103.

Родительный падеж един. числа мужеского рода. *Мглинский уезд:* Бородинка, 15; Жуково, 71.

Стародубский уезд: Погар, 110.

Дательный падеж един. числа мужеского рода. *Мглинский уезд:* Росуха, 79; Кожемяки, 67.

Стародубский уезд: Анушино, 51; Лупеки, 45, 103; Новоселки, 49.

Винительный падеж един. числа. Мглинский уезд: хут. Александровка, 90; Бородинка, 89; Кожемяки, 83; Мглин, 112; Росуха, 63, 79; Шапочка, 63.

Стародубский уезд: Анушино, 51; Гарцево, 44; Далматово, 42; Лупеки, 103; Новоселки, 50; Невзорово, 85, 104; Платково, 81; Погар, 109; Човпня, 26.

В записях А. Д. Н.: Абаринки, 80; Гарцево, 31; Ильбово, 112; Семешково, 114, 119.

Суражский уезд: Клинцы, 103.

Новозыбковский уезд: Манюки, 52, 91, 92.

Звательный падеж един. числа. Мглинский уезд: хут. Александровка, 90; Бородинка, 89.

Стародубский уезд: Гарцево, 80; Новоселки, 50; Новые Ивайтенки, 64; Невзорово, 104; Платково, 81; Погар, 110.

В записях А. Д. Н.: Абаринки, 80.

Новозыбковский уезд: Манюки, 83.

Именительный и винит. падежи множ. числа. Мглинский уезд: Верканька, 43; Кожемяки, 96; Росуха, 84.

Стародубский уезд: Гарцево, 39.

Имеются *имен.-вин. пад. мн. числа.* и в записях А. Д. Н.

Личные местоимения I-го и II-го лица и возвратное.

В склонении личных местоимений I-го и II-го лица и местоимения возвратного отмечу следующие формы.

Родит. падеж един. числа. I-е лицо — мяне́ (М. Н. К., *Мглинский уезд*: Росуха, 63, 75, 100; Бородинка, 16; Жуково, 100; Кожемяки, 67; Мглин, 112; *Стародубский уезд*: Бороздинно, 105; Човпня 17; Анушино, 46; Погар, 108; А. Д. Н., Гарцево, 23; Абаринки, 69 и т. д.).

Родит. падеж един. числа. 2-е лицо — цябе́ (М. Н. К., Берновичи, 85) и т. д.

Примечание. В ряде случаев в записи М. Н. К. встречается — мянь́. (*Мглинский уезд*: Росуха, 22; Водвинка, 34; Шапочка, 65, 66; *Стародубский уезд*: Гарцево, 30, 39; Гриденки, 52; *Новозыбковский уезд*: Манюки, 52). То же и во 2-м лице — цябь́ (Водвинка, 14, 34; Лупеки, 27; Гарцево, 30) и т. д., но это лишь неисправленные М. Н. К. опечатки.

В местностях, утративших цеканье — тябе́ (Погар, 110).

В возвратном местоимении — сябе́ (М. Н. К., Бородинка, 87; Жигалки, ib., 36).

Дательн. падеж един. числа. 1-е лицо — мне (М. Н. К., *Мглинский уезд*: Росуха, 17, 29, 32, 38, 75, 79, 84, 96; Водвинка, 19; Бородинка, 53; Шапочка, 65; Кожемяки, 83; *Новозыбковский уезд*: Манюки, 83, 91; *Стародубский уезд*: Гарцево, 44; Невзорово, 90; Човпня, 17; Анушино, 49; Семешково, 14; Михайловск, 60; *Суражский уезд*: Красновичи, 88).

2-е лицо: табе́ (М. Н. К., *Мглинский уезд:* Росуха, 29, 35, 79, 84, 102; Водвинка, 14, 97; Бородинка, 53; Горяны, 15; *Стародубский уезд:* Лупеки, 27; Гарцево, 39; Новоселки, 26; Жигалки, 36; Берновичи, 85; Лыщичи, 42; Михайловск, 60; Стародуб, 107; Гарцево, А. Д. Н., 20, 23, 38; Абаринки, ib., 79, 93; Ильбово, ib., 104 и т. д.; *Новозыбковский уезд:* Манюки, М. Н. К., 22, 92).

Возвратное местоимение: сабе́ (*Мглинский уезд:* Росуха, 15, 24; Бородинка, 15, 89; Горяны, 15; Шапочка, 63; *Стародубский уезд*: Берновичи, 55; Лыщичи, 42; *Новозыбковский уезд:* Манюки, 91; Клинцы, 103).

На ряду с этими формами, восходящими к старым *тобѣ, собѣ,* встречаются почти исключительно в городской речи формы: міне́, тібе́, сібе́, отражающие в произношении неударяемого *е* влияние русского литературного языка.

Винительный = родительному.

В *творительном:* мно́ю, табо́ю, сабо́ю, но также с исчезновением конечного гласного звука: мно́й, табо́й, сабо́й.

Местный = дательному.

Во *множ. числе творит. падеж:* на́мы, ва́мы (М. Н. К., Берновичи, 85; Бородинка, 89 и друг.) и на́мі, ва́мі.

Другие падежи единств. и множеств. числа не вызывают на замечания.

Местоименное склонение.

Перечислю местоимения, придерживаясь следующей группировки:

1) Местоимения 3-го лица: ён, яна́, яно́.

2) Указательные: э́ты(й), э́та(я); тэй (тый), та́я, то́е; такі́(й), така́я, тако́е; э́ткі(й), э́ткая и малоупотребительная форма — сэй, встречающаяся лишь в некоторых падежах.

Примечание. Местоимений: гэ́ны(й), а также—гэ́ты(й), гэ́ткі(й), отличающихся от э́ты(й) и э́ткі(й) приставочным звуком *г* вместо *j*, весьма распространенных в других белорусских говорах, не встречается.

3) Притяжательные: мо́й, мая́, маё; тво́й, твая́, тваё; сво́й, свая́, сваё; наш, ваш и і́хні(й).

4) Определительные: увесь, уся́кі(й), ка́жды(й) и ка́жан, жо́дны(й), сам, самы́(й), і́ншы(й).

5) Отрицательные: ніхто́, ніштó, нічы́й, ніякі(й) и друг.

6) Вопросительные и относительные: хто, што, які́(й), яка́я, яко́е; ато́ры(й), -ая; чы́й, чыя́, чыё.

7) Неопределенные: хтось, штось, хто-не́будзь, чыйсь, чы́йся, які́йсь, які́йся, што-не́будзь, не́хта, не́шта, не́йкі(й).

По образованию падежных форм местоимения: тый, э́ты(й), та́кі(й), э́ткі(й), наш, ваш, са́мы(й), хто, што, які́(й), ніякі(й), ато́ры(й), жо́дны(й), ка́жны(й), сам — составляют твердую и отчасти (в некоторых падеж. от слов на задненебный звук) смешанную разновидность склонения, включающую в себя таким образом некоторые местоимения старой мягкой разновидности, перешедшие сюда вследствие отвердения конечного согласного.

Местоимения—ён, мой, твой, свой, сэй, чый, íхні(й), а также представлявшее когда-то смешанное склонение местоимение *увéсь* образуют мягкую разновидность.

Твердая разновидность.

Местоимения *тэй* (тый), *тáя*, *тóе*, восходящие к старым местоимениям *тъ, *та, *то, представляют следующие формы единств. числа муж. рода.

Единственное число.

Именит. пад. муж. рода: тэй (М. Н. К., Росуха, 25, 63; Бородинка, 84, 89; Шапочка, 65; Лупеки, 101; Гарцево, А. Д. Н., 25, 59; Абаринки, ib., 66, 78) и — тый (Абаринки, А. Д. Н., 73). Форма *тый* в записях М. Н. К. и А. Д. Н. реже, чем *тэй* (в живом говоре наблюдается то же самое). У А. Д. Н. встречается и *той* (Ильбово, 102), но она нехарактерна для говора.

Именит. пад. ед. ч. женск. рода: тáя (Росуха, 47; Водвинка, 97, 98; Горяны, 48; Погар, 110; Гарцево, А. Д. Н., 26 и т. д.). У А. Д. Н. также и *та* (шчасли́вая та дявчóнка. . ., нишчáсная та дявчóнка, Гарцево, 42), но это явление несвойственно говору и есть результат великорусского влияния. То же и в других белорус. говорах (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 260).

Именит. и винит. пад. ед. ч. средн. рода: тóе.

Родит. пад. муж. рода: таго́; то же и в *средн. роде*. У А. Д. Н. встречается форма *тавó* (Абаринки, 72), но она несвойственна говору; даже в говоре средней интеллигенции г. Стародуба такие формы прививаются с трудом.

В *женск. роде* обычно — ты́я (М. Н. К., Росуха, 63; Бородинка, 35; Михайловск, 50; Манюки, 22; Абаринки, А. Д. Н., 70, 81, 92, 99; Семешково, ib., 115).

Примечание. У А. Д. Н. отмечена также в единичном случае форма *тэй:* «с тэй пары́» (Гарцево, 59). От других местоимений подобная форма не встречается.

Дательный падеж муж. рода: таму́; то же и в *среднем* роде, в *женском* роде: той.

Винительный сходен с родительным или с именит. (на тэй лужбк, Росуха, 49; на тэй свет, Гарцево, А. Д. Н., 20; на тэй бок, ib., 27; у тэй канéц, Абаринки, ib., 78).

В женск. роде винит. падеж представляет с соответствующим изменением старую форму, осложненную окончанием сложного склонения, *тую* (М. Н. К., Росуха, 51; Водвинка, 20; Бородинка, 15; Жуково, 71; Яблонка, 29; Шапочка, 65; Невзорово, 101; Михайловск, 50; Погар, 109, 110; Гарцево, А. Д. Н., 31, 48, 54 и т. д.).

Творит. пад. в муж. роде с окончанием сложного склонения *тым;* то же и в *среднем роде.*

Примеры. С тым ни разлучу́ся (М. Н. К., Погар, 109), с тым я павинча́юся (Абаринки, А. Д. Н., 63; Семешково, ib., 114), пад тым дре́вачкам (М. Н. К., Росуха, 95), заставáйтесь тым давóлны (ib., Клинцы, 103), тым (Гарцево, А. Д. Н., 22, 23).

Творит. пад. женск. рода: то́ю и той.

Местн. пад. муж. рода: том, а также и — тым: на том баку́, у том дварэ́, но и — аб ты́м пыта́ю, аб ты́м журю́сь.

То же и в *средн. роде.*

В *женск. роде местн. пад:* той.

Множественное число.

Именит. падеж всех родов имеет формы, образованные под влиянием сложного склонения: ты́я и ты́i.

Остальные падежи всех родов также с окончаниями сложного склонения: тых, тым, тых (Абаринки, А. Д. Н., 94; Ильбово, ib., 107), ты́мы (М. Н. К., Бородинка, 102), ты́ми (Манюки, ib., 83).

Из *других местоимений* твердой разновидности отмечу следующие формы.

Местоимение *е́ты(й).*

Имен. пад. ед. числа муж. рода имеет: е́ты, реже — е́тый; в *женском роде* на ряду с формой *е́тая* употребительна и *е́та* (встречается она и в записях); то же и в *среднем роде.*

В *винит. пад. единств. числа женск. рода* на ряду с *е́таю* (форма *е́тую* очень редка) имеется и *е́ту.*

Примечание. У А. Д. Нечаева встречается *винит. пад.* единств. числа женского рода *е́сту*: ти́ря°/з е́сту шу́лу (Гарцево, 59).

Аналогичное образование *родит. пад.* муж. и средн. рода единств. числа встречается в говоре полуинтеллигентной среды в г. Стародубе — е́стага («з е́стага нічо́га ня бу́де»).

В *местн. пад. ед. числа муж.* и *средн. рода* преимущественно *е́там.*

От местоимения — сам *винит. пад.* единств. числа женского рода — саму́; менее употребительна форма *саму́ю* (яе́ саму́ ба́чыў; саму́ яе́ ўда́рыў).

От местоимений: наш, ваш *именит. пад.* единств. числа женского рода — на́ша, ва́ша.

Примечание. Форм *на́шая*, *ва́шая*, известных отдельным белорус. диалектам, в говоре нет (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 283).

Винит. пад. единств. числа того же рода: на́шу, ва́шу.

От местоимений: хто и што и сложных — хтось, хто-не́будзь, што-сь, што-не́будзь, не́йкі(й) *творит. падежи:* кім и чым, кі́мся и чы́мся; *местный пад.:* аб ко́м и аб чо́м.

Мягкая разновидность.

К мягкой разновидности принадлежат, как уже сказано, следующие, отмеченные выше местоимения: ён, мой, твой, свой, сэй, чый, і́хні(й) и уве́сь.

Местоимение *ён* представляет следующие формы.

Единственное число.

Мужеск. род. Имен. пад. — ён. В остальных падежах фонетическое изменение старых форм: род. п. яго́, дат. п. яму́, вин. п. = род., твор. п. і́м, местн. п. аб (на) ём.

Примечание. У А. Д. Н. *род.* и *вин.* падеж — яво́ (Гарцево, 47), но это единичное малораспространенное великорусское явление, не характеризующее говора.

Женск. род. Именит. пад.: яна́ (М. Н. К., Росуха, 51, 74; Водвинка, 11; Бородинка, 16; Лупеки, 26; Невзорово, 72; А. Д. Н., Гарцево, 21, 24 и т. д.).

В записях А. Д. Н. также и *ина́* (Гарцево, 21; *йна*, 23, 37, 61 и т. д.) рядом с *яна́* (ib., 61).

В ответе на Акад. великорус. программы №№ 269, 282 (§ 185), белорусскую № 6 (§ 104) и в записях М. В. Ушакова отмечено *ина́*.

В ответе на такую же белорусскую программу № 221 встречается *ена́;* то же кое-где и в записях М. Н. К.

Родительный и винительный падежи муж. рода: яго́; женского рода — яе́ (М. Н. К., Росуха, 39, 74, 84; Водвинка, 12; Горяны, 15, 48; Човпня, 66; Гарцево, А. Д. Н., 37; Абаринки, ib., 93 и т. д.).

Дательн. пад. муж. и среднего рода: яму́; *дат. пад. жен. рода:* ёй (М. Н. К. Кожемяки, 68; Невзорово, ib., 90; Анушино, ib., 46; Семешково, А. Д. Н., 115 и т. д.).

Винит. пад. женск. рода = родит. пад.: яе́ (М. Н. К., Бородинка, 58; Горяны, ib., 48; Жуково, ib., 75; Шапочка, ib., 63; Кожемяки, ib., 68; Невзорово, ib., 90; Верканька, ib., 43; Гарцево, А. Д. Н., 28 и т. д.).

Твор. пад. муж. рода: ім, *твор. пад. женск. рода:* ёй (М. Н. К., Росуха, 15; Горяны, ib., 15 и т. д.) и ёю (Шапочка, ib., 64).

Местн. пад. муж. рода: ём (на ём, аб ём); *местн. падеж женск. рода* = дательн.: ёй (аб ёй).

Средн. род. имен. пад.: яно́; остальные падежи, как в муж. роде.

Множественное число.

Именит. пад. для всех родов: яны́ (М. Н. К., Росуха, 14; Бородинка, 57, 89; Гарцево, А. Д. Н., 61). У А. Д. Н. единочное также — ани́ (Ильбово, 97), форма, свойственная обыкновенно говору городской интеллигенции. В записях М. Н. К. из Клинцов (103) и Погара (110) встречается имен. пад. *аны́,* как результат взаимодействия форм *яны́* и *ани́.*

То же и в других источниках; лишь в ответе на Акад. белорус. программу № 6 имеем: яны́ и — ины́.

В остальных падежах обычные формы: іх, ім и т. д., причем *творит. пад.* в записях М. Н. К. с окончанием -мы и -мі (Лупеки, 65).

После предлогов, предшествующих соответствующим падежным формам этого местоимения, *н* отсутствует и слияние с предлогом устраняется сохраняющимся *j'ом.*

Из падежных форм *других местоимений* мягкой разновидности остановлюсь на следующих.

В *родит. и дат. падежах муж. и ср. рода единств. числа* местоимений мой, твой, свой обычны формы с утратой *е* — майго́, твайго́, свайго́ (М. Н. К., Погар., 109, 110; Мглин, 112; А. Д. Н., Гарцево, 30 и т. д.), майму́, твайму́, свайму́ (М. Н. К., Росуха, 74; Бородинка, 15; Жуково, 65; Гарцево, 39; А. Д. Н., ib., 18, 30; Абаринки, ib., 73). Нередки также образования и без такого сокращения: маяго́, тваяго́, свояго́; маяму́, тваяму́, сваяму́; то же и в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 277—278).

Довольно распространенных в других белорусских диалектах форм со стяжением (см. «Белорусы» акад. Е. Ф. Карского, т. II, в. 2, стр. 278) — маго́, тваго́, сваго́ в Северско-белорусском говоре нет.

Примечание. Замены местного падежа творительным в Северско-белорусском говоре не встречается (см. Б. Тарашкевич. «Беларуская граматыка». 1918 г., стр. 38).

Родит. падеж единств. числа женск. рода: маёй, тваёй, сваёй и — маé, таé, сваé («Бпз маé ру́сыя ко́сачки», М. Н. К., Росуха, 22; «ни жа́ль жа мне ста́расци тваé», Горяны, ib., 15; «шука́ла сваé ро́дныя ма́ти», Абаринки, А. Д. Н., 64 и т. д.).

В *имен. пад. множ. числа* употребительны формы на *-і* и на *-е*: маі, тваі, сваі и — маé, тваé, сваé.

Творит. падеж множ. числа обыкновенно — тваімі, маімі, сваімі, но у А. Д. Нечаева (94) в сказке, записанной в селе Абаринках, встречаются творит. пад. множ. числа: тваймы́, маймы́ («з тваймы́ гро́шамы», «з маймы́ гро́шамы», стр. 94).

Таковы же падежи единств. и множ. числа от местоимения *чый:* чыйго́, чыйму́ и т. д.; множ. число: чыі́, чыі́х и т. д.

Примечание. У М. Н. К. в записи разговора на базаре в г. Погаре и местечке (теперь город) Почепе в единичном случае встречается и форма—чаво́, но она—явление, не характеризующее даже городские говоры: обычное образование в Погаре, Почепе, Стародубе, Мглине и Сураже — чаго́.

От местоимения *увéсь* (с приставочным *у* под влиянием других падежей) *местн. пад. единств. числа муж. и ср. рода:* усём; *род. единств. числа женск. рода:* усёй.

От местоимения *сэй* (сей) употребительны лишь некоторые формы в отдельных выражениях: «ні з таго́ ні з сяго́», «па сіх пор», «то́е да сёе», «тэй да сэй ягó зна́е» и т. д.

Из форм числительных *два и о́ба,* принадлежавших к местоименному склонению, отмечу: двох (А. Д. Н., Гарцево, 60), у дзьвёх, абаи́ (г. Погар), абаи́х (А. Д. Н., Гарцево, 60), абéи (ib.) и другие, сходные с аналогичными образованиями в других белорусских говорах (см. акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 323—327).

СЛОЖНОЕ СКЛОНЕНИЕ.

Твердая и мягкая разновидность.

Единственное число.

Мужеск. род, именит. и зват. падежи. Записи М. Н. К. представляют в именит. и зват. падежах единств. числа муж. р. *-ый* в твердой и *-ій* в мягкой разновидности.

Примеры.

М. Н. К., *Мглинский уезд:* ми́лый (Росуха, 49), далёкий (ib.), ми́лый (Бородинка, 87), плóхий (Жуково, 71), дурны́й (ib.), бóлшый (ib., 72), сяре́дний (ib.), други́й (Кожемяки, 98), дурны́й (Жуково, 71) и т. д.

Стародубский уезд: варань́ый (Анушино, 46) и т. д.

В записях А. Д. Н.: малады́й (19), бага́тый (42), ро́дный (64), бя$^{с}_{з}$пу́тный (104) и т. д.

Примечание. В нескольких случаях при ударяемости окончания встречаются формы на *-о́й*: варано́й (Росуха, М. Н. К., 20), мило́й (в рифме с «удало́й», Бородинка, ib., 89), маладо́й (ib., 102; Погар, ib., 107), мыладо́й (ib., зап. Е. Якушкина, 20), халасто́й (Бородинка, ib., 102; Клинцы, ib., 103), удало́й (Манюки, ib., 91; Погар, ib., 111).

Случаи с флексией *-ой* отмечены главным образом или в городах (Погар, Клинцы; последний до революции был посадом с преобладающим великорусским населением), или в песнях, записанных со слов парня (Манюки, 91), или представляют несвойственные живой речи образования и по месту ударения, например: удало́й, мило́й при обычном уда́лы(й), ми́лы(й) и следовательно не есть явление, характерное для говора.

То же и в записах А. Д. Н.: маладо́й, саладо́й (мед саладо́й), варано́й (24), дарагбй (74), глупо́й (104), а с другой — при неударяемости окончания несколько форм с *-ай:* я́снай, уби́тай, кра́снай (32), ми́лай (34, 35), чарнабро́вай (34), ряти́вай (ib.), ми́линькай (35, 36, 66, 83), любе́знай (36), варо́ниньк ай (87), жана́тай (53), микала́ивскай (83), хранцу́ськай, пе́рвай (83) и т. д.

Именит. пад. у А. Д. Н. с неударяемым окончанием *-ай* (с редуцированным гласным, восходящим к *о*, передаваемым здесь чрез *а*) и случаи с *-ой* при ударении на нем такого же происхождения, как у М. Н. К. именительные на *-ой* с ударением на нем, т.-е. являются

великоруссизмами. Содержание песен №№ 34, 35, 36, 37, 52, 56, 58, 59, 78, 87, 99 и 101 с подобного рода формами указывает на принадлежность их, во всяком случае, нестарому поколению.

В ответе на Акад. великорус. программу № 282: жóвтый, гнеды́й и гнедóй, залатóй, другóй, прямóй (§ 174).

В ответе на такую же белорусскую программу № 6 отмечено *-ый* при безударности и под ударением *-ой* (§ 112).

Наблюдения М. В. Ушакова отмечают окончание *-ый;* окончание *-óй* встречается, как редкое исключение.

Наблюдения Ив. М. Гневушева и Л. Г. Самосадного указывают на произношение окончания *-ый* со слабым неслоговым конечным *i*.

А. Ф. Полевой и А. Ф. Полевая вовсе отмечают отсутствие в Новозыбковском уезде конечного *i* неслогового: дóбры, сúни.

В записях А. Д. Н. встречаются ряд форм с утратой конечного *i*: рóдниньки (20, 23, 63, 73), мúлиньки (25, 52, 34, 69), бубнóвы (34), сызю́синьки (36), нижáлисливы (63), катóры (74), малóдиньки (104), другú (107), рóдны (ib.), даньськúй (117) и др.

Формами, свойственными говору, как таковому, при ударении на окончании и без него следует признать именительный падеж с окончанием *-ый* и *-ій* со слабым конечным неслоговым *i* или вовсе без него.

Показания записей у М. Н. К., А. Д. Н. и других наблюдателей относительно последних форм (т.-е. форм на *-ы* и *-i*), правда, несходны: у М. Н. К. только формы с *-ый* и *-ій*; то же и у М. В. Ушакова, между тем как у А. Д. Н. и те и другие; у И. М. Гневушева и А. Г. Самосадного отмечено *i* слабое; у Ал. Ф. и Ан. Ф. Полевых формы только без *i*. Мне известно произношение без конечного неслогового звука или с очень слабым, едва уловимым в отдельных случаях *i*, что, как уже сказано, обозначаю на письме при посредстве (й).

То же и в югозападных говорах Белоруссии (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 303—304).

Известных северовостоку Белоруссии форм имен. падежа единств. числа муж. рода на *-эй* в говоре нет (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 307).

Родит. падеж муж. и средн. рода только с окончанием *-ога* и *-ага* в твердой и *-яга* в мягкой разновидности.

Записи М. Н. Косич и А. Д. Нечаева, ответ на программу Моск. Диал. Комис. № 91, ответ Ив. М. Гневушева и Л. Г. Самосадного и наблюдения М. В. Ушакова указывают на эти же окончания.

Ответ на Акад. белорусскую программу № 6 отмечает *-ога, -ага* в твердой разновидности и *-ига* в мягкой (§ 117).

В *женском роде* в твердой разновидности преимущественно формы с окончанием *-ыя*, хотя встречаются и на *-ай*.

В мягкой разновидности аналогичные окончания.

Примеры. М. Н. Косич: ру́сыя (Росуха, 22), пра́выя (ib.), ми́лыя (ib., 38, 79), крутыя (ib., 100), вяли́кия (Водвинка, 33), из чужы́я (Жуково, 71); у А. Д. Н.: слӓдкия (Гарцево, 48) и — нямёрнай (59) и т. д.

Примечание. Лишь в ответе на Акад. великорусскую программу № 282 из Трубчевск. уезда имеем: ат маладэ́й, ат худэ́й, ат святэ́й, ат сляпэ́й, но также и ат ря́бый, ат краси́вый, ат до́брый (§ 177).

Также и в белорусской программе № 6 из того же уезда отмечены окончания *-эй, -ый, -ій:* маладэ́й, сырэ́й, бага́тый, пре́жний, сяре́дний и т. д. (§ 117).

Дательный падеж муж. и средн. рода оканчивается на *-ому, -аму, -яму*, а *женск. рода* на *-ой, -ай, -яй*.

Примечание. В ответе на Акад. белорусскую программу № 6 отмечены также и формы на *-эй*: святэ́й, залатэ́й, маладэ́й (§ 118), неизвестные говору.

Винит. пад. муж. рода = родит. или именит. падежу; в *средн. роде* = именит.

Винит. пад. женск. рода обыкновенно имеет оконнание *-аю, -ою, -яю;* лишь изредка формы на *-ую* и *-юю*.

То же находим и в записях М. Н. К. и А. Д. Н., при чем у А. Д. Н. вин. пад. преимущественно с *-аю*.

Примеры. М. Н. К.: Ня ў дру́жнаю (Росуха, 79), сваю́ ми́лаю (ib., 81), гару́ высо́каю (Бородинка, 15), лю́таю мядзьве́дзицу (Кожемяки, 67), дзе́ўку харо́шаю (Лупеки, 16), бярёзаваю (Невзорово, 90), тре́цьцяю но́чачку (Платково, 81), туре́цкаю зямлю́ (Берновичи, 85) и — пра́вую (Росуха, 51), харо́шую (ib., 62), прыго́жую (ib.), ву́мную (ib.), разу́мную (ib.), ни ма́лую (Водвинка, 20), ни вяли́кую (ib.), хрящёную (ib., 33), чо́рную (Бородинка, 57), го́рькую (ib., 88), низнако́мую (Жуково, 71), ни вясёлую (ib.), бага́тую (хут. Александровка, 74), то́нкую (Лупеки, 16), кудря́вую (ib.), кучаря́вую (ib.), кра́сную (ib.), васьму́ю (Невзорово, 90).

А. Д. Н.: на чатве́ртаю (Гарцево, 17), на пя́таю (ib., 18), го́рькаю (ib., 23), ро́днаю (ib., 27), пра́ваю (ib., 37), ле́ваю (ib.), бе́лаю (ib., 38),

халóднаю (Абарники, 64), тéмнаю (ib., 85), танéнькаю (ib., 88), аллянéнькаю (ib.), бéднаю (ib.), лýччаю (Ильбово, 100) бурлáцкаю (ib., 103), тóнкаю (Семешково, 113), высóкаю (ib.), кудрявáю (ib.), кучарявáю (ib.) и т. д., но также и *-ую:* кáждую (ib., 108) и т. д.

Также, по наблюдению Ан. Ф. Полевого, в Новозыбковском уезде формы вин. пад. на *-аю* (*-яю*) и *-ую*.

В ответе на Акад. программу № 282: крáснаю, мúлаю, бéлаю, но — худýю, бальшýю (§ 176).

То же и в белорусской Акад. программе № 6: тёплаю, халóднаю, яснаю, сúняю, прéжняю, но также и — прéжнюю (§ 118).

Формы винит. пад. на *-аю* возможны лишь при безударности окончания; при ударении же на окончании только *-ую*: дурнýю, другýю, дарагýю, пустýю и т. д.

Творительный падеж в муж. и средн. роде имеет *-ым*, *-ім* и в *женск.* *-óю, -аю (-яю), -óй, -ай, (-яй).*

Примеры.

М. Н. К.: сяннóю (Росуха, 29; маладóю, ib.; Бородинка, 89), пéрваю (Жуково, 71), другóю (ib.), бéлаю (Шапочка, ib., 66) и — вéрнай (Росуха, 29), камянóй (ib., 40), сéрай (Жуково, 72).

А. Д. Н.: пухавóй (Гарцево, 33), гарячóй (ib., 33). То и другое окончание так же, как и в соответствующих формах именного склонения, встречается и в прозаических записях А. Д. Н.: прáвой рукóй (96).

Местный падеж в муж. и средн. роде имеет *-ом* и *-ам (-ям)* в *женск. роде -ой* и *-ай (-яй).*

В ответе на белорусскую программу № 6 отмечены окончания *-ам* и *-ям:* стáрам, сúвам, сусéдням, дáльням (§ 119).

Множественное число всех родов.

В записях М. Н. К. имеется *именит. падеж множ. числа для всех родов* только с окончанием *-ыя, -ія,* не считая нескольких орфографических написаний или типографских недосмотров.

Примеры.

М. Н. К.: глыбóкия (Росуха, 49), калúнавыя (ib., 96), кудлáтыя (ib., 102), стáрыя (Гарцево, 41, 42), брáвыя (Верканька, 43), глýпыя (ib.), залатыя (Анушино, 46), дрóбныя (ib., 51) и т. д.

У А. Д. Н. также формы с *-ыя, -ія*: жóўтыя (Гарцево, 20), грабавыя (ib., 20), залатыя (ib., 24), маладыя (ib., 25, 48) и т. д., но также и с *-ыи*: сéрыи (ib., 31), бéлыи (ib., 31), рýсыи (ib., 55).

В ответе на Акад. великорус. програм. №№ 269, 282 (§ 179) и на белорус. програм. № 6 (§ 120) только формы с *-ыя* и *-ія*.

То же и в наблюдениях А. Ф. и Ан. Ф. Полевых.

Мне известны и те и другие формы.

Других форм именит. падежа, известных в других белорусских диалектах, в говоре нет (ср. акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 318—320).

Из косвенных падежей приходится отметить формы творит. падежа с окончанием *-амы* (*-ямы*) при безударности его и *-ымы* (*-імы*) под ударением. В записях М. Н. К., правда, только *-ымы*: чырвóнымы (Гарцево, 31), рáзнымы (Бородинка, 89), дубóвымы (87), малады́мы (Шапочка, 98), крутымы (Берновичи, 85) и т. д.

А. Д. Н. более верно передает эту черту говора: харбшамы (Гарцево, 18), пригóжамы (ib.), чóрнымы (ib., 28) и т. д.

Наличность формы творит. пад. множ. числа с *-амы* не исключает окончания *-амі*; между прочим, она отмечена и в наблюдениях Ан. Полевого: си́нями, вяли́ками, кра́снами (ср. акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 322).

СПРЯЖЕНИЕ.

I. Тематические глаголы.

А. Личные формы глагола.

Изъявительное наклонение.

Настоящее время. Единств. число. Оставляя в стороне, как не представляющие особенностей, формы 1-го лица единств. числа, отмечу следующее.

2-е лицо единств. числа.

В записях А. Д. Н. встречается форма 2-го лица един. числа — идёш (31), но подобные формы даже в городской речи редки и должны быть отнесены насчет влияния русского литературного языка. В формах 2-го лица един. числа, как отмечено уже в фонетике, звук *е* в положении под ударением пред отвердевшим звуком *ш* не переходит в *о*.

Об ассимиляции *ш* следующему *с* в глаголах на *-ся* также сказано в фонетике.

3-е лицо единств. числа.

В ответе на Акад. програм. № 269 отмечены формы с окончанием *-ть* (с «легким цеканьем», § 211), с оговоркой, что формы без *-ть* употребительны

в Стародубском и Суражском уездах. Однако здесь же есть пометка: «ён бярэ́, а также скажут — ён бярэ́ть».

В ответе на такую же программу № 282 отмечены формы с *-ть* и бессуффиксные: зна́я и зна́ить, игра́я и игра́ить, бярэ́ть и бярэ́, хо́дить и хо́дя, плятэ́ть и плятэ́ и т. д. (§ 211).

В ответе на такую же белорусскую программу № 6 то же самое: нясе́ть, глядзі́ть, вядзе́ть, игра́ить, гамо́нить и — ко́рмя, те́рпя, хава́я и т. д. (§ 122).

В ответах на кратк. Акад. прогр. №№ 295а, 295б (Мглинск. уезд), 209а (Стародубский уезд) и 203 (Новозыбковский уезд) отмечены формы 3 лица един. числа с *-ть*; в №№ 292а, 292б (Суражский уезд) и 209б (Стародубский уезд) отмечены формы без конечного *т* мягкого (*ть*).

В ответе И. М. Гневушева формы без *-ть*: иде́, нясе́, хо́дя, бярэ́ (§ 41).

В ответе Л. Г. Самосадного формы только с *-ть*: иде́ть, вядзе́ть, нясе́ть (§ 17).

По наблюдению М. В. Ушакова, также формы с *-ть;* лишь в выражении «хто яго́ зна́е» встречается бессуффиксная форма.

В ответе на програм. Моск. Диал. Комис. № 91 при ударении на основе формы бессуффиксные: зна́я, пи́ша, е́дя, ме́ля, хо́дя, но́ся, лю́бя и наоборот с *-ть*: иде́ть, вядзе́ть (§ 17).

По наблюдению Ан. Ф. П., в Новозыбковском уезде у глаголов 1-го спряжения часты формы без *-ть*, а у глаголов 2-го спряжения формы с *-ть* и могут быть без него, если ударение на основе.

Показания ответов на программы из Мглинского уезда и наблюдения Л. Г. С. и М. В. У. в том же Мглинском уезде сходятся между собой: устанавливают произношение с *-ть*; сходны также между собой и ответы на краткую Акад. программу из Суражского уезда и наблюдения И. М. Гневушева в том же уезде: и там и здесь отмечены формы без *-ть*.

Некоторое несходство таким образом в ответах из Стародубского уезда, с одной стороны, и противоречие между ответом на краткую программу из Новозыбковского уезда и наблюдениями Ан. Ф. П. в том же уезде, с другой. Возможно, что в данном случае ответ дан недостаточно продумано: не принято во внимание место ударения в глаголах, автор ответа мог быть связан определенным примером и вопросом программы, возможны здесь и другие неблагоприятные условия наблюдений. По крайней мере, в ответах на программу № 209а из с. Нижнего приходится отметить ряд явлений, не соответствующих говору, напр.: Ва́нькя, помале́нькю, несёть, со слеза́м, с рукава́м, под нога́м и друг.

Мне известны формы с *-ть* и без него, при чем наличность форм с *-ть* или отсутствие его обусловлены следующим.

1) В не возвратных глаголах с тематическим гласным *е*(1-е спряжение) формы 3-го лица един. числа или бессуффиксные, т.-е. не принимают окончания *-ть/-цъ*, или с *-ть/-цъ*. При безударности тематического гласного употребительны только бессуффиксные формы; при ударении же на тематическом гласном возможны те и другие формы.

Записи М. Н. К. и А. Д. Н. в значительной степени подтверждают это.

Примеры.

М. Н. К., *Мглинский уезд:* пыта́я (Росуха, 25), ка́жа (ib., 63), пыта́я (Горяны, 15), памо́жа (Жуково, 65), ве́рня (ib., 65),, уздыха́я (Шапочка, 65), разу́я (ib., 65), пацалу́я (ib., 65), рыда́я (ib., 71), пи́ша (Новые Ивайтенки, 64) и т. д.

Стародубский уезд: кри́ча (Лупеки, 31), ка́жа (ib., 72), бярыця (Гарцево, 41), ня ле́зя (Човпня, 66), маха́я (Жигалки, 66), гука́я (ib.), напева́я (Анушино, 51), ня мо́жа (Платково, 81), пла́ча (Берновичи, 85), маха́я (Погар, 108), угада́я (ib.), кукуя (ib., 109), пыта́я (ib.), заспева́я (ib., 110) и т. д.

Новозыбковский уезд: распра́шывая (Манюки, 73).

У А. Д. Н.: ма́я (Гарцево, 55), до́йдя (Абаринки, 65), ўзо́йдя (ib., 65), прилята́я (Ильбово, 100), памага́я (ib.), гре́я (ib.) и т. д.

В записях Е. Якушкина: се́я (Погар, 20) и т. д.

С другой стороны, у М. Н. К. *Мглинский уезд*: ряўне́ (Росуха, 24), бряхне́ (ib.), идзе́ (ib., 25), иржé (ib., 34), киўне́ (ib., 51), маргне́ (ib.), идзе́ (ib., 81), махне́ (ib., 99), расце́ (ib.), устае́ (Водвинка, 11), расьце́ (Бородинка, 89), махне́ (Горяны, 15), п'е (Жуково, 74), шле́ (ib.), идзе́ (ib., 76), бяре́ (Шапочка, 63), идзе́ (ib., 65), гудзе́ (ib., 71) и т. д.

Стародубский уезд: идзе́ (Гриденки, 52), ильле́ (ib.), плыве́ (Выстриков., 44; Погар, 107), расте́ (ib., 109).

У А. Д. Н.: гуде́ (Гарцево, 21), вяде́ (ib.), пасе́ (ib., 44), нясе́ (ib.), йде́ (ib.), шле́ (Абаринки, 63), ни дае́ (ib.), п'е (ib., 82), ня йде́ (ib.) и т. д. и — идзе́ць (Росуха, М. Н. К., 79), гудзе́ць (ib.), нясе́ць (Водвинка, ib., 33), идзе́ць (Невзорово, ib., 88), пяе́ць (ib.), дае́ць (ib.), идéть (Погар, ib., 110), пяйме́ть (А. Д. Н., Гарцево, 19), дае́ть (ib.), идéть (ib., 34), ня п'е́ть (ib., 100), ни вядéть (ib.).

Новозыбковский уезд: клюе́ (Манюки, 92).

К ним можно добавить и весьма частые: жыве́ць, ідзе́ць, клянéць, дае́ць, бярэ́ць, нясе́ць, кладзе́ць, расьце́ць, арэ́ць, рве́ць и друг.

2) В не возвратных глаголах с тематическим гласным *і* (2-е спряжение) формы 3-го лица един. числа образуются с *-ть/-ць*, если тематический гласный находится под ударением; при безударности его употребительны бессуффиксные формы с нефонетической заменой тематического гласного *і*. То же находим и в источниках, напр., у М. Н. Косич, А. Д. Нечаева и др.

Примеры.

М. Н. К., *Мглинский уезд*: хо́дзя (Росуха, 17), про́ся (ib.), ме́ся (ib.) све́ця (ib.), про́ся (Водвинка, 19), угаво́ря (Жуково, 65), ня лю́бя (Лупеки, 65), хо́дзя (ib.), су́ша (Кожемяки, 67), жу́ря (ib.).

Стародубский уезд: све́ця (Гарцево, 30), стро́я (Анушино, 49), су́ша (Михайловск, 76), жу́ря (ib.), ро́дзя (ib., 60), хо́дзя (ib.), сви́ща (Погар, 109), загаво́ря (ib., 110), зазво́ня (ib.).

У А. Д. Н.: ходя́ (Гарцево, 18), про́ся (ib.), све́тя (ib., 19), ме́ся (ib.), ло́мя (Абаринки, 89) и т. д.

У Е. Якушкина: хо́дя (Погар, 20), скаро́дя (ib.). С другой стороны: виси́ць (Росуха, М. Н. К., 63), ляци́ць (ib., 79), шуми́ць (ib.), а также: крычы́ць, сядзі́ць, ляжы́ць и т. д.

То же и в югозападных белорусских говорах, с тем лишь отличием, что в употреблении тех и других форм здесь менее последовательности, чем в Северско-белорусском говоре (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 341 и проф. Н. Н. Дурново. «Очерк истории русского языка», стр. 341); северовосточным белорусским говорам неизвестны бессуффиксные формы (ср. южновеликорусские и украинские говоры; см. акад. Е. Ф. Карский. «Русская диалектология», стр. 58, 144; проф. Н. Н. Дурново. «Очерк истории русского языка», стр. 332, 345; «Труды Моск. Диал. Комис.», вып. 5, стр. 28—29, 38, 60 и след.).

Формы с *-ть/-ць* при безударности тематического гласного у глаголов 2-го спряжения крайне редки; в записях М. Н. К. и А. Д. Н. они единичны: ня хо́дзиць (Росуха, 91), де́ржить (Погар, 107), прахо́дить (А. Д. Н., Ильбово, 97).

Мне приходилось слышать подобные формы среди мещан в Стародубе и Погаре (один из примеров у М. Н. К. как раз в записи из Погара). По аналогии с ними отмечу здесь же, как индивидуально городские, формы и от глаголов с тематическим *е*: ка́жыть, пі́шыть, се́іть и т. д.

Примечание. Образование по аналогии с бессуффиксными формами представляет и песенная форма *шуме́* (М. Н. К., 71) с заменой чрез *е* тематического гласного *і* («Шуме́, гудзе́ зялёная дубра́ўка»).

В записях А. Д. Н. встречаются в нескольких случаях формы 3-го лица един. числа с переходом *е* в *ё*: идёть (31, 39, 41, 74, 79), настаёть (39), плывёть (41, 75), даёть (50), бярёть (ib.), пяёть (51), шлёть (63).

Мне известны они также в говоре г. Стародуба и Погара, но не как явление общего характера, а как единичное или индивидуальное. И там и здесь они нехарактерны для говора и вызваны южновеликорусским влиянием. Таковы же и единичные в записях А. Д. Н.: рипи́т (84), кипи́т, (ib.) (в песне со следами городского влияния).

Множественное число.

1-е лицо множественного числа.

Отмечу здесь слышанное мною в д. Горицы произношение 1-го лица с окончанием *-ом* вместо *-ем*: ідо́м, нясо́м, вядо́м.

То же и в наблюдениях Ан. Ф. Полевого в Новозыбковском уезде: идо́м, бяро́м, вязо́м, дяро́м, ирво́м, жно́м и др. По замечанию А. Ф. Полевого, эта черта распространена не по всему уезду.

В ответе на Акад. белорус. программу № 6 также отмечены подобные формы: маго́м, пряго́м, пяко́м (§ 123).

В записях М. Н. К. встречается единичный пример — забярбм, (Росуха, 38).

Примечание. Об отвердении здесь *р* говорить не приходится: говору известно отвердение *р* только перед гласными переднего ряда.

2-е лицо множественного числа.

Формы 2-го лица множ. числа имеют иногда ударение на конечном *-е* с переходом его в *-о* (*ё*) (о чем см. в фонетике). Таковы, например: ідзіцё, п'іцё, спіцё.

То же отмечает А. Ф. Полевой в Новозыбковском уезде: вязитё, мяситё, кладитё и т. д.

Формы с конечным *ё* (*'о*) отмечены и М. В. Ушаковым. То же и в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 352—353).

Примечание. В ответе на Академическую великорус. прогр. № 282 из Трубчевского уезда и белорусск. № 6 из того же уезда отмечены формы 2-го лица множ. числа: идётя, нясётя, кладётя, пяётя (№ 282, § 210); пяётя, блюдётя, бярётя (№ 6, § 124).

3-е лицо множественного числа.

В 3-м лице множ. числа формы с окончаниями *-уцъ/-утъ* и *-ацъ/-атъ*, в зависимости от принадлежности глагола к 1-му или 2-му спряжению, при чем глаголы 2-го спряжения при неударяемости окончания принимают *-уцъ/-утъ* вместо *-ацъ/-атъ*, например: лю́бюць (М. Н. К., 51), хо́чуць (ib., 50, 85, 97), гавбрюць (ib., 103, 112), су́дють (ib., 112), но́сють (А. Д. Н., 19) и т. д.

Таковы же: про́сюць, дзе́люць, ко́рмюць, бе́люць, ві́дзюць, хва́люць, е́зьдзюць, хо́чуць, во́дзюць и т. д.

То же и в ответе на Акад. белор. программу № 6 и великорус. №№ 269, 282: ко́сють, прбсють (№ 6, § 124), хва́лють, хо́дють, но́сють, ру́бють, су́шуть, де́ржуть (№№ 269, 282, § 213).

Примечание. В ответе на программу № 282 на ряду с приведенными формами отмечены и формы с отпадением *-ть*: яны хо́дя, яны но́ся, пи́ша, ка́жа, игра́я (§ 213).

В других источниках таких форм нет; мне также не приходилось их слышать.

В говорах Новозыбковского уезда, наоборот, Ан. Ф. Полевым отмечены случаи перехода глаголов 1-го спряжения при безударности окончания в 2-е: бе́гаять, пла́чать, ла́ять.

Примечание. В записях А. Д. Н. встречается несвойственная говору форма: гавбрять.

Отдельные явления.

Из отдельных явлений отмечу:

1) глагол *жевать* известен говору в старой форме — жваць (жьвати); 1-е лицо един. числа: жву́, 2-е л.: жве́ш, 3-е л.: жвець; 1-е л. множ. числа: жвём, 2-е л.: жвёце,[1] 3-е л.: жвуць.

2) От глагола *дуць* формы настоящего времени: 1-е лицо един. числа — дму, 2-е л.: дме́ш, 3-е л.: дмець; 1-е л. множ. числа: дмём, 2-е л.: дміце́ или реже — дмёте (в городских говорах), 3-е л.: дмуць. На ряду с ними употребительны и формы: ду́ю, ду́еш и т. д.

3) От глагола *пець* формы настоящего времени: 1-е л. един. числа — пяю́, 2-е л.: пяе́ш, 3-е л.: пяе́ць; 1-е л. множ. числа пяём, 2-е л.: пяёце, 3-е л.: пяю́ць.

---

[1] О написании в подобных формах *е* см. ниже.

От глагола *ёзьдзіць* формы 1-го лица един. числа наст. времени образуются следующим образом: ёзьдзю, также и — ёжджу; в городах обыкновенно — ёжжу.

Основы на задненебные.

В глаголах с основой на задненебные согласные эти последние, под влиянием форм 1-го лица един. числа и 3-го лица множ. числа, сохраняются и в других формах, наприм.: бягíш, бягíць; множ. число: бягíм, бягíце; пякéш, пякéць; множ. число: пякём, пякёце; таковы же: цякéш, стрыгéш, стрыгéць, берягéш и т. д.

Но, с другой стороны, 3-е л. множ. числа от глагола ляжáць — лáжуць.

В ответе на Акад. белорус. программу № 6: бягýь, бягúш, бягúце, бягýць (§ 133).

В ответе на такую же великор. програм. № 269: тякéш, но — биряжéш.

В ответе на такую же програм. № 282 те же явления. Во множ. числе отмечены формы: бирягóм, пякóм, сякóм, стирягóм; 2-е л. бирягéтя, пякéтя, сякéтя, стирягéтя (§ 203).

То же и в Акад. програм. № 269 (§ 203).

Будущее время.

Будущее время выражается: 1) формами настоящего времени совершенного вида и 2) сочетанием infinitiv'a с формами: бýду, бýдзеш, бýдзе и. т. д.

Повелительное наклонение.

Единственное число.

Отмечу весьма распространенные формы *2-го лица* с утратой конечного *і*.

Примеры.

Палóж (М. Н. К., Росуха, 79; Гарцево, 44; Манюки, 91; А. Д. Н., Гарцево, 69), станóў (М. Н. К., Лупеки, 65), ня ўвóдзь (ib., Жигалки, 60), ня ввóдь (ib., Погар, 109), ни узвóдь (ib., 110), ни нанóсь (А. Д. Н., Гарцево, 31), насóдь (ib., Абаринки, 69), ни ўзыхóдь (ib., 86) и друг.

Такого же происхождения, но с переходом *-і* после гласного в неслоговый звук, и весьма распространенная форма — падóй (от глагола падаíць); встречается она и в записях А. Д. Н. (Ильбово, 107).

Примечание. В записях А. Д. Н. встречается также и форма *а$^{т}_{з}$стýп* (114), но в разговорной речи она неупотребительна.

3-е лицо един. числа выражается формой 3-го лица ед. числа настоящ. времени изъявительного наклонения в соединении с предшествующими ему *няха́й:* няха́й зна́е, няха́й дзе́лае и т. д.

Примечание. Пишу здесь *е*, как и в других аналогичных формах, согласно лишь белорусской орфографии: здесь слышен звук заднего ряда нижнего подъема, иногда несколько передвигающийся к переду; удобнее всего было бы обозначать его буквой *а* (я).

Множественное число.

1-е лицо. Употребительны здесь формы с окончанием настоящего времени изъявительного наклонения: ідзём, нясём и т. д. Нередки также формы 1-го лица множ. числа, осложненные суффиксом 2-го лица множ. числа *-це*: хадзі́мце, по́йдземце и т. д. Употребление таких форм имеет место преимущественно там, где речь обращена ко многим лицам, или когда говорящий употребляет в обращении «Вы».

Формы *2-го лица* множ. числа представляют соединение соответствующих форм единственного числа и окончания множ. числа *-це* в фонетическом изменении его: ни нано́сьця (М. Н. К., Росуха, 100), пи́ця (ib., Жуково, 74), е́дзьця (ib., 76), сажни́ця (ib., Жигалки, 66), выхо́дзьця (Ильбово, А. Д. Н., 112), выно́сьця (ib.) и т. д.

Примечание. Старых форм множ. числа на *-ем* (из *-ѣмъ*): хадзе́м, касе́м и т. д., хадзе́мце, касе́мце, известных (с фонетическим изменением) в украинском языке и в других белорусских диалектах, в говоре нет (см. акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 361—362). Изредка лишь встречается единичная форма — хадзе́м.

Аналогично формам 2-го лица множ. числа образуются также повелительные формы от частиц *ну* и *на*: ну́це, на́це.

3-е лицо множ. числа выражается сходно с 3-м лицом един. числа.

Отдельные явления.

Из отдельных явлений отмечу:

1) От глагола *пе́чь* формы повелит. наклонения: пе́й, няха́й пяе́ць, пе́йця, няха́й пяю́ць.

2) От глаголов *пі́чь, бі́чь, лі́чь* формы 2-го лица един. числа: пі, бі, лі; последнее (лі) иногда также с двойным или долгим *л*.

Примеры.

Ня бі́ (М. Н. К., Бородинка, 53), ня пі́ (ib., 89; Горяны 72; Платково, 71; А. Д. Н., Гарцево, 29; Абаринки, 73, 77), вы́пи (Гарцево,

ib., 40). В сложении глагола *лiць* с предлогом употребительна также форма с конечным неслоговым звуком *і*: вы́лий (Гарцево, А. Д. Н., 43), нали́й (ib., 47). Формы множ. числа: пи́тя (Ильбово, А. Д. Н., 99), а также — бiце, лiце.

Примечание. В записях А. Д. Н. встречается также *ня бе́й* (78) и форма множ. числа *пе́йтя* (77), но подобные формы и в городской речи крайне редки и нехарактерны для говора. В записях А. Д. Н., кроме того, первый пример встречается в песне № 163 с фактом влияния на говор русского литературного языка (б'ёт), а лексика песни № 158, где отмечен второй пример (паште́ньня, кисяёй), также указывает на городское влияние.

3) М. В. Ушаковым отмечены формы повелительного наклонения — еда́йтя и седа́йтя. Последняя довольно редко встречается в говоре; что же касается первой, то она мне неизвестна.

Основы на задненебные.

Глаголы с основой на задненебные звуки образуют формы повелительного наклонения, подобно формам настоящего времени изъявительного наклонения, т.-е. с сохранением задненебных пред гласными переднего ряда: бягí, пякí, цякí и т. д. и — бягiце, пякiце, цякiце и т. д.

Под влиянием форм настоящего времени изредка отмечаются формы с шипящими на месте задненебного: запряжы́щя (Росуха, М. Н. К., 34, 100). Такова же и весьма распространенная форма *памажы́* (А. Д. Н., Гарцево, 20, 101).

Прошедшее время.

Прошедшее время выражается только формой несклоняемого 2-го причастия прошедшего времени без вспомогательного глагола: пашо́ў, узя́ў, даў и т. д.

Из отдельных явлений отмечу формы прошедшего времени: iшо́ў, iшла́, iшлб, iшлí с приставочным *і* под влиянием форм настоящего времени.

Сослагательное наклонение.

Сослагательное наклонение образуется из форм несклоняемого 2-го причастия и восходящей к аористу частицы *бы*, звучащей в говоре, как *ба*; при чем нередко частица *ба* удваивается (с утратой во второй части *а*), наприм.: узя́ў ба, прада́ў ба, уда́рыў ба, даў баб яму́ харашо́нька, кiнуў баб и т. д.

Б. Именно-глагольные формы.

Infinitivus.

Infinitivus имеет окончание только *-ць*. Формы на *-ці* с сохранением на нем ударения редки. Даже в infinitiv'ах с ударением на конечном *-і* ударение переходит на основу, и конечное *-і* отпадает: несьць, трэсьць, весьць, плесьць, месьць и т. д. То же и у глаголов с основой на задненебный звук: печ, моч, стярэ́ч и т. д.

В ответах на Академ. программу №№ 269 и 282 также приводятся формы с *-ць*: несть, плесть, рость, гресть (§ 199) и т. п.

По наблюдениям Ан. Ф. Полевого, окончание infinitiv'а в Новозыбковском уезде также имеет *-т* мягкое; лишь в селе Ропске часто встречаются формы с *-ці*: е́сти, взя́ти и т. д.

В нерифмованных записях А. Д. Н. (разговор с пастухом и сказки) формы исключительно на *-ть*: па́сьвить (Гарцево, 58), наде́лать, зде́лать (58), каза́ть, де́лать, рабі́ть, адахну́ть, завіда́вать, ро́зать, зде́лать (59), жать, доста́ть, выпива́ть, шука́ть, спать, прясть, дажыда́ть (60), разбуді́ть, укла́дывать, падава́ть, ірва́ть, хава́ть, тягну́ть (61), закурі́ть (Абаринки, 93), заку́ривать, пагуля́ть, пап'я́нстватать, крися́ть, старажы́ть (94), стярэ́ч, начава́ть, несть, дави́ть (95), ве́шать, жыть (96); среди них и единичное — нясти́ (94).

Несколько иначе в других белорус. говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 2, стр. 372—374); ср. диалектическое произношение в великорус. языке (проф. Н. Н. Дурново. «Очерк истории русс. языка», в. 2, § 179, стр. 103).

Примечание. В песнях, записанных М. Н. К. и А. Д. Н., встречаются в значительном числе infinitiv'ы на *-ці*.

Примеры.

Мглинский уезд: Бородинка (М. Н. К., 15, 53, 84), Водвинка (ib., 19, 34, 97), Горяны (ib., 15), Жуково (ib., 75), Задубенье (ib., 51), Кожемяки (ib., 67, 68, 98), Лупеки (ib., 16, 31, 44), Мглин (ib., 112), Новые Ивайтенки (ib., 64), Росуха (ib., 49, 79, 101).

Стародубский уезд: Абаринки (А. Д. Н., 68), Берновичи (М. Н. К., 85), Гарцево (ib., 37, 41; А. Д. Н., 18, 20), Жигалки (М. Н. К., 66), Ильбово (А. Д. Н., 99, 110), Михайловск (М. Н. К., 50, 60, 105), Новоселки (ib., 50), Погар (ib., 109), Семешково (ib., 18; А. Д. Н., 114), Човпня (М. Н. К., 17).

Новозыбковский уезд: Манюки (ib., 22).

То же и в песнях, записанных Е. Якушкиным (Погар, стр. 20, 21, 22). Но в живой речи они не встречаются и представляют исключительно песенное явление.

На ряду с ними песни имеют и живые формы на *-ть*. Значительное количество примеров представляют записи М. Н. К. и А. Д. Н., например, *Мглинский уезд:* Бородинка (М. Н. К., 53, 84), Водвинка (ib., 19, 62), Кожемяки (ib., 67, 68), Росуха (ib., 62, 63, 84, 96), Яблонка (ib., 27).

Стародубский уезд: Абаринки (А. Д. Н., 84), Анушино (М. Н. К., 46), Берновичи (ib., 85), Гарцево (А. Д. Н., 22), Гриденки (М. Н. К., 53), Далматово (42), Лупеки (ib., 23), Ильбово (А. Д. Н., 99, 114), Погар (М. Н. К., 110), Човпня (ib., 17).

Из отдельных явлений отмечу:

1) Infinitivus *іщіць* (ітíть) (А. Д. Н., Гарцево, 22) или ідзíць (ідíть) (ib., Абаринки, 84), осложненный суффиксом *-ть/-ць*; такова же и форма— сайцíць (сайтíть).

2) Infinitiv'ы с основой на задненебный звук имеют формы: печ, беч, леч, цеч, сеч и т. д.

Причастия и деепричастия.

Причастий, как таковых, в говоре нет. Встречающиеся формы на *-чы(й)* и *-шчы(й)* и реже на *-мы(й)* имеют значение имен прилагательных: жывýчы(й), калю́чы(й), тряскýчы(й), бліскýчы(й), ня п'ю́шчы(й), гуля́шчы(й), любíмы(й).

Более употребительны формы на *-ты(й), -ны(й)* и *-т* и *-н*: убíты(й), зары́ты(й), ко́латы(й), ве́нчаны(й), ізьмя́т, зашы́т, зары́т, зьдзе́лан, абру́блен; примеры из М. Н. К.: зве́нчана (Росуха, 22), узя́та (ib., 48) и т. д.

Примечание, В песнях у М. Н. К. встречаются формы *се́та* (= се́яно, Росуха, 99) и *абадра́та* (ободрана, ib., 48), вызванные рифмой: се́та рифмуется с «ле́та», а «абадра́та» с «узя́та».

Из *деепричастий* употребительны формы с окончаниями *-учы* в настоящем времени и *-шы* и *-ўшы* в прошедшем.

Примеры.

Пла́чучы (М. Н. К., Росуха, 75), папира́ючысь (ib.), аблива́ючысь (ib.), хо́дзючы (ib., 79), кля́нучы (ib.), кипучы́ (ib., 101), идучи́ (Водвинка, (ib., 33), сто́ючы (Жуково, ib., 75), стаючы́ (ib.), сто́ючы (Лупеки, ib. 103), хо́дзючы (ib.), но́сючы (ib.), ла́зючы (ib.), ни ступа́ючы (Невзорово, ib., 104), лятучы́ (Платково, ib., 81), сцялючы́ (ib.), стаючы́ (Погар, 111), клюючы́ (Мглин, ib., 112), се́дючы (Гарцево, А. Д. Н., 23) ни

разга́ртаючы (ib., 39), глядю́чы (ib., 44), киплючы́ (рифмуется с «пячы́») (ib. 49), кричучы́ (ib.) бурчучы́ (ib.), стаючы́ (Абаринки, ib., 81), идучы́ (Ильбово, 112), клянучы́ (ib., 112), лятучы́, гля́дючы (Семешково, ib., 118) и — прыхили́ўшы, пла́каўшы (Човпня, М. Н. К., 17), сабра́ўшы (Гриденки, ib., 53) и т. д.

То же и, по наблюдениям Ан. Ф. Полевого, в Новозыбковском уезде.

Примечание. Южновеликорусских форм деепричастий прошедшего времени на *-мшы,* распространенных в северных и восточных белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 376), в Северско-белорусском говоре нет.

Исключение составляет ответ на Академ. программу № 282 из Трубчевского уезда: «ни спрасёмшы» (§ 218).

II. Нетематические глаголы.

Употребительны следующие формы:

1) 3-е лицо един. числа настоящего времени от глагола *быць* с нефонетической заменой *-е* звуком *-ё* (о): ёсць; реже и притом исключительно в ответах на вопрос та же форма имеет сокращенный вид: *е.*

Примечание. В щедровной песне, записанной М. Н. К. в Погаре (108), встречается форма 2-го лица един. числа *ясы́* в рифме с *нибясы́.* И та и другая форма не живая, не известная разговорной речи.

2) От глаголов *даць* и *есьць* (edere) сохранились некоторые старые формы с соответствующими фонетическими изменениями звуковой стороны их и с перенесением в отдельных формах ударения: 2-е лицо единств. числа — ясі́, дасі́. То же и в ответах на Академ. программу № 269 (§ 219).

Рядом с ними нередки и новообразования (по аналогии с тематическими глаголами): 1 лицо един. числа — дасі́ш, ясі́ш; 2-е лицо множ. числа: дасьцё, ясьцё, а также и — дадзіце, ядзіце и — дадзіцё, ясіцё. Последние более употребительны в городских говорах.

В ответе на Академ. великорус. программу № 282: аддастё, спитё, ясі́, зьясі́.

Формы 3-го лица множ. числа: дадуць, ядуць и ядзяць.

Примеры из записей М. Н. К. и А. Д. Н.:

Дасьцё (М. Н. К., Росуха, 38), атдасі́ (Кожемяки, 87), дасьтё (Стародуб, 107), аддасі́ (А. Д. Н., Семешково, 116), з'ясі́ (Абаринки, ib., 94).

Примечание. В записях А. Д. Н. встречается форма *нима́м* (Гарцево, 20: «нимам я радиначки»), неизвестная в разговорной речи.

Главнейшие синтактические явления.

Имена существительные при числительных два, дзьве, тры и чатыры.

При числительных *два, дзьве, тры* и *чатыры* Северско-белорусскому говору свойственно употребление исключительно форм множественного числа имен существительных; при этом от имен женск. рода с подвижным ударением формы множеств. числа принимают ударение современного родительного падежа единств. числа, совпадая таким образом по ударению с этим падежом.

Примеры.

Дзве капы́ (Росуха, М. Н. К., 35), у три ряды́ (ib., 51), дзьве капы́ (ib., 63), тры пра́зники (ib., 96), тры дни (Бородинка, ib., 53), два дни (ib.), тры разы́ ((ib., 88), три славе́чки (х. Александровка, ib., 88), два мае́ браты́ ро́дныя (Жуково, ib., 76), два вянцы́ (Яблонка, ib., 22), тры гарады́ (Кожемяки, ib., 87), тры палки́ (Невзорово, ib., 85), на чатыры рубли́ (ib., 90), тры двары́ (Жигалки, ib., 36), тры сады́ (ib.), тры лясы́ (ib.), тры гары́ (ib.), тры ряки́ (ib.), дзве магилы (Манюки, ib., 83), дзьве дачки́ (ib., 91), тры садо́чки (Погар, ib., 109), три гадо́чки (Погар, ib.).

У Е. Якушкина: чатыри ме́сячки (Погар, 20) и т. д.

А. Д. Н.: тры кани́ (Гарцево, 22), тры казаки́ (ib., 32), три браты́ (ib., 34), тры палки́ (ib., 41), два дубы́ (ib., 47), два грабы́ (ib.), чатыри браты́ (ib., 57), два гады́ (ib., 60), три дни́ (Абаринки, 68), три гады́ (ib., 73), три вазы́ (ib., 79), три́ брусы́ (ib., 82), на чатыри рубли́ (ib., 84), чатыри дубы́ (ib., 92), три гады́ (ib., 100), три разбо́йнички (Ильбово, 105), на три часо́чки (ib., 110), на три гадо́чки (ib.), три дни (ib., 110), два вянцы́ (Семешково, 115).

Примечание. Такие сочетания, как: два ду́ба (Манюки, М. Н. К., 83), два го́луба (Гарцево, А. Д. Н., 78), дивянбста три двара́ (ib., 82), два бра́хнейка (ib., 90), два бра́та-сакала́ (Ильбово, ib., 103) очень редки и есть результат влияния русского литературного языка. В записях А. Д. Н. они чаще, чем у М. Н. К.

Аналогичные сочетания и в ответе на Академ. великорус. программу №№ 269 и 282: два разы́, тры разы́, два рубли́, три дни́ и т. д. (§ 230).

То же отмечается на востоке и северовостоке Белоруссии (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 2, стр. 143).

Форм двойственного числа от слов женского и среднего рода, характерных для южной и югозападной Белоруссии, в говоре нет. (Ср. акад. Е. Ф. Карский, ib.).

Сравни украинский язык (О. Курило. «Уваги до сучасної української літературної мови», 3 изд., стр. 134).

Согласование подлежащего со сказуемым.

а) В сочетании числительных *два, три, чатыры* при именах существительных с глагольным сказуемым последнее ставится преимущественно в единственном числе, например: дзве магíлы ляжыць (М. Н. К., Манюки, 83), растé тры садóчки (Погар, ib., 109), два дубы́ стаíть, два грабы́ ляжы́ть (А. Д. Н., Гарцево, 47); реже формы множественного числа.

б) В говоре гг. Стародуба и Погара при подлежащем в единств. числе сказуемое и определение при подлежащем ставятся во множ. числе, когда говорится о родителях: мáма сказáлі, нáшы бáтінька паéхалі, вáшы мáма пашлí и т. д. То же наблюдается, когда речь касается уважаемых лиц.

Говору деревень такое сочетание почти неизвестно; встречается ли оно в говоре гг. Мглина, Суража, Новозыбкова и Клинцов, сведений нет. В обращении же к родителям и вообще уважаемым лицам употребительно только местоимение «Вы».

Примечание. В г. Стародубе говорить родителям «ты» — признак хорошего тона. Наблюдается это явление в говоре интеллигенции, преимущественно пришлой, оттуда оно проникает иногда и в местный язык.

Особенности употребления падежей.

Родительный падеж.

а) При infinitiv'е глаголов движения (а по аналогии с глаголами движения и от других глаголов), стоящем на месте старого supin'а, дополнение стоит обыкновенно в родительном падеже, лишь иногда заменяясь винительным.

Примеры.

Идзи́ дзицáтки шукáць (Росуха, М. Н. К., 63), прышóў мíлый травы́ касíць (Водвинка, ib., 62), лёну брать (Шапочка, ib., 63), паéхаў мой мужы́к гарóду пахáць (Задубенье, ib., 64), идзи́ квасóли садзíци (ib.), идзíця вы у пóля зилянóга жы́та глядзéци (Гарцево, ib., 41), ци ня прíдя дявчóначка вады́ рáнo брать (А. Д. Н., Гарцево, 50), пашлí. . . ры́бачки лавíть (А. Д. Н., Абаринки, 81), лезь на дýба (ib., 93).

Отмечу наиболее часто встречающийся оборот с родительным падежом: сяне́й забы́ў замкну́ць.

То же и в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 3, стр. 139) и в украинском языке (О. Курило. Op. cit., стр. 53—55).

б) При глаголах: шука́ць, пыта́ць, вы́пытаць и некоторых других дополнение ставится в родительном падеже.

Примеры.

Шука́й сабе́ пани́начки таки́я, як сам (Горяны, М. Н. К., 15), у яго́ пра́ўды вы́пытаю (Жуково, М. Н. К., 74), шука́ла сваё ро́дныя мати́ (А. Д. Н., Абаринки, 64). Особенно часты такие родительные падежи в выражениях: пыта́е яго́ ума́; ума́ майго́ прахо́де.

в) При ряде глаголов родительный падеж единств. числа неодушевленных имен мужеск. рода стоит вместо винительного.

Примеры.

Ве́тяр ду́ба шата́я (А. Д. Н., Абаринки, 68), таго́ ду́ба сяку́ть (ib., 72), пасо́дють на мне зялёнага ду́ба (ib., 73), чахо́тки папа́ў (получил чахотку, ib., 83).

Таковы же: даў рубля́, на ду́ба паляце́ла, ўкараці́ць свайго́ ве́ку и т. д.

Примечание. Именам женского рода такие родительные падежи при тех же глаголах неизвестны, например: пасо́дють на табе́ бе́лаю бярёзу (А. Д. Н., Абаринки, 73).

Сравни другие белорусские говоры (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 3, стр. 141—142), украинский язык (О. Курило. Op. cit., стр. 96—97) и великорусский язык.

г) При глаголе *сьмя́яцца* объект смеха ставится в родительном падеже с предлогом *с* (з): сьмяю́цца з яго́, з іх сьмяю́цца, сьмяю́цца з мяне́.

То же в белорусском (акад. Е. Ф. Карский. «Белорусы», т. II, в. 3, стр. 195) и украинском языке (О. Курило. Op. cit., стр. 94—95). Свойственного украинскому языку употребления в этом случае дательного падежа без предлога (ib.) в Северско-белорусском говоре нет. В Северско-белорусском говоре равноправны и, пожалуй, более употребительны такие сочетания, как: кала мяне́ сьмяю́цца, кала яго́ сьмяю́цца, яны́ кала нас сьмяя́ліс ь и т. д.

Примечание. В сборнике сказок А. Афанасьева № 6 в подобных случаях встречается творительный падеж с предлогом над: «насмия́вшись над на́ми»; в разговорной речи такая конструкция малоупотребительна.

д) Для обозначения места и лица, к которым направляется действие, нередко ставится родительный падеж с предлогом *да* (до) вместо дательного с предлогом *к* и винительного с предлогом *у* (в). Родительный падеж с предлогом *да* ставится также и вместо наречия *дамóй* (домóй).

Примеры.

М. Н. К. Да дóму (Росуха, 32), да мúлыя, да сваé (ib., 38), да цéрькви ишлá (ib., 95), да дóму (Водвинка, 19), идзéць да бабýсячки (ib., 33), да дóму паéдзя (ib., 34), прыéхаў да дóманьку (Задубенье, 64), пайшлá да дóму (ib.), зьвярнúтесь да дóму (Берновичи, 85) да сваёй Пятрóўны (Бородинка, 35), паляцéли да рэ́чки (ib., 53), паляцéли да крынúчаньки (ib.), прышлú вéсци да мáчыхи (ib., 57), прышлú вéсци да рóдныя мáци (ib., 58), да майгó двара́ (ib., 102), да цябé я прышлá (Жуково, 75), ни да рéчки, ни да вóзяра (Гриденки, 52), да глыбóкаго калóдзизя (ib.), ён да мянé хóдзя (Михайловск., 60), ни хади́ да мянé (Погар, 109), я да тябé бýду хадúти (Мглин, 112).

У А. Д. Н.: ни литáй. . . да мянé (Гарцево, 31), пайдý да крáснай дявчы́ны (ib., 32), пайдём да пáна (ib., 35), паéду да Мáшыньки (ib., 35), ў гóсти да мянé (ib , 40), вядýть дéвку да винцá (ib., 44), хадúла да чулáна, да чулáна нóвага (Абаринки, 71), бýду да тябé хадúть (ib., 71), ӓправúли да тюрьмы́ (ib., 75), пóйдиш да шынкý (ib., 77), ни прúду да вас (ib., 83), éхать да винцá (Семешково, 114) и т. д. и — пашлá йнá до дóму (Гарцево, 28), панёс да дóму (ib. 35), пустúў да дóму (ib.), з вýлицы да дóму (ib., 47), придý я до дóму (Ильбово, 105), придú ты да дóму (ib.).

То же и в сказках, записанных А. Н. Афанасьевым в Погаре: пашлá да каваля́, да падрýжак (№ 4), паéхав да другóй, (№ 6), приéхаўши да шатрá, пашóў да крынúцы, пашóв да бáбы, лятú да маёй жóнки (№ 14), пашóў да папá, сабирáўся да цéркви (№ 31), пашлá да дóму (№ 14).

У Е. Якушкина: Гей, женá, да дóму (Погар).

Сравни украинский язык (О. Синявский. «Украинский язык», 88).

Однако подобные обороты не обязательны: на ряду с ними в разговорной речи весьма часто употребляется дательный падеж с предлогом *к* и винительный с предлогом *у* (в). То же находим и в записях М. Н. К., А. Д. Н. и в сказках А. Н. Афанасьева.

Примеры.

К гарадóчку (Росуха, М. Н. К., 79), к рéчаццы Дунáю (Водвинка, ib., 57), к ручаёчку (Бородинка, ib., 69), панёс ка двару́ (Жуково, ib., 100), к мáтушцы (Шапочка, ib., 65), ка мне (Невзорово, ib., 90; Клинцы, ib., 103), к Дунáй-рэ́чки (Манюки, ib., 92), к нам трóя гастéй (Погар,

ib., 108), падайдú к майму́ двару́ (Гарцево, А. Д. Н., 37), падыжджáя ка двару́ (ib., 39), прилитáй ...ка мнé (ib., 47), ка мнé хóдиш (Абаринки, 70); в сказках А. Н. Афанасьева: прихóдя к хáте (Погар, № 14), пашлá к дýбу, пашлá в цéркавь, паéхав у цéркавь (ib.), пашлá у канюшню (ib.).

е) Обычны родительные падежи времени, например: тагó гóду, тагóж чáсу; тагó лéта, як мой бáцька памёр, тагó ж вéчара, аднагó рáзу и т. д.

ж) Родительный падеж нередко употребляется в своеобразном сочетании, в выражении: «прашчайте ат вас». М. Н. К. также отмечает его в мещанском говоре г. Погара: «об étам прощáйтя, да свидáния ат вас» (106). В крестьянских говорах такие сочетания встречаются реже.

Дательный падеж.

а) В сочетании с глаголами приветствия ставится дательный падеж лица, таковы, например: здарóў тябé, дявчы́начка (А. Д. Н., Гарцево, 72), драстуй табé, служы́вы (ib., Абаринки, 94), здрáстуйтя вам (М. Н. К., Погар, 106). На ряду с «драстуйте» употребляется и «здарóвенькі», чаще однако в ответ на приветствие.

Подобные обороты одинаково употребительны в городской и крестьянской речи.

Примечание. Довольно распространен в городских говорах дательный падеж в своеобразном сочетании: «слýхайте мне сюды́» (послушайте меня). В записях он встречается только у М. Н. К. — отмечен ею в Погаре (106).

б) Для обозначения места, куда направлено движение, в записях М. Н. Косич встречается дательный (по форме) падеж с предлогом *у* от слова *двор*: у двóру прышлá (М. Н. К., Шапочка, 98), пашлá янá у двóру (ib., Михайловск, 60). Подобные обороты встречаются нечасто.

Возможно однако, что здесь вин. пад. ед. числа, образованный по аналогии со словами женского рода на *а*, или остаток старины.

То же и в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 152). Сравни южновеликорус. говоры Обоянского уезда Курской губернии (записи А. С. Машкина в «Материалах по этнографии Курской губернии»).

Винительный падеж.

а) В некоторых случаях сохраняется в Северско-белорусском говоре старая форма винительного падежа множественного числа: от имен одушевленных предметов, иногда и лиц, винительный падеж иногда равен современному именительному (а не родительному) падежу множественного числа

Примеры.

Прамяня́ў быкі́ на бара́ны, ко́ні таргу́я, пагна́ў каро́вы (в последних двух примерах возможен и винительный, равный родительному) и некоторые другие.

Единичные примеры встречаются у М. Н. К. и А. Д. Н.: заўём вяно́чки мы на ўсі́ святы́я (М. Н. К., Водвинка, 54), паéхаў я на па́ри ко́ни (А. Д. Н., Гарцево, 59), за мной паслы́ шле (ib., Ильбово, 98).

Сравни другие говоры белорусского языка (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 141).

Сравни украинский язык (О. Курило. Op. cit., стр. 97—98).

б) При отрицании *не* винительный падеж не всегда переходит в родительный, например: не 'ставля́й мяне́ адну́, ня бі́ Пара́ску, ня взя́ў сваю́ жо́нку дамо́ў и некоторые друг. Такие обороты однако нечасты.

в) Весьма обычен винительный падеж времени с предлогом *у* (в) и без него: у ле́та, у во́сень, у зі́мку, у дзе́нь і ў ноч (в последнем примере нередок и творительный падеж: днём і но́ччу), ў е́ту во́сень яго́ взя́лі ў салда́ты, то́я ле́та ён хадзі́ў на за́рабаткі.

г) Менее распространен винительный времени с предлогом *за:* тро́ба скасі́ць за пого́ду; вхо́дя ўмёршы за два́ гады́ му$^{ш}_{ж}$ (Гарцево, А. Д. Н., 61).

д) Реже употребляется винительный места (без предлога) в таких выражениях, как: изде́ по́ле, е́дзе по́ле и подобных им. Чаще однако здесь творительный падеж.

Единичные примеры приведены и у М. Н. К.: идзе́ по́ля, йдзе́ друго́я (Росуха, 75), прышло́сь дзе́ўкам Дуна́й плысць (Бородинка, 57).

Сравни другие белорусские говоры (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 133—134) и украинский язык (О. Курило. Op. cit., 109).

е) Почти исключительно употребительны сочетания винительного падежа с предлогом *у* (в) или *па* (по) и глагола *пайці* и подобных ему: пашла́ ў я́гады, ў. грыбы́, ў мали́ну, ў смаро́дзіну или: па я́гады, па грыбы́, па се́на, па мя́са, па авёс, па ваду́ и т. д.

Примеры в записях немногочисленны: пашлі́ дзе́ўки у я́гадки... да ў чо́рную смаро́дыню (М. Н. К., Бородинка, 57), паéду... па ту́ю Луки́рку кра́сную (ib., Водвинка, 20).

Примечание. В городах употребительны иногда сочетания с творительным падежом и предлогом *за*, например: за карасі́нам, за спі́чкамі, за сбллю и т. д. Нередко подобные сочетания проникают и в говор деревни.

Сравни другие белорусские говоры (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 189); сравни западные говоры украинского языка (О. Курило. Op. cit., стр. 105—106); сравни переходные украинско-белорусские говоры («Известия Отд. рус. языка и слов.» Акад. Наук. 1898, т. III, кн, 3).

ж) При глаголе *ваява́ць* объект действия ставится в винительном падеже без предлога: не́мца, ту́рка ваява́ць и т. д.

Есть один пример и у М. Н. К.: «хо́ча з на́мы... ту́рка ваива́ць» (Берновичи, 85).

Сравни в украинском языке: «козаки воювали татар...» (О. Курило. Op. cit., 101).

Творительный падеж.

При глаголе *гнаць* ставится творительный падеж вместо винительного; обыкновенно этот оборот встречается во фразе: «канём го́ня».

Единичные примеры есть у А. Д. Н.: а я бу́ду канём гна́ти (Гарцево, 28), Хве́дячка канём го́ня (ib.).

Выражение отрицания.

Отрицание обыкновенно выражается словом *нама́* и реже производными от него: нама́ша, нама́шацькі, нама́шака, например: нама́ хле́ба, нама́ се́на, намаша́цькі яго́ там. В отрицательных ответах на вопрос употребляются эти же слова или отрицание *не*.

Примечание. У М. Н. К. в единичном случае (в песне, сочиненной 20-летним парнем) встречается *нет*: «на ву́зинькай па палбсцы нет ни ме́ха, ни карто́шки (Росуха, 77), но в живой речи оно не употребляется не только в деревнях, но и среди той части городского населения, у которой нет стремления говорить русским литературным языком.

Употребительны и образные выражения отрицания: ні ка́пелькі, ні крбшачкі, например: ні ка́пелькі ня сты́дна ямў, ні крбшачкі ты ня лю́біш мяне́ и т. п.

При наличии в предложении отрицания *нама́* весьма обычно употребление с ним косвенных падежей местоимений *хто* и *што* без отрицания *не*: ня́ма каго́, нама́ чаго́ глядзе́ць, нама́ каму́ сказа́ць, нама́ чым хвали́цца и т. д. Таково же и — нама́ куды́ и т. д. Это однако не исключают и сочетания с *не*: не́каму, не́чым, не́куды и т. д. Ср. другие белорусские говоры (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 207).

Выражение вопроса.

а) Одним из наиболее обычных способов выражения вопроса является употребление частицы *ці*, ставящейся в начале предложения, например: ці нямá яго́ у вас? ці ня ба́чылі вы, куды́ ён пабе́г? ці ня ба́цька твой здурэ́ў?

То же и при двух, взаимно исключающих друг друга вопросах: ці жыў ён, ці памёр? ці по́йдзіш ты, ці не?

б) При вопросе о причине и цели действия употребительны формы родительного и дательного падежей местоимения *што*: *чаго* и *чаму*, иногда *ча*: чаго́ ты з ім во́зішся? чаго́ ты стаіш? чаму́ вы няйдзіцё? чаму́ ты ня ска́жаш яму? чаму́ цябе́ ма́тка мало́га не задавіла? ча ж ты е́та стаіш? и т. д. То же в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 210—211).

Примечаніе. Более в песенной, чем в разговорной речи, в вопросах о причине и цели употребляются также *учо́м* или *чом*, например: учо́м ты ни цвіла́? (М. Н. К., Бородинка, 102), учо́м за́муж ни йшла́? (ib.), учо́м ты халасты́й? (ib.), учо́м ня хо́дзиш на ву́лицу? (Лупеки, ib., 72), чом ты, кава́ль, . . . ни куе́ш (ib., 80), учо́м на табе́ му́лка спаць (Платково, ib., 81), учо́м ты, Ва́нька, разбясо́висный ты стаў (ib.), учо́м салда́та ни люби́ть (Бороздинино, ib., 105), чом ты, Иванюша, ня ве́сил (А. Д. Н., Гарцево, 33).

Безличные предложения.

а) Сравнительно часты (чаще, чем в русском языке) бессубъектные предложения с предикатом в форме причастия среднего рода страдательного залога настоящего и прошедшего времени, например: панатаска́на гря́зі, чаго́ то́лькі туды́ не панаклада́на, да сіх пор забо́ра не загаро́джана, за маё жыта да мяне́ і набіта.

Сравни другие белорусские говоры (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 15—16); ср. украинский язык (О. Курило. Op. cit., стр. 120—121; О. Синявський. «Украинский язык», стр. 81—82).

б) Весьма распространены безличные по существу предложения с формальным подлежащим, выраженным местоимением 3-го лица един. числа среднего рода, напр.: відно́ што яно́ раздаждзіцца, мо́жа яно́ распаго́дзіцца, мо́жа яно́ на е́там і акашы́цца, як яно́ апя́ць нахма́рыла и т. д.

То же и в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 12) и в украинском языке (О. Синявський. Op. cit., 82—83).

Примечание. Подлежащее из этой формы часто заходит и в полные предложения: хоць янó і трýдна учы́ цца; янó ýжо и спаць лю́дзі палягліˊ; янó ýжо і ноч прайшлá, і дзéнь наступíў; бáчыце, янó як мяне́ ўзя́лі и т. д. Сравни украинский язык (О. Курило. Op. cit., 133; О. Синявський. Op. cit., стр. 83).

Сложное предложение.

В сложном предложении отмечу весьма распространенный способ подчинения предложений при посредстве союза *што*: а йдзе́ ж тая липи́начка, што лы́кі дзеру́цца. а йдзе́ ж та́я дзяўчы́начка, што лю́дзи смяю́цца (М. Н. К., Росуха, 47), пра ту́ю дяўчóначку, што чóрныя бровы (ib , Погар, 110), тэй двор, што нóвыя сéни (А. Д. Н., Гарцево, 26), сабáка злéзя, што на скры́ни (ib., Абаринки, 93), гусáк, што лятúть адзáду (А. Н. Афанасьев, Погар, № 4 в) и т. д.

Из других способов наиболее употребительно сочетáние с местоимением *які́(й)*. Встречается оно и в записях: там висéв змей, яки́й хатéв сúлаю взять за себе́ зáмуж Анастáсию (А. Н. Афанасьев, Погар, № 6), не вы́шав из лéсу, па якóму ямý трéба былó иттú (ib.).

Падежные формы в соединении с предлогами.

Собственно предлоги и предлоги-наречия по своему происхождению, употребляемые только с *родительным падежом:* апры́ч, ат, без, вакру́г, да, длі (для), із (з), із-за, із-пад, замéст, калá, крóмі (и акрамя́), мíма, напро́цi, напярёд (и напéряд),[1] папярёк (и пóперяк), пóсьлі (и пасьля́), прамéж, прóцi (-ў), рáдзі, сéряд (и сярёд), у, упярёд (и упéряд), ýмéста.

Примечание. Преимущественно в песнях и реже в разговорной речи употребляется предлог *край*: палажы́ли сы́на край дарóжки, а нявéстачку край дали́начки (М. Н. К., Бородинка, 89), край Дунáю палóтны бяли́ла (Росуха, ib., 101), у чы́стам пóли край дарóжки (х. Александровка, ib., 90), ягó нóжачки край дарóжачки (А. Д. Н., Гарцево, 33), палажы́ў край акéнца (ib., 37), лигла́ край дарóжачки (ib.), у пóли край дарóги (ib., 44), палóжуть мяне́ край грани́чаньки, палóжуть тябе́ край дарóжачки (Абаринки, (ib., 73), пастáвлю я хáтачку

[1] Здесь и в других аналогичных случаях нарушается белорусская орфография.

край вады́ (ib., 76), сав'ю́ гняздо́ край дарóжачки (ib., 87), сяду́ я... край дарóжачки (Ильбово, ib., 100), ёсть ў пóли край дарóги суха́я игру́шыца (Семешково, ib., 116).

Реже употребляется в песнях предлог *канцы*; в разговорной речи он крайне редок: канцы́ гарóда, канцы́ сяла́.

Об употреблении предлога *да* (до) уже было сказано в отделе «Особенности употребления падежей».

Предлог *із* чаще встречается без начального гласного, в виде *з* и нередко смешивается с предлогом *с*; то же и в сложении с предлогом *пад*.

Примечание. Больше в песнях встречается предлог *лі* в значении *возле, подле*.

«Што-й дли ты́я парадзи́льницы
Да сядзе́ла да бабу́синька» (М. Н. К., Бородинка, 35).

С таким же значением иногда употребляется этот предлог в сокращении: *лі, ля*.

Предлоги только с *дательным падежом*: к.

Об употреблении предлога *к* смотри в отделе «Особенности употребления падежей».

Предлоги только с *винительным падежом*: пóўз (паўз), пра, скрозь, чéряз (чаще тéряз).

Например: паўз ха́ту, паўз мяне́, пóўз забóр и т. д.

Примечание. Предлог пóўз (паўз) употребляется исключительно с винительным падежом. В других белорусских говорах он обычен с родительным падежом и лишь в некоторых случаях с винительным (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 171).

Предлог *пра* в значении *о, об* и реже *для* является весьма употребительным, например: гавóре(я) пра мяне́, пра ягó жану́, берягéць пра вялíк дзень, пра вялíкае сьвя́та (большой праздник), пра ліху́ю гадзíну.

Иначе в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 193); ср. украинский язык (St. Smal-Stockyj und Th. Gartner: «Grammatik der ruthenischen (ukraïnischen) Sprache», стр. 441; О. Синявський. Op. cit., 88).

Предлог *чéряз*, кроме обычного пространственного и временного значения: чéряз сад, чéряз лес, чéряз сяло́, чéряз год, чéряз час и т. д., часто употребляется в причинном значении, например: усё чéряз яé пагíбла, прапаў чéряз бáбу, чéряз бáбу ўсё зло́ и т. д.

Предлог *скрозь* употребляется только с винительным падежом; употребления его и с родительным падежом, известного другим белорусским говорам (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 3, стр. 194), в Северско-белорусском говоре нет.

Довольно часто предлог *скрозь* заменяется предлогом *чэ́рэз*; *скрозь* обычно встречается в таких выражениях, как — як скро́зь зямлю́ правалі́ўся.

Предлоги только с *творительным падежом*: над и пе́ряд.

Предлоги только с *местным падежом*: пры.

Предлоги, требующие *родительного, винительного* и *творительного падежа*: с.

Предлоги, требующие *родительного* и *творительного падежей*: меж, ме́жду, памі́ж (изредка паміз).

Предлоги, требующие *дательного, винительного* и *местного падежей:* па.

Предлоги, требующие *винительного* и *творительного падежей:* за, пад.

Предлоги, требующие *винительного* и *местного падежей:* аб, на, в (ў, ув). О замене *аб* см. выше.

Главшейшие сочетания при посредстве союзов и других слов.

Або́ (иногда або — або) в значении *или:* прыдў ў нядзе́лю або́ ў панядзе́лак.

Абы́ в значении *лишь бы, только бы*: няха́й п'е, абы́ на здарбу́е, абы было́ с чаго́.

Аджа в значении *ведь*: а́джа ты быў у яе́; а́джа ты ўзяў.

Аж, а́жна в значении *так что*: спужа́ўся я, аж тря́сусь увесь; слу́хаў, слу́хаў, а́жна стра́шна ста́ла; а́жна во́чы на лбо́ ле́зуць.

Ато́ в причинном сочетании: ня трбнь яго́, ато ён уку́ся.

Аўжэ́-ж в значении *конечно, да, разумеется*, преимущественно в ответах на вопрос: ці пра́ўда е́та? — Аўжэ́-ж пра́ўда.

Ба при повелительном наклонении в значении *же*: ня бі́сь ба! ідзі́ ба ўжо; глянь ба.

Бада́й часто вместо *штоб*: а бада́й вы падо́хлі; а бада́й цябе́ ліха́я гадзіна задавіла.

Бу́цам (или будта): бу́цам я ня зна́ю; бу́цам я там ня была́.

Да в противоположениях и в соединительных сочетаниях (заменяет в противоположных сочетаниях *но*, неизвестное Северско-белорусскому говору), например: знáю, да казáць ня бýду; пашóў ён, да і вярнýўся назáд; пашóў да і кáжа,

Дак в значении русского *так:* разкí тры я ягó хваціў, дак ён і ня дыхнуў (из показаний на суде).

Эгé, эé-ж в значении *да*: эгé-ж, быў ён; эгé, éта сáмая.

Затым што в значении *потому что:* прадáў, затым што грóшы нямá.

І не только в соединительном сочетании, но также иногда и для соединения противоположных сочетаний: цябé давáлі, і ты ня взяў; цябé даюць, і ты не бярэш.

Каб в значении *если бы:* каб я знáў, што ён ня вóзьме.

Калí в значении *если:* калí ня знáеш, дак і маўчы.

Мáбуць со значением *может быть, должно быть*: мáбуць янá вéдзьма; мабуць ён знáе.

Нáват в значении *даже:* нáват хлéба нямá.

Нашто́ в вопросительных предложениях в значении *зачем:* нашто́ ты ягó б'еш? на што́ табé янá?

Нятó в значении *иначе, в противном случае:* ідзí ж, нятó шкýру я з цябé спушчý.

Няўжэ́ и *няўжлí* в вопросительных предложениях: няўжэ́ éта прáўда? няўжлí ты ня мóг?

Няхáй в значении русского *пусть:* няхáй ён кáжа; няхáй бýдзе так.

Та в значении *но* иногда в соединении с *толькí:* бáчыў, та тóлькі нічóга не казáў.

Тай (иногда *дай*): узяў грóшы, тай быў такóў, пашóў дай не вярнýўся.

Так в значении *поэтому:* яго ня звáлі, так ён і не пашóў.

Такí в значении *ведь, всё-таки*: я такí казáў ямý; ён такí ўбáчыў.

Тóлькі — як, чаще *толькі што — як*: тóлькі што я ўстáў, як ён прыхóдзе і кáжа.

Хоць в значении *хотя*: хоць і мáтка я ямý, да дармá.

Часто *хоць — хоць* употребляется при исключающих друг друга понятиях: хоць так, хоць étак, а éхаць трэ́ба; хоць я, хоць ён — нихтó дармá работаць ня бýдзе.

Ці в значении *ли,* чаще всего при вопросах или при сочетании исключающих друг друга понятий: ці спáў ты сягóньня? ці пóйдзеш ты? ці чýлі вы? ці п'яны(й), ці дурны(й), ці саўсім сумашэ́ччы(й).

Ці што в значении *что ли*: даў ба ямý рублí два ці штó.

Чамý и *чаó* в вопросах о причине и цели. Смотри в отделе «Выражение вопроса».

Чы́мся в значении *чем*: чы́мся рабíць за такíя грóшы, дак лýччы на пе́чы праляжáць.

Што в сочетаниях, находящихся в различных друг к другу отношениях. Отмечу *што* в сравнительном сочетании: адзе́нецца, што твой пан.

Як в значении *как*: шата́ецца, як не ўпадзе́ць.

Як в соединении с *бы* в значении *если бы, когда бы* и т. д.: як-бы я зна́ў, дак зро́ду не пашóў бы; як-бы вы чýлí, што яна́ каза́ла.

УДАРЕНИЕ.

Ударение в Северско-белорусском говоре в огромном большинстве случаев представляет особенности белорусского ударения. В частности оно сходно с ударением говоров соседней с ним бывш. Могилевской губернии, но представляет и явления, отличающие его от них. Пользуясь отчасти приведенным у акад. Е. Ф. Карского (т. II, в. 1, стр. 508—518) перечнем слов, составленным на основании словаря Носовича и ответов на белорусские программы, укажу слова белорусской Северщины, отличающиеся от слов бывш. Могилевской губернии по ударению:

абó (Северско-белорусск.)	.....	а́бо (словарь Носовича).
аржаны́(й) »	.....	аржа́ный (М. Б., 4, Мог. губ.).
багнó »	.....	ба́гно (словарь Носовича).
балва́н »	.....	ба́лван словарь Носовича (в Быховском уезде балва́н).
дóчухна »	.....	дочу́хна (словарь Носовича).
заба́вна »	.....	за́бавно » »
закла́дка »	.....	за́кладка (М. Б., 4, Мог. губ., но в Быховском уезде, М. Б., 9, закла́дка).
за́пах »	.....	запа́х (словарь Носовича).
зашчы́тны(й) »	.....	за́щитный (словарь Носовича, М. Б., 4, Мог. губ.).
ку́рыца »	.....	куры́ца (М. Б., 3, Мог. губ.).
мало́дзенькі(й) »	.....	малодзе́нький (М. Б., 4, Мог. губ.).

наро́д (Северско-белорусск.)	. . . .	на́род (М. Б., 4, Мог. губ., но в Быховском уезде, М. Б., 9, наро́д).
нау́чаны(й) »	. . . . .	на́ўчаны (словарь Носовича).
п'я́ніца »	. . . . .	п'яни́ца (словарь Носовича, М. Б., 4, Мог. губ.).
рабо́таць »	. . . . .	рабыта́ць (М. Б., 4, Мог. губ.).
сьмяшны́(й) »	. . . . .	сме́шный (М. Б., 3, Мог. губ.).
со́кал »	. . . . .	сако́л (М. Б., 4, Мог. губ.).

По ударению слова эти сходны с говорами югозападной Белоруссии (см. акад. Е. Ф. Карский, ib.) или отчасти с великорусскими говорами.

На ряду с этим в отдельных словах наблюдается колебание в ударении: барада́вка и баро́давка, за́гадка и зага́дка, заку́ска и за́куска, за́сланка и засло́нка, за́кладка и закла́дка, за́шчэпка и зашчэ́пка, загво́здка и за́гваздка, і́мя и імя́, калясо́ и ко́леса, каўза́нца и ко́ўзанца, ко́ршун и каршу́н, ма́лы(й) и малы́(й), напе́ряд и напярёд, по́тым и пато́м, сівізна и сівізна́, упе́ряд и упярёд и т. д.

Причины этого колебания те же, что и в других говорах белорусского языка (см. акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 507): вызваны они главным образом влиянием соседних говоров Украины и Великороссии. Однако это влияние невелико и ограничивается лишь отдельными словами.

В частности Северско-белорусскому говору не известен переход ударения с имени существительного на предлог в тех случаях, в каких это явление свойственно великорусским говорам (см. проф. Н. Н. Дурново. «Описание говора деревни Парфёнок», 109—111) и лишь отчасти некоторым белорусским (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 543—544). Влиянием аналогии других падежей, наоборот, ударение удерживается на том слоге, на котором оно было в именительном падеже. Таким образом употребительны следующие ударения: за руку́, за нагу́, на ваду́, па мо́рю, па по́лю, на руку́, на нагу́, на ряку́, за ряку́, за ру́кі, за но́гі, на гря́зі, пад гару́, пр і сме́рті и т. д. Ср. южновеликорус. ударение (В. И. Чернышов. «Русское ударение», стр. 60).

Наоборот, в именах существительных, соединенных с предложными приставками, в ряде слов ударение переходит на приставку: за́клік, за́цішак, пры́казка, ро́згляд, за́раз, за́відна, за́гадзя, за́крутка, за́сек, нядзі́мка, пры́гавар, пры́дача, пры́данае.

То же и в других говорах белорусского языка и в южновеликорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 539—540; В. И. Чернышов. «Русское ударение», стр. 60—61).

В глаголах, соединенных с предложными приставками, также наблюдается колебание между формами с отсутствием перехода ударения и формами, меняющими ударение. С одной стороны, в глаголах, соединенных с приставками: во-, воз-, вы-, ударение переходит на приставку: вóзьмеш, вóйдзем, вóзьмуць, вóйдуць, вóзьмеце, вóйдзеце и т. д., а с другой — в ряде глаголов с другими приставками ударение не переходит на приставку, например: памёр, прадáў, заняў, прыняў, запёр, наняў, абняў, пачáў, пражы́ў, перадáў, перялі́ў, аджы́ў, прапі́ў, праклáў.

То же касается и отрицания *не*, стоящего пред глаголом.

Наконец, в ряде глаголов, соединенных с приставками, ударение также не переходит на приставку, но, сравнительно с глаголами без приставок, отодвигается на один слог к началу, на коренной гласный, например: прыстóяць, прастóяць, падвóдзіў, прывóзілі, аглéдзіўся, вскóчыў, саскóчыў, захóдзіў и др.

В изменении слов без приставок отмечу следующее явление. Под влиянием именительного падежа единственного числа в ряде слов ударение удерживается в косвенных падежах единств. и отчасти и множ. числа на том же слоге, напр.: именит. пад. бáлаўнік, крэ́мень, абýх, хрэ́бет, ячме́нь и некоторые другие; род. падеж — бáлаўніка, крэ́мня, абýха, хрэ́бта, ячме́ня; дат. падеж — бáлаўніку, хрэ́бту, ячме́ню и т. д.; множ. число, имен. пад. бáлаўнікі, крэ́мні, абýхі, хрэ́бты, ячме́ні; род. пад. бáлаўнікаў, крэ́мняў, абýхаў, хрэ́бтаў, ячме́няў и т. д.; иногда также и хрябты́, хрябтóў и т. д.

В некоторых говорах белорусского языка в большинстве этих слов ударение, начиная с родит. пад. единств. числа, переходит в единств. и множ. числе на окончание (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 547).

В словах *вóлас* и *пíсарь* в именит. падеже множ. числа сохраняется ударение на том же слоге, на каком оно было в единств. числе, а в косвенных падежах переносится на окончание — вóласы, пíсары, валóс, валасáм, пісарóй, пісарям и т. д.

В словах: бог, дзед, арэ́х, пан в формах множ. числа ударение переносится на окончание: багí, дзяды́, аряхí (нередко также и арэ́хі), паны́ и др.

Ударение на окончании имеет также во множ. числе и слово *воўк*: ваўкí, ваўкóў и т. д., а в единств. числе: вóўк, ваўкá, ваўкý и т. д. То же и в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 550—554).

В словах среднего рода, кроме немногих случаев, ударение во множественном числе не бывает на окончании: во́йскі, дро́вы, ле́ты, бало́ты, варо́ты, до́латы, во́блакі, сло́вы и т. д., но маря́, паля́. Несколько иначе в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 553), но, с другой стороны, и там имеются, правда, немногочисленные отступления.

Слова женского рода с ударением на окончании под влиянием форм именительного и других падежей единств. числа сохраняют его в винит. падеже единств. числа: руку́, нагу́, ряку́, ваду́, бараду́, галаву́, зіму́, вярбу́, гару́, зямлю́, расу́, саху́, сцяну́, цану́, дачку́ и др. То же и в других говорах белорусского языка (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 556). Сравни южновеликорусские говоры (В. И. Чернышов. «Русское ударение», стр. 58, 59).

Отступлений от этого положения, известных в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 557—558), в Северско-белорусском говоре нет.

Слова *кроў* и *грязь* во всех косвенных падежах сохраняют ударение на корне: кро́ў, кро́ві, кро́ві, кро́ўю, кро́ві, грязь, гря́зі, гря́зі, грязь, гря́зьзю, па гря́зі. Иначе в Могилевских говорах: кро́ў, -ві́ (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 559).

В производных именах существительных ударение нередко остается на том же слоге: бо́ндарыха, зло́дзей, мо́ладзеж (преимущественно в городах), но более многочисленны такие, как: ткачы́ха, панамары́ха, купчы́ха и т. д.

В ряде имен ударение преимущественно на первом слоге: до́ска, до́лата, ба́лаўнік, кро́мень, ро́мень, тво́раг, кла́дзьбішча и др.

В именных формах имен прилагательных ударение в женском и среднем роде единственного числа, а равно и во множ. числе остается на том же слоге, на котором оно было в мужеском роде, т.-е. на основе: глуп, глу́па, глу́пы, стар, ста́ра, ста́ры, вялі́к, вялі́ка, вялі́кі, дзе́шыў, дзе́шыва, дзе́шывы, п'ян, п'я́на, п'я́ны.

Примечание. Формы женского и среднего рода в силу аканья совпадают.

В ряде имен прилагательных сложного склонения удерживается ударение именных форм, например: бо́сы(й), про́сты(й), то́ўсты(й), сле́пенькі(й) и т. д., но с другой стороны — мало́дзенькі(й) (реже, преимущественно в песнях маладзе́нькі(й)), мале́нькі(й), а также и ма́ленькі(й) и т. д.

В ударении глагольных форм отмечу переход ударения, начиная со 2-го лица единств. числа настоящего времени, с окончания на основу: га-

варю́, гавбры́ш, гавбре(я), гавбры́м, гавбры́це, гавбрю́ць, прашчу́, прбсьціш, прбсьце, прбсьцім прбсьціце, прбсьцюць; таковы же: раджу́, рбдзіш, рбдзе и т. д., дзяржу́, дзе́ржыш, дзе́ржа, дзе́ржым, дзе́ржыце, дзе́ржуць. Последний глагол (дзяржу́) встречается и с ударением на окончании — дзяржы́ш, дзяржы́ць и т. д.

Ударение на окончании имеют во 2-м лице единств. числа нетематические глаголы *дам* и *ем*: дасі́, ясі́, дасьцё, ясьцё.

Из тематических глаголов отмечу с ударением на окончании 2-го лица множ. числа: сьпіцё, ідзіцё, вядзіцё, вазьміцё и некоторые другие (иногда также и гаварыцё). Формы с таким ударением употребляются преимущественно в городском говоре. Сравни такие же ударения в югозападных белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 569).

В формах прошедшего времени ударение в женском роде оказывает иногда влияние на другие формы единств. и множеств. числа, вследствие чего имеем: быў, была́, было́, былі́, жыў, жыла́, жыло́, жылі́, даў, дала́, дало́, далі́, взялі́, лілі́, клялі́, началі́, пілі́ и т. д. и с другой стороны — бра́ла, гна́ла, жда́ла, іка́ла, гна́лі, жда́лі, іка́лі. То же и в других белорусских говорах (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 571) и в украинском языке (см. О. Синявський. Op. cit., стр. 75; Ogonowski. «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache», стр. 228). Нередко, впрочем, во множ. числе от глаголов: дань, нача́ць, взяць можно слышать, преимущественно в деревнях, формы с ударением, аналогичным в муж. роде: да́лі, нача́лі, взя́лі, но в среднем роде единств. числа ударение исключительно на окончании.

В формах деепричастий настоящего времени ударение никогда, кроме песен, не бывает на окончании: хо́дзючы, се́дзючы, ле́жучы и т. д. Лишь *ідучы́* имеет ударение на окончании. Несколько иначе в других белорусских говорах, где оно преимущественно на окончании, хотя возможны здесь и случаи с ударением на основе (акад. Е. Ф. Карский, т. II, в. 1, стр. 572).

В наречиях, образованных от имен прилагательных, по аналогии с ними сохраняется ударение на том же слоге, на котором оно было в именах прилагательных, например: далёка, глубо́ка, лёгка, цёмна, цёпла и т. д. при прилагательных: далёкі(й), глубо́кі(й), лёгкі(й) и т. д.

В сложных наречиях, в состав которых входит предложная приставка, ударение обыкновенно переносится на приставку: за́раз, за́відна, зда́лека, за́гадзя, на́дта.

Отдельно отмечу: учо́ра, і́начы, ваччу́.

Особенности ударения некоторых других слов см. в словаре.

СЛОВАРЬ.

Слова, встречающиеся преимущественно в бывших северных уездах Черниговской губернии.

Примечание. Буквы А. Ф. П. и М. В. У., стоящие после слова, указывают, что слово и его значение целиком или частично (после *точки с запятой*) взято мною у А. Ф. Полевого или М. В. Ушакова.

А.

аба́бак — гриб березовик; куча гречихи (М. В. У.).

аба́палка — крайняя доска при распилке дерева.

абгарну́ць — обвернуть.

абгатава́цца — приготовиться.

абе́руч — двумя руками.

або́ — или.

абрави́та — прямо (М. В. У.).

абро́тка — узда.

абро́тнік — бездельник.

абры́днуць — надоесть.

абцэ́нькі — клещи (А. Ф. П.).

абцугі́ — клещи.

абшчапі́ць — обнять.

абы́ — лишь бы.

абы-хто́ — кто-нибудь.

абы-што́ — что-нибудь.

абы-як — как-нибудь.

абясьці́цца — отозваться где-нибудь (А. Ф. П.).

авто́рак — вторник.

аго́ўтацца — прийти в себя.

Ада́рка — Дарья.

адгукну́цца — отозваться.

а́джа — ведь.

аддуду́рыцца — оттопыриться.

адкасну́цца — не приставать.

адку́ль — откуда.

адку́таць — открыть.

адпе́таваць — побить кого-нибудь.

адружы́цца—жениться; помолвиться (А. Ф. П.).

адту́ль — оттуда.

адуры́ць — обмануть.

адчура́цца — отказаться, отречься.

адчыні́ць — отворить, открыть.

аж, а́жна, а́жны — даже, так что.

акашы́цца — ограничиться.

акра́ец — краюшка хлеба.

акра́йка — кромка сукна.

Аксю́та — Ксения.

але́й — конопляное масло; растительное масло (А. Ф. П.).

алі́ — или.

алі́ва — деревянное масло.

амёга — кислое, солёное.

андара́к — шерстяная юбка.

аппяну́цца — обкрыться.

апу́ка — мяч из коровьей шерсти.

асе́ць — овин.

асьме́так — стоптанный лапоть или башмак.

ат — междометие для выражения неудовольствия.

ато́ра — обмолоченные колосья.

ато́ря — мелкий колос в соломе (М. В. У.).

ато́са — веревка, соединяющая оглоблю с осью.

Атро́х — Трофим.

атру́та — отрава.

аўжо́ж — конечно, да.

аўто́рак — вторник.

ахля́лы(й) — ослабевший.

ацьцён — отсечение.

ачу́ніць — прийти в себя.

Б.

баба́хнуць — упасть, шлепнуться.
баби́ны—угощение, пирушка по случаю рождения ребенка.
ба́біць — принимать ребенка.
баги́ — иконы.
бага́та — много.
багно́ — болото; неубранная постель.
бада́й — чтоб.
ба́йды біць — бездельничать, заниматься пустяками.
бажаво́ліць — дурнеть, свихнуться.
бажа́ць — хотеть.
бази́каць — болтать, разговаривать.
байстря́ } внебрачный
байстрю́к (-у́к) } ребенок.
ба́кі забіць — переговорить, убедить кого-нибудь.
бако́ўка — дверка в печи.
бала́ба — род рыбы (А. Ф. П.).
балабо́ны — бубенчики (М. В. У.)
балагу́ла — крытая повозка.
балазе́—благо, хорошо; возле (М. В. У.); мол (А. Ф. П.).
баламу́т — смутьян, возмутитель.
балмата́ць — говорить быстро, неразборчиво.
бальша́к — большая дорога.
банду́ра — музыкальный инструмент.
баране́ць — защищать.
баране́ць — см. **скарадзі́ць.**
барка́н — забор.
барыльца — боченочек.
барыцца — запаздывать.
батава́цца — возиться.
ба́ўкаць — звонить.
ба́хур — любовник.
ба́цнуць — сильно ударить.
бач — ишь, смотри.
ба́чыць — видеть.
башла́к — барышник, мошенник (М. В. У.).
бе́бехі — перина, подушки.
бі́ндзю́г — большая, глубокая телега.
блазьня́ — несовершеннолетний; глупый.
блёкат — белена.
бліскаўка, бліскавіца — молния.
бліскучы(й) — блестящий.
бо́зна-што — ерунда, пустяки.
бо́лакі — облака.
бо́ліць — увеличиваться, становиться больше.
бо́лна — сильно.
бо́ндаць — шляться без дела (А. Ф. П.).
бо́ўкала — язык у колокола.
бо́ўтала, бо́ўціла — болт; палка для пуганья рыбы (М. Ф. У.).
бо́хан — круглый хлеб.
бра́ма — ворота.
бра́хнейка — ласковое обращение к брату.
браце́нік — двоюродный брат.
бру́дны(й) — грязный.
брыдка — едко, противно.
брыд — нечистота.
брыдзе́ць — щипать (говорится о действии мыла на глаза).
брыль — шляпа.
бряжча́ць — звенеть чем-нибудь.
бря́зкаць — бряцать.
бряха́ч — врун, лгун.
бряхуне́ц — адвокат.
бу́бачка — крупинка, зернушко.
будава́ць — строить.
бу́дзе — довольно, достаточно.
бузава́цца — возиться.
бузо́к — сырень.
бу́йны(й) — крупный.
бук — боченок с небольшими отверстиями на дне для бученья белья.
бука́ты(й) — круглый.
буко́нкі, быко́нкі — ставни.
бу́льба — картофель.
булькота́ць — клокотать, булькать.
бу́рбалка — пузырь, образующийся на воде при падении в нее чего-нибудь.
буркота́ць — говорить тихо.
бурыць — разорять, разрушать.

бу́сня — аист (А. Ф. П.).
бу́ццам — будто.
бу́хтаць, бухто́рыць — лить с силой.
бы́дла — тощие домашние животные.
бы́льле — голые стебли.
бяёдаваць — уничтожать.
бязглу́зды(й) — глупый, без ума.
бяля́скі — забор из столбиков или тонких планок.
бяля́сы(й) — беловатый.

В.

ва́га — вес, значение.
ва́гам — медленно, неспеша.
вадзе́нь — овод.
вадзя́нка — кадка для воды.
важжахну́цца — ужаснуться.
ва́жка — тяжело, трудно.
ва́жыць — весить.
вазо́ўня — сарай для телег и саней.
Валасажа́р — созвездие Плеяд.
валасе́нь — нарывы на пальцах в виде прозрачного пузыря.
валаха́ты(й) — мохнатый, косматый.
валацу́га — бродяга.
ва́пна — известь.
варушы́ць — шевелить.
ва́рыва — кислые бураки в рассоле.
ва́ўка — рана.
ваўхві́ць — ворожить.
ве́ка — крышка от кадки.
ве́льмы — очень (А. Ф. П.).
ве́на — приданое.
вербало́з — ива.
ве́рчык — плетеный, посыпанный солью баранок.
ве́рьхі — верхом.
верняні́на — см. **лямешка.**
ве́хаць — мочалка для мойки посуды.
відзе́лка — вилка.
ві́лашнік, **ві́лкі** — ухват.
вір — глубокое место на реке.
вірш — стихотворение.
віршо́ўнік — мальчик, произносящий стихотворение в день Рождества или Нового года.
віскі́ — волосы на висках.
во́браць — см. **абро́тка.**
во́дгул — эхо.
во́ла — подгрудок.
во́мега — нечто очень кислое или соленое.
во́нкі — на дворе, вне избы.
во́пряткі — одежда.
во́пух — опухоль.
во́тлыг — оттепель (А. Ф. П.).
во́ўна — волна, овечья шерсть.
во́ўтарь — алтарь.
во́хкі(й) — сырой, влажный.
во́чы — глаза.
ву́дзіць — бить (А. Ф. П.).
вульля́к, ву́лей — улей.
вы́гадкі — выдумки.
вы́карабкацца — выбраться из беды.
вы́салупіць — высунуть.
вы́смажыць — выжарить.
вытрябе́нькі — выдумки, прихоть.
вы́шаць — становиться выше.
вы́шка — чердак.
Вялі́кадне — Пасха.
вярёдаваць — приверединчать.
вясе́льле — свадьба.
вятря́к — ветряная мельница.
вячэ́ра, -ать — ужин, ужинать.
вячо́ркі — вечерницы (А. Ф. П.).

Г.

га́вкаць — лаять.
гадава́ць — растить.
гадзі́на — час, время.
га́дка — думка, мысль.
гаі́ць — лечить, заживлять.
гай — роща, лесок.
га́йда — марш! вперед!
гальні́к — веник.

гаманёт — портмонэ.
гаманіць — говорить.
гамузам — сразу (А. Ф. П.).
гамула — кусок мягкого, недопеченного хлеба.
Ганна — Анна.
ганьбіць — поносить, дурно отзываться.
Гапка — Агафия.
гаплік — крючок.
гаплічка — петля для крючка.
гарба — большая телега (А. Ф. П.).
гарбуз — тыква.
гарны(й) — красивый.
гародзіна — огородные овощи.
Гаршіна — Аграфена.
гартаваць — калить железо.
гартаць — перелистывать, переверты-вать.
гарэлка — водка.
гацаць — бегать, прыгать.
гепнуцца — упасть, шлепнуться.
гідка, -і(й) — противно, противный.
гінуць — гибнуть.
гіраваць — управлять (А. Ф. П.).
гірчаць — ворчать.
гіряць — бросать, пихать (А. Ф. П.).
гіцаць — подскакивать.
гіцель — истребитель собак.
глэй — ил.
глёк — кувшин.
глузд — разум.
глузаваць — насмехаться.
гной — навоз.
гогаль — франт (М. В. У.).
годзе — довольно! перестань!
гольле — прутья, ветви.
гоман — разговор.
гонар — честь.
гайло — беспорядок.
грамада — большая куча, толпа, общество.
грошы — деньги.
грубка — голландская печь.
грыбы — губы.
грызь — грыжа.
грэбаваць — брезгать, пренебрегать.
грэмянуцца — упасть.
грюк — грохот, стук.
грюкатаць — стучать, грохотать.
грюкнуць — стукнуть, грохнуть.
грямякнуць — ударить.
гряная нядзеля — 8-я неделя после Пасхи, Русальная неделя.
гудзіць — хулить, порицать.
гук — звук (А. Ф. П.).
гукаць — звать.
гурок — огурец.
гульня — гулянье.
гурчаць — журчать.
гурт, гуртók — сборище, кружок.
гусць — плакать, реветь.
гусячы(й) — гусиный.
гутарка — разговор.
гутаць — колыхать, подбрасывать.
гутацца — качаться на качелях.

ґ.

ґанкі — крыльцо.
ґвалт — крик, шум.
ґонт — тонкие, короткие дощечки для кровли крыши.
ґрунт — почва.
ґуз — нарост, шишка.

Д.

даба — время (А. Ф. П.).
дагары — вверх ногами.
да-долу — вниз, книзу.
да-дому — домой.
даёнка — подойник.
дазаляць — надоедать.
дали — сравнит. степень от **далёко.**
далонь — ладонь.
далоў — на пол.
дарма — все равно, пусть.

дарма́ што — несмотря на то, что...
дарэ́мны(й) — бесплатный.
дасю́ль — до сих, до этих пор.
дату́ль — до тех пор.
даўба́ць — клевать.
даўжына́ — длина.
дашчэ́нту — до конца (А. Ф. П.).
двойчы — дважды, два раза.
дво́ру — домой.
дзе́жка — боченок.
дзень у дзень — каждый день.
дзесь — где-то.
джыга́ліць — жалить крапивой.
дзіва ва́цца — удивляться.
дзіві́цца — смотреть.
дзы́га — волчок.
дзюрча́ць — журчать.
длі — подле, возле, близь.
до́бре(я) — хорошо.
до́лі — на полу.
до́ня — дочь, доченька.
до́сюль — см. **дасю́ль.**
до́туль — см. **дату́ль.**
драбі́на — лестница.
дра́паць — царапать.
драця́ны(й) — проволочный.
дрот — проволока.
ду́жа — очень сильно.
ду́ля — фига; груша.
ды́баць — еле итти, чуть итти.
дзю́бка — клюв, нос.
дзяўчы́на — девица.
дзя́дзіна — жена дяди.
дзя́каваць — благодарить.

Е.

е — 3-е лицо ед. ч. наст. вр. от глагола **быць.**

Ж.

жада́ць — хотеть.
жа́ліцца — жаловаться.
жартава́ць — играть, шутить, шалить.
жа́рты — шутки, игры.
жа́чка — жнея (А. Ф. П.).
жва́кі — пережеванная пища.
жваць — жевать.
жлу́кта — кадка без крышки и дна для бученья белья.
жлу́кціць — бучить белье.
жма́каць — мять.
жма́кі — выжимки, жмыхи
жмаць — жать, давить.
жме́ня — горсть.
жо́дны(й) — каждый.
жо́нка — жена.
жо́ўкнуць — желтеть.
жах — ужас, страх.
жупа́н — кафтан из цветной материи.
жу́рба — тоска, печаль.
журлі́вы(й) — скучающий.
журы́цца — тосковать, скорбеть, печалиться.
жывіка́ — название ягоды.
жыгу́чка — крапива.
жы́жа — огонь.
жыраваць — кормить до сыта, откармливать.
жы́чка — завязка, тесёмка (А. Ф. П.).
жэ́ряб — жребий.
жэ́ўжык — подвижной, вертлявый человек.

З.

забабо́ны — суеверия.
забарса́ць—затянуть веревку в лапоть (А. Ф. П.).
за́барсьні—веревки в лаптях (А.Ф.П.).
забары́цца — запоздать.
заба́чыць — увидеть.
за́балаць — несученая нитка.
завіру́ха (-юха) — непогода, мятель, дурная погода.
за́вірта — веревка, прикрепляющая оглоблю к саням (М. В. У.).
загава́ла — неповоротливый, грубый человек.

загада́ць — приказать.
за́гваздка — загвоздка, чека.
загва́ліна — завалина.
загне́т — передняя часть печи.
задры́паны(й) — забрызганный, запачканный грязью.
задуба́ць — поднять высоко платье.
зады́шка — одышка.
зазно́ба — печаль, огорчение.
займа́ць — трогать.
закаврашы — манжеты.
закаву́лак — узкий переулок.
закаса́ць — засучить, заворотить.
закля́клы(й) — окоченелый.
закря́снуць — застрять; сделаться твердым.
заку́таць — закрыть, затворить.
замарне́ць — захиреть.
зама́шкі — конопля, идущая на приготовление холста.
замо́жны(й) — зажиточный человек.
занаду́жыць — заболеть.
запали́ць — зажечь.
запане́ць — стать барином.
за́печак — небольшое пространство между стеной и печью.
заплю́шчыць — закрыть глаза.
запо́мніць — забыть.
за́раз — сейчас.
зару́чыны — помолвка.
заручы́цца — поздороваться.
заска́біць — занозить.
за́сек — закром.
засі́ліць — поймать в силок; брать неумеренно ложкой.
засто́льлейка — место за столом.
за́ціркa — похлёбка из ржаной муки.
за́таўка — толченое сало, положенное в борщ или суп.
затрыма́цца — задержаться.
захлі́паць — заплакать.
захлі́пнуцца — захлебнуться.
захлю́паны(й) — загрязненный нижний край одежды.
за́хад и захо́д — заход солнца.
зача́врыць — захпреть.
зашчэ́пка — застежка.
збо́жжа — хлеб в зернах.
званы́ — колокола.
звы́кнуць — привыкнуть.
звя́каць — пристально, надоедливо просить.
згатава́ць — приготовить.
зго́дзіцца — примириться, согласиться.
здор — сало из внутренности кабана.
зе́начка — зрачок (А. Ф. П.).
зірну́ць — глянуть.
зло́дзій — вор.
злот — монета в 15 копеек.
злуча́ць — соединять.
злы́дні — бедность, нищета.
злюбава́ць — облюбовать.
зляка́цца — испугаться.
змага́ць — одолевать в борьбе.
зма́лку — с малых лет.
змо́віць — сказать.
зноў — снова, вновь.
знушча́цца — глумиться, издеваться.
зо́рька — звезда.
зра́ньня — с утра.
зык — крик, жужжание; овод (А. Ф. П.).
зьдзе́кі — издевательства.
зьдзець — снять.
зьдзіка́цца — издеваться.
зьні́вечыць — уничтожить, обратить в ничто.
зьні́кнуць — исчезнуть, пропасть.
зьні́шчыць — привести в убожество.
зьяць — сиять.
зю́зя — холод.
зява́ць — кричать, быть невнимательным.
зязю́ля — кукушка.
зяле́за — железо.

І.

ідзе́ — где.
ідзіць — итти.

ікаўка — икотка.
імжа́ — мелкий дождь.
імпет — напор; испорченный воздух.
інба́р — амбар.
іншы — иначе.
іржа́ — ржа, ржавчина.
ісказіцца — измениться.

К.

кава́дла — наковальня (А. Ф. П.).
кава́лак — кусок.
кава́лда — неуклюжий.
кава́ль — кузнец.
кавўн — арбуз.
каганёц — небольшая керосиновая лампа.
кадўк — злой дух.
каза́ць — говорить.
ка́йстра — мешок.
калакалўша — черемуха.
калёсы — телега.
калі — если, когда.
ка́ліва — стебли картофеля (М. В. У.).
калісь — когда-то.
ка́ліўка — ягодка; немножко.
ка́ліч — калека.
калы́ска — колыбель.
калю́жка — небольшая лужа.
каля́ды и **ко́ляды** — Рождественские праздники.
камо́ра — комната, светлица.
ка́напа — диван с жестким сиденьем.
кано́ўка — кружка (А. Ф. П.).
канічанька — коник, лошадка.
капа́ніца — мотыка.
капе́люх — головной убор.
капліца — часовня.
капцы́ — межевые столбы (А. Ф. П.).
капы́стка — мешалка в виде длинной лопаточки.
карава́й — раскрашенный и позолоченный хлеб с фигурными украшениями, раздаваемый гостям в конце свадебного вечера.
карава́йцы — пресные блины.
карагод — хоровод.
карбо́ванец — рубль.
карпе́ткі — мужские носки.
карціць — очень хочется.
каря́ўка — тряпка.
ка́таваць — истезать, сильно бить.
като́к — колесо.
каўбу́х — желудок.
каўза́цца — скользить по льду.
каўне́р — воротник.
каўта́ць — быстро глотать, не разжевывая пищи.
каўто́к — глоток.
каха́ць — любить.
кацёлка — подсолнечник.
кацяня́ты — котята.
ка́чка — утка.
ка́чкі — челюсти.
качу́лка и **кача́лка** — скалка.
кашара — скотный двор.
кашу́ля — рубаха.
квакўха — курица-наседка.
квасо́ль — фасоль.
квёцаць — замазывать (А. Ф. П.).
кватырка — форточка в окне.
квётка — цветок.
ке́люх — рюмка (А. Ф. П.).
кіла́ — грыжа.
кіта́йка — ленточка (М. В. У.).
кій — палка.
кійкі — кукуруза.
кішэ́ня — карман.
кію́шка — кукуруза.
кло́пат — пускай, пусть.
клу́нак — мешок.
кліга́ць — хромать (М. В. У.).
кля́мка — щеколда.
кнот — фитиль.
ко́дла — племя.
ко́кат — ветвь; сук (А. Ф. П.).
ко́мін — дымовая труба.
ко́птарам — с верхом, чрез край.
кравёц — портной.

кра́лі — бусы.
крам — товар.
кра́мны(й) — купленный в лавке.
кра́сачка — цветочек.
красе́лія — настурция.
кра́сіць — украшать.
кра́шанка — крашеное, пасхальное яйцо.
кра́шчы — лучше.
кругі́ — лишай.
крыга — льдина.
крыні́ца — источник ключевой воды.
крэ́глі — кегли.
крэ́гліна — кегля (А. Ф. П.).
крэ́йда — мел.
кряктаць — кряхтеть.
крямя́ны(й) — крепкий, плотный.
кря́нуцца — тронуться с места.
ку́бел — большой ушат с крышкой для хранения преимущественно женского платья.
куёўдзіцца — двигаться, ворочиться.
ку́зік — пуговица.
кужалёк — чёсаный лён.
кукобіць — лелеять, воспитывать.
кумя́чыць — бить.
ку́па — куча, собрание чего-нибудь; торф (А. Ф. П.).
купля́ць — покупать.
кура́па — лягушка (М. В. У.).
курчы́на — шест пред печью для платья (А. Ф. П.).
куса́нік — огрызок.
кут, -о́к — угол, уголок.
куцьця́ — сочельник.
ку́хлік — глиняная кружка.
кушне́р — скорняк.

Л.

лабрэ́т — здоровый, рослый парень.
ла́дкі — оладьи.
ла́йка — брань.
ланцу́г — цепь.
ла́пік — латка, заплатка.
ла́піць — латать.
ласкатаць — щекотать.
ла́сы(й) — лакомый.
ла́та — жердь.
ла́тка — большая миска.
ла́цьвіна — толстая жердь.
ле́два — едва.
ле́мбік — небольшой кувшин.
ле́мент — шум, крик.
лементава́цца — беспокоиться, шуметь, кричать.
ле́ска — ограда из тонких палочек; плетенка для подкладывания под дверь (А. Ф. П.).
ле́шіць — намечать линии во время посева (А. Ф. П.).
лі, ля — возле.
ліпе́ць — чуть-чуть держаться.
ліхама́рец — бедняга.
лі́чанька — личико.
лі́чыць — считать.
ло́жа — постель.
луна́ — отражение звука, эхо.
лу́паць — хлопать глазами.
лупа́ты(й) — с большими глазами.
луска́ — чешуя, перхоть.
лу́снуць — надтреснуться.
лу́тка — косяк.
лы́ч — рыло.
лю́лька — колыбель; курительная трубка.
лю́стра — зеркало (А. Ф. П.).
ля́бех — лентяй.
ля́да — очищенное от кореньев поле; прилавок.
ляда́чы(й) — дрянной, негодный, гадкий.
ляда́шчына — негодная, дрянная вещь.
ляка́ць — пугать.
ля́мец — войлок.
ляме́шка — кушанье в виде густого теста преимущественно из ржаной

муки; едят его с салом и коровьим маслом.

ля́скат — стук, хлопанье.

лящ — лещ (рыба).

М.

ма́буць — может быть, должно быть.

маге́рка и **марге́лка** — поярковая шляпа.

мадзі́ца — сокращенное из **маладзі́ца.**

мазні́ца — дегтярка; грязный человек.

майстрава́ць — мастерить.

ма́кацер — высокая глиняная посуда.

маку́ха — конопляные жмыхи.

маладзі́к — новолуние.

маладзі́ца — женщина.

ма́мухна — матушка.

мана́ — призрак, иллюзия.

мара́ — призрак, привидение; гибель (А. Ф. П.).

мардава́цца — суетиться, возиться.

марко́тна — печально, изнурительно.

марне́ць — пропадать, терять, хиреть.

мару́да — мямля, медленный, вялый.

маска́ль — солдат; старообрядец.

масні́ца — половица.

масо́л — кость.

ма́тка — мать.

матня́ — суета; часть брюк.

мату́зка и **матузо́к** — шнурок, тесемка.

маўля́ў — мол, так сказать.

ма́цаць — трогать.

ме́нець — становиться меньше.

мець — иметь.

мжель — мгла.

мігата́ць — мерцать.

міна́ць — проходить; проходить мимо.

міркава́ць — соображать.

мітусі́ць — перемешивать.

мліва — то, что мелется, помол.

мло́сна — дурно, тошнотно.

мло́сны(й) — томительный, расслабляющий.

млын — мельница.

мляво́та — усталость, слабость.

мля́вы(й) — усталый, слабый.

мо́ва — язык, речь.

мо́віць — говорить.

мо́галкі — кладбище.

мо́жа — может быть.

мо́тлах — тряпье, куски.

муздэ́чка — уздечка (М. В. У.).

му́ліць — надавливать, мешать.

му́лка — жёстко.

мулява́ны(й) — крашеный.

мулява́ць — красить, рисовать.

мур — каменная стена.

мурава́ць — строить из кирпича.

му́сіць — мочь.

мязе́ны(й) — крайний, меньший, младший.

мя́кнуцца — упасть.

мя́льле — отбросы пеньки, кострика.

мятлі́на — растение, растущее во ржи.

Н.

набго́м — чрез край.

набры́днуць — надоесть.

на буі́ — на открытом месте.

на́ват — даже.

навя́ліцца — навязаться.

надаку́чыць — надоесть.

надзе́я — надежда.

на́дта — слишком, черезчур.

напава́ць — напоить.

напрягу́ць — надеть.

наравіць — угодить.

нарыпа́х — со скрипом.

насе́ньне — семена.

наўве́це — на примете.

наўздагон — вдогонку.

наўзлако́ткі — облокотясь.

наўда́ку — вряд ли.

наўло́ньні — на коленях.

нахіліцца — наклониться.
нахіляць — наклонять, нагибать.
нахмáрыцца—становиться пасмурно.
начóўкі — корыто для стирки белья.
нашалóпіць — надвинуть.
нáща — натощак.
незабáрам — вскоре.
нéкалі — нет времени.
непапýшч — вроде того, как.
нéсын — приемный сын.
нікаць — соваться без дела.
ніцы(й) — скрытный, притворный.
нóйды — может быть, вдруг.
нягáдкі — хоть бы что.
нягóда — непогода.
нядзéля — воскресенье.
някрýт — рекрут.
нямá — нету, нет.
нямáшацькі — нет.
ня пустýй — не тронь! не мешай!
ня рýш — не тронь!
няўжóж, няўжэ́ — неужели.
няхáй — пусть.
няшчы́мны(й) — без масла (говорится про пищу).

П.

пабáчыць — посмотреть.
пабрáцца — пожениться.
пабуджáць — будить.
пáвадка — половодье.
павéк — во всю жизнь.
павéць — навес.
паварóзка — тесемка.
пагáліцца — зариться.
пагуля́й — подожди!
падвышáць — поднять.
падмурóўка — обкладка кирпичом.
падпяразывацца—подпоясываться.
падрáпаны(й) — поцарапанный.
падтáшпа — навес.
падýжыць — поправиться.
падýза — шлея (М. В. У.).
падчарёвак — брюхо, сало с брюха кабана.
паéчыць — испачкать.
па-за — за, вне.
пазвóннае — перезвон по покойнике.
пазычáць — одолжать; занять.
палíк — наплечник.
палíца — полка для посуды.
палóнік — разливательная ложка.
палýднаваць — есть после обеда.
палýмісак — очень глубокая, большая тарелка.
пáля — свая, столб в воде.
паляніца — род хлеба.
памáлу — осторожно! тихо!
пáмаркі — сознание.
памáцкі — ощупью.
пампýшка — лепешка, пышка.
памы́йніца — лахань.
пан — барин, помещик.
панаваць — господствовать.
панажы́ — часть ткацкого станка.
пáні — барыня.
пáнначка — барышня.
панядзéлак — понедельник.
паняначка — см. **пáнначка.**
паняць — погонять.
папілнаваць—усиленно, старательно работать.
папяля́сты(й) — пепельный.
пáрабак — молодой человек, холостяк.
парáдачка — совет.
парáдзіць — посоветовать.
парáхвія — церковный приход.
парукáцца — поздороваться.
парэ́чка — красная и белая смородина.
пасварыцца — поссориться.
пасёстра — двоюродная сестра.
пáска — кулич.
пасталы́ — лапти.
пастаньня́ — подол (М. В. У.).
пастаялка — кислое молоко.
пасудóк — судок.
папрянік — пряник.

парушы́нка — соринка.
патапа́ць — утопать.
патаро́ча — несчастье в дороге (А. Ф. П.).
патрапля́ць — попадать.
патру́шэны — черствые именины (М. В. У.).
паты́ліца — затылок.
пахаро́нка — место для прятанья чего-нибудь.
пачо́пка — веревка на ведре.
пачу́ць — услышать.
пашкра́баць — поцарапать.
пе́вень — петух.
пе́кнуць — упасть.
пе́лькі — груди (женские).
перш — сначала.
пе́нзель — кисть.
перэкана́цца — убедиться.
перля́к — испуг.
пе́цкаць — мазать, пачкать.
пе́ўны(й) — верный.
пільнава́ць — с усилием, старательно что-либо делать.
пі́пух — бутон.
пі́пуць — типун, болезнь языка.
пісклёнак — цыпленок.
пло́йма — много; род; большая семья.
плюскаць — моргать глазами.
плю́шчыць — жмурить глаза.
пля́ма — пятно.
пляхо́тка — пеленка (М. В. У.).
пляц — площадь.
пля́шка — бутылка.
по́кацца — растреснуться, удариться.
по́кут — красный угол в избе.
пол — род кровати (А. Ф. П.).
по́плаў — луг (А. Ф. П.).
по́пляч — плечо в плечо.
по́раваццa — хлопотать по хозяйству.
по́руч — рука об руку, рядом.
по́спа — мучной отвар с мелом для побелки стен.
по́ставка — нижняя часть женской рубашки.
по́стаць — место, где стоит жнея (А. Ф. П.).
по́суд — посуда.
по́ўз — возле.
по́шасць — эпидемия.
праблука́ць — проблуждать.
праглыну́ць — проглотить.
празнусьці́ць — провести (А. Ф. П.).
пра́нік — валек для белья.
пранцава́ты(й) — сифилитический, негодный, скверный.
прастругну́ць — пройти далеко.
прац — мыть на реке белье с вальком.
праха́ць — просить, приглашать.
прахо́ны(й) — ноздреватый, негустой (о хлебе).
пра́ца — работа.
працава́ць — работать.
прашка́піцца — провиниться.
про́рва — бездонная пропасть; прожорливый человек.
Про́січка — Евфросиния.
прывіта́ць — приветствовать.
прыгарну́цца — приласкаться, прижаться.
прыда́тнасць — склонность.
прыдба́ць — приобрести.
пры́зба — завалина.
пры́кліка — предлог, причина.
прыла́шчыць — приласкать.
пры́мха — прихоть.
прына́да — приманка.
прына́дзіць — приманить.
пры́печак — место перед печью.
прыпо́л — подол.
пры́сак — пепел (А. Ф. П.).
пры́скі — брызги.
прыскапа́цца — приставать к кому-нибудь.
прыскры́нак — ящичек в сундуке для хранения мелких вещей.
прыслуха́цца — прислушиваться.

прысма́кі — лакомства.
прыснуць — брызнуть.
прытулі́цца — прислониться.
прыхілі́цца — см. **прытулі́цца.**
прычыні́ць — закрыть.
прычыпурыцца — приодеться, принарядиться.
прэч — жарить.
птушка — птичка.
пу́га — кнут.
пугаўё — кнутовище.
пуко́вы(й) — темно-красный (М. В. У.).
пу́ня — хлев.
пу́шка — круглая коробка.
пу́шны(й) — мягкий.
пыл — пыль.
пыла́ць — отвеивать зерно (А. Ф. П.).
пы́рскі — см. **пры́скі.**
пырну́ць — толкнуть.
пяко́лак — часть печи, куда загребают жар.
пя́лачкі — пяльцы.
пяле́гаваць — воспитывать; бить (А. Ф. П.).
пялю́стка — кусок тонко раскатанного теста.
пярэ́брына — реберная часть.
пяхце́рь — неуклюжий.

Р.

рабі́ць — работать, делать.
ра́да — совет.
ра́ду ра́дзіць — давать совет.
радзі́начка — родные.
Ражтво́ — Рождество.
размаўля́ць — разговаривать.
разгарну́ць — раскрыть, развернуть.
размілю́сенькі(й) — очень милый, приятный.
раз'ю́шаны(й) — разозленный (А. Ф. П.).
ра́іць — советовать.
ральлё — пашня.
раманіць — слегка стучать (говорится про дождь).
ра́ньне — утро.
ра́птам — внезапно, вдруг, быстро.
раскірэ́ка — кривоногий.
раскірэ́чыць — расставить ноги.
распу́т — разврат.
растанкі и **ро́станкі** — место, где расходятся дороги.
растря́цца — расстаться.
расхры́даны(й) — с раскрытым воротником.
расшматава́ць — разорвать, растерзать на куски.
раўча́к — ручей.
рахма́ны(й) — ручной, послушный.
раху́ба — возня, хлопоты.
ро́дзічы—родственники; родительская суббота–день поминовения умерших.
ро́жа — мальва.
ро́йла — беспорядок.
рука́цца — здороваться.
рундук — ларёк.
ру́піць — беспокоить.
рыж — рис.
рып — скрип.
рыпе́ць — скрипеть.
рыхтава́ць — приготовлять.
рыштак — жолоб для стока воды.
рэгата́ць — смеяться.
рэ́зьвіны — приспособление для носки сена (А. Ф. П.).
рэ́лі — качели.
рэ́пацца — трескаться; злиться.
рюць — плакать.
ря́жка — деревянная шайка.
ря́сьсе — лохмотье.
рятава́ць — спасать.
рятуйце — караул!

С.

саката́ць — кудахтать.
саламаха — кушанье в роде густого киселя.

салёнка — вареный картофель (А.Ф.П.).
сало́дкі(й) — сладкий.
са́пка — род лопатки для полотья гряд.
сараква́ша — простокваша.
саро́ка — женский головной убор.
саро́міцца — стыдиться.
саян — юбка.
сво́лак — журавль у колодца (А.Ф.П.).
се́йбіт — сеятель.
сёлета — это лето.
селядзе́ц — селедка.
сіга́ць — шагать.
сіге́нь — шаг.
сі́кацца — ходить часто, приставать.
сіля́ць — черпать.
ска́бка — заноза.
скажэ́ны(й) — неистовый, бешеный.
сказі́цца — взбеситься, измениться.
скака́ць — танцовать,
скапа́ць — колоть.
скарадзі́ць — боронить.
скарю́чыцца — скорчиться, согнуться.
скары́нка — корка.
скачо́к — сверчок.
скі́бка — кусок хлеба.
скіго́ліць — вопить, стонать, плакать.
скі́нуцца — превратиться.
скля́ньне — битое стекло.
скна́ра — скупой.
ско́кі — танцы.
ско́рка — см. **скары́нка**.
скрэгата́ць — скрежетать.
скры́ня — сундук.
скрылёк — тонкий ломтик чего-нибудь.
скрясе́ньне — воскресенье.
скуба́ць — драть, щипать, рвать.
скуёўдзіць — смять, скомкать.
скўлка — чирей.
скўльле — чиреи.
скўсьць — см. **скуба́ць**.
слепянёк — маленькая лампочка.
слуп — столб.
сма́га — сухость губ, налет на губах от жажды.
сма́жыць — жарить, высушивать.
смак — вкус.
смакта́ць — сосать.
сма́лец — перетопленное сало; разум, сообразительность.
смаліць — обжигать.
сма́шны(й) — вкусный.
сме́цьце и **смяцьцё** — сор.
смо́рад — смрад. угар.
со́ньняйка — солнышко.
со́пкі(й) — рыхлый.
со́рам — срам.
спавіва́ць — пеленать.
спавівіч — свивальник.
спаймáць — поймать.
спакваля́ — не торопясь, медленно.
спалюбіць — полюбить.
спо́рна — успешно, выгодно.
спра́ва — дело.
спра́ўды — в самом деле.
ссука́ць — свить.
ста́рэц — нищий.
старчака́ — вверх ногами, перпендикулярно.
старчы́ха — нищая.
столь — потолок.
стра́ва — кушанье.
стрэпяну́ццa — встрепенуться.
стрява́ць — вступать в разговор.
стукацёць — стучать.
су́днік — ящик, заменяющий шкаф, куда прячут съестное.
суно́жка — перекладина между ножками стола.
супо́рлівы(й) — сопротивляющийся.
су́прядкі — посиделки, совместное прядение.
суро́чіць — сглазить.
сусім (зусім) — совсем.
сустрака́ць — встречать.
схамяну́ццa — спохватиться.
схапіць — схватить.

схо́вы — сохранение чего-нибудь.
сы́пкі(й) — сыпучий.
сьве́тла — огонь, лампа.
сьві́тка — верхняя одежда из крестьянского сукна.
сьвякру́ха — свекровь.
сьне́даць — завтракать.
сьхіліцца — наклониться.
сьцёжка — дорожка.
сьцёжка — лента.
сьцябаць — бить плеткой или кнутом.
сяго́лета — этот год.
сяке́ра — топор.
сялі́дзьба — усадьба, место для поселения.
сямігры́венік — монета в 20 копеек.
сярэ́дзіна — поясница.
сярён — наст.
сяўба́ — посев.

Т.

та́ечка — обращение к подруге.
тала́нь — природное дарование.
таркацца — касаться, трогать.
тарнава́ць — беспокоить, волновать (А. Ф. П.).
таргу́н — название растения.
та́та — папа.
та́тухна — папочка.
таўчо́нка — картофельное пюре.
таўчэ́нікі — род купанья; побои.
твар — лицо (употребляется очень редко. А. Ф. П.).
то́рба — сумка, котомка.
трапля́цца — случаться.
тро́хі — немножко.
труна́ — гроб.
трэ́ба — нужно.
трябу́х — внутренности.
турбава́цца — беспокоиться.
туро́к — тупик, закоулок.
тыдзень — неделя.
ты́м ча́сам — между тем.
ты́рса — древесные опилки.

У.

уба́чыць — увидеть.
уго́ры — вверху.
уго́ру — кверху.
удвары́ — дома.
удзе́лацца — запачкаться.
удо́ба — наружность.
удо́ўжкі — в длину.
удру́гі — в другой раз.
уе́длівы(й) — назойливый.
уе́чыцца — упачкаться.
узго́рак — пригорок.
узі́мку — зимой.
узува́ць — обувать.
укро́п — горячая вода; растение.
ула́зіны — новоселье (А. Ф. П.).
уле́тку — летом.
уло́ньне — колени.
улякну́цца — испугаться.
уна́дзіцца — повадиться.
упіна́цца — упираться.
упо́ўзіны см. **ула́зіны.**
упу́дзіцца — взбеситься, испугаться.
усло́н — скамья.
уступі́ць — вступить, взойти.
усхо́дзіць — взойти.
уто́ўшкі — в толщину.
ухапі́цца — схватиться.
учыні́ць пірагі́ — поставить тесто.
ущука́ць — перестать (о дожде. А. Ф. П.).

Х.

хава́цца — прятаться.
хава́ць — прятать.
хай — пускай.
халя́ва — голенище; грязный, неопрятный человек.
хамло́ — невежа, грубый человек.
хапа́цца — хвататься.
харкі́ — мокрота.
харты́ — борзые собаки.
хвароба — болезнь.

хварэ́ць — болеть.
хві́ля — буря, порывы ветра.
хво́йка — сосна.
хво́ртка — калитка.
хіба́ — неужели.
хілі́цца — клониться.
хло́пец — парень.
хлуп — туловище птицы; затылок, спина (А. Ф. П.).
хлю́пацца — плёскаться.
хляшчо́м — открыто (А. Ф. П.).
хма́ра — туча.
хма́рна — пасмурно.
хо́дарам — покачиваясь во все стороны.
худо́ба — домашнее имущество.
хуртаві́на — непогода.
ху́тка — охотно, скоро.
ху́тра — мех.
хаўту́ры — похороны, поминки.

Ц.

цагэ́льня — кирпичный завод.
цапо́к — тонкая железная палка.
ца́цкацца — играться.
цвет — цветок.
ці — или.
ціка́ць — убегать.
цо́каць — ударять.
цыба́рка — ведро.
цыбу́ля — лук.
цыка́вы(й) — любопытный.
цыркуно́н — сверчок.
цы́ркаць — стрекотать; доить корову.
цы́ўкаць — пищать (про птиц).
цьві́нтарь — церковный двор.
цьма́ны(й) — неяркий.
цэ́гла — кирпич.
цюцю́н — табак.
цяпло́ — костер.
цярэ́хаўка и цярэ́шка — мотылёк.
цяцю́ха — лихорадка. (М. В. У.).

Ч.

чабаты́ и чо́баты — сапоги.
чалаве́к — муж.
чале́шік — часть русской печи.
чаля́дка — прислуга.
чапа́ць — трогать.
ча́пля — цапля.
чапля́ць — щеплять.
чапуры́цца — наряжаться, прихорашиваться.
чапяла́ — сковородник.
ча́рка — рюмка.
чарнагу́з — аист.
чарэ́н — верх русской печи.
часта ва́ць — угощать.
чата́ць — считать.
чата́цца — знаться (А. Ф. П.).
чвя́каць — чавкать.
чо́вен — чёлн.
чу́тка — слышно.
чырво́ны(й) — красный.
чырявічкі — башмаки.
чэ́рэт — камыш.
чэ́хлік — верхняя часть женской рубашки, преимущественно из коленкора.

Ш.

ша́бля — сабля.
шаве́ц — сапожник.
шале́ны(й) — дурной, сумасшедший.
шалява́ць — обивать шелевкой.
шалупа́йкі и шалупа́хі — скорлупа орехов или подсолнечника.
ша́лька — шайка.
шамацэ́ць — шуршать, шелестеть.
ша́мацъ — производить шорох.
ша́мнуць — прийти куда-нибудь неожиданно.
шанава́ць — уважать.
шанава́цца — вести себя хорошо.
шапава́л — валяльщик, войлочник.
шапацэ́ць — шевелиться, шуршать.

шарэ́нка — ряд.
ша́та — риза, оклад на иконе.
шаткава́ць — шинковать, мелко резать.
ша́хва — шкап.
шва́чка — швея.
шві́дкі(й) — скорый, быстрый.
шво́рка — веревка.
шкарба́н — очень старый, старик.
шкарэ́дны(й) — скупой.
шке́ліць — шутить, насмехаться.
шкі́ркі — затылок.
шко́да — вред, убыток.
шкра́баць — царапать, чесать.
шкура́цьце — куски кожи.
шлу́нак — желудок.
шлях — дорога.
шмарга́ць — дёргать.
шмат — кусок.
шмато́к — обрезок материи.
шма́цьце — лохмотье.
шо́лудзі — кожная болезнь.
шо́па — палатка на рынке со съестными припасами.
шо́рсткі(й) — шершавый.
шо́рык — мочалка для мойки в бане.
шпак — скворец.
шпа́рка — быстро.
шпо́каць — ударять.
шпуля́ць — бросать.
шпунт — пробка, затычка в бочке.
шуга́ць — гонять.
шука́ць — искать.
штаўха́ць — толкать.
што́пка — кружка.
шу́ла — стойка.
шупля́цьця—мелочь,ерунда(А.Ф.П.).
шупшы́на — шиповник, дикая роза.
шурпа́ты(й) — шероховатый, неладкий.
шур(ь)я́к — шурин.
шчаме́ль — шмель.
шчога́лька — франтиха.
шчубо́ўкаць — падать в воду с шумом (А. Ф. П.).
шчыме́ць — болеть, болезненно ныть.
шчы́ра — сердечно.
шчытна — плотно.
шы́бка — стекло оконной рамы.
шыба́ць — бросать.
шы́гальле — иглы хвойных деревьев.
шынко́к — кабак, винная лавка.
шынка́рь — трактирщик, кабатчик.
шыры́нка — кусок полотна.
шэ́лех — грош.

Э.

эге́ — да.

Ю.

ю́шка — суп, уха, какая-нибудь жидкость.

Я.

я́грус — крыжовник.
як — как.
я́ка-сь — как-то.
які́-сь — какой-то.
як-не́будзь — как-нибудь.
яко́в — каков.
я́лавічына — говядина.
ялі́на — елка.
я́нгуль — ангел.
я́рмалка и **я́рмалак** — ярмарка.
Яро́х — Ерофей.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Пользуясь тем обстоятельством, что работа печатается в типографии Академии Наук СССР, приведу здесь некоторые из сделанных мною в разное время в различных местах записей, преимущественно со слов старшего поколения.

Значение некоторых буквенных и других знаков в записях.

ä обозначает после мягких согласных звук нижнего подъема в направлении к переднему ряду. Иногда, особенно у лиц младшего поколения, на месте этого звука слышится звук, близкий к звуку *e* переднего ряда среднего подъема, или закрытый звук e^{i}, или же наблюдается колебание между этими звуками и между *a* и *ä*.

ü обозначает лабиализованный звук среднего ряда верхнего подъема.
y = *ы*.
i̯ обозначает *i* неслоговое.
u̯ » *u* »
j » средненебный звонкий фрикативный согласный.
h » гортанный звук.
w » билабиальный звонкий фрикативный звук.
č = *ч*.
š = *ш*.
ž = *ж*.
ch = *х*.
d^{z} обозначает мягкую зубную звонкую аффрикату на месте мягкого *d*.
t^{c} обозначает мягкую зубную глухую аффрикату на месте мягкого *t*.
$\widehat{dž}$ = аффрикате $\widehat{дж}$.
‿ обозначает краткость гласного звука.
— » долготу звука.
’ » мягкость согласного звука.
ˊ » ударение.

Неударяемые гласные *o*, *a* и *e*, кроме первого предударного слога, являются слегка ослабленными. Наибольшее ослабление наблюдается во втором предударном слоге в положении его пред *a* и в слоге, непосредственно

следующем за ударяемым. Но и в том и другом случае ослабленные звуки не переходят в ъ, а сохраняют свой основной характер, являясь лишь более краткими. Все они передаются здесь одинаково со знаком краткости.

Sadʼźíc'ăs' păn'ičóčyk... s'émdʼźăs'ăt hadóu̯... pam'ór, p'áty hod ják pam'ór... n'ē, n'ástáry i̯aščé — sórăk try hadý byló... u-wós'ăn' búdʼźă jói̯ s'émdʼźăs'ăt wós'ăm: slábă wačámy stálă, a-tăk n'ičóhă n'ábalʼítᶜ, us'ó dʼźélăi̯ù; n'e, n'atrébă; nă-dwaré; n'a-pláč, b'arýtᶜă i̯ajé... kón'-wăš s'éná n'a-prós'ă; p'išýtᶜă, p'išýtᶜă — nam us'ó-dnó, n'ičóhă takóhă my n'a-kážym; prʼámă pă-šlʼachú... napráwă wóz'm'itᶜă.

ehé, rýbku laŭlʼú... a dlʼă s'ab'é... i warýtᶜ-i žárytᶜ... ă-majá bábă; n'ē, n'astáră, hadóu̯-na trynáčătᶜ malóžy... ă-bahátă, kălʼi pánščynă bylá, a ják-žă pómn'u... chtó i̯ahó znái̯ă, kălʼí lúčy... chlópčyk byu̯ malʼén'kʼi, dačká pam'órlă... Syčás-y lʼes... štŏ-wy p'íšytᶜă? naštói̯tă wam? n'éčăhă dʼźélătᶜ... takái̯ă nawúkă! mužýckăi̯ă hawórkă... čudnó.

bahátă hăradʼźkóhă (dʼź твердое из ds)... čýi̯žă wy búdʼźitᶜă? a znái̯im, znái̯im... hróšyi̯a kláu̯, s'édʼź-ăn'k'i takʼí stăryčók, n'echái̯ zdarówy búdutᶜ... u-skópščykăch ja s-ywánăm byu̯. Iwáná znái̯ătᶜă?... a wó tut čýr'ăz try dwarý... n'e, n'amá... u-pólʼi... u-chátᶜi lʼažýtᶜ... prăščawái̯tᶜă.

dawái̯ s'udý lóžk'i... drástui̯tᶜă... dai̯-jím krúžku... nă-wadʼźánk'i stajítᶜ... n'ézăštă prăjaždžái̯tᶜă sab'é, my was n'a-znáie¹m... sto jon p'íšă? Panás! hukn'i'-kă strážn'ikă!... dʼźaržý, dʼźaržý jahó!

n'a-b'í jahó!... škúru z-jahó spuščú... astáu̯! štó-ty dʼźélăie¹š? n'a-lʼéz'!... n'ătwajó dʼźélă... w'ar'óu̯ku-u̯ čétᶜw'iră...

n'ē, my n'ă-p'ai̯óm... my n'a-znáje¹m... hróšy charóšyii, da n'ē, štó-tă n'a-chóčycă... báč, jón p'íšă... n'ē, n'a trébă... Dʼźéu̯k'i! chadʼźím skaréi̯, nui̯hó (= ну ero) zus'ím.

što čútnă pră z'amlʼú? u-nas kazálʼi, što Dumá păstănawílă... ják-žă tak wy n'a-znájătᶜă?... Da chtó-tăm kazáu̯? dă tᶜi jón-tăm byu̯?

pa-trý kap'éi̯k'i, pa-trý; b'arý, čahó ždžéš?.. jétă lʼétăs' byló, a s'ólʼătă n'amá... u-dwaré... Arýnă! idʼźí s'udý; n'a-trón' jahó, n'achái̯ pjé... b'ažý-u̯ búdku... jakái̯ă hr'áz'... lóšădʼź măladý... try rybl'í... s'em caukówych.

Chl'ébă-b byló bahátă, ják-băb hrádăm n'e-pab'ílă... us'ó čystă pawýmălăt°iu̯, chod^{z}-znóu̯ ats'iwáį; hréčku-u̯s'u pab'íu̯.

Z'aml'ú păd^{z}al'íl'i; já-dă bábă; n'amá... na-wai̯n'é-u̯ b'íl'i; dačká pam'órlă; tréč'i hod; kal'ís', kážut° păd-Ukrai̯ínăį byl'í... m'én'iį plat°ít°... tut-us'á pryčýna; dā, kazát° n'a-u̯méi̯e^{i}m, jétă práu̯dă, au̯žéž n'a-l'óhka; praščáį t°ă.

čýr'ăz-hrébl'u... b'arý-u̯ práwă... nō, a štób t°ab'é wau̯k'í z'jél'i!.. păd^{z}aržý tróch'i... răz'm'inúl'is; mastá na-réčk'i n'amá... Nówy Drókău̯... s'aló... d^{z}aréu̯n'ă... d^{z}ačýchă..., tám bráu̯... n'atrébă.

N'a-rúš, tab'é kažú... hl'ad^{z}í, abrézyš rukú; iš-jăk rukámy wód^{z}ă i n'ă-bajíčă.

Cyc'! mau̯čý... štóiny (что они) hawór'ut°... b'arý arésk'i, b'arý... d^{z}ád^{z}ă dau̯... tam hr'áznă, n'ă-prajéd^{z}it°ă; pădažd^{z}ít°ă, syčás huknú chlópcă. Lawón! ă Lawón! id^{z}í s'udý skaréį... prăkažý jim daróhu.

K-nam pryjéchăl'i... mám'ăn'ku-į s'astrýcu năw'as't°ít°, d^{z}élă charóšăį̯ă... try časý — n'ăbahátă... id^{z}éž ăstănaw'íl'is'?

Говоры, соседние с Северско-белорусским.

В предыдущих отделах рассмотрен Северско-белорусский говор в современном его состоянии. В нем мы видели ряд черт, свойственных ему во всем его объеме и известных лишь в некоторых его частях, при чем наиболее ярко выступают эти последние в западной полосе Трубчевского уезда. Говоры этой последней подверглись южновеликорусскому влиянию, но все же сохраняют некоторые черты, характерные для Северско-белорусского говора. На ряду с этим отмечено, что говоры городов и других культурных центров отличаются в ряде явлений от говора сел и деревень. Одни из этих явлений имеют свой источник во влиянии русского литературного языка, а другие, как увидим дальше, находят себе объяснение в прошлом, в истории культурных центров в XVII и XVIII вв. Но как бы то ни было, все эти говоры имеют ряд черт, объединяющих их в одну группу. Одной из таких черт следует признать *сохранение звонких согласных в положении их пред глухими и на конце слов.* Явление это, как мы видели, известно всему без исключения говору. Другой, не менее характерной для Северско-белорусского говора чертой является *отвердение*

звука р только пред гласными переднего ряда и j. Черта эта свойственна говору во всем его объеме; лишь в рассмотренных говорах Трубчевского уезда (Акад. програм. №№ 6 и 282), вследствие, может быть, отсутствия соответствующего вопроса в программе, положение с *р* остается несколько неясным. То же представляет и ответ на Акад. програм. № 269 из Мглинского уезда (деревня Старая Романовка). Но наличность определенных указаний других источников на отвердение *р* в таком положении в Мглинском уезде, в частности в с. Новой Романовке (М. В. Ушаков) позволяет признать неполноту в данном случае ответа, вызванную причинами чисто внешнего характера.

Эти две черты неизвестны другим белорусским говорам. Вместе с отмеченными другими явлениями, общими у говора с белорусским языком, они составляют характерные признаки его.

Что же касается аканья, то оно не является однородным на всей территории говора и изменяется в силу указанных выше причин.

Обратимся теперь к говорам, соседним с Северско-белорусским, непосредственно соприкасающимся с ним. Определение особенностей этих говоров даст возможность говорить о территории Северско-белорусского говора.

Северско-белорусский говор граничит на западе с говорами Гомельского и Рогачевского уездов, на севере с говорами Чериковского, Климовичского, Рославльского и Брянского уездов, на востоке с говорами Трубчевского уезда и на юге с говорами Новгород-Северского, Сосницкого, части Новозыбковского и Городнянского уездов.

а) Говоры *Гомельского, Рогачевского, Чериковского и Климовичского уездов.*

Из записей по Гомельскому, Рогачевскому, Чериковскому и Климовичскому уездам использую здесь: 1) записи Е. Р. Романова в «Белорусском Сборнике», тт. I — VIII из следующих мест:

Гомельский уезд — из с. Азарич, м. Антоновки, д. Барановки, г. Белицы, сс. Бобовичей, Борщовки, дд. Будища, Быстры, с. Васильевки, м. Ветки, сс. Вылева, Глубоцкого, Головинцев, г. Гомеля, с. Гордунов, сл. Городни, сс. Грабовки, Громык, Демьянок, д. Диколовки, с. Добруша, д. Дубровки, Дятловицкой волости, сс. Дятловичей, Еремина, Жгуни, дд. Жеребного, Задоровки, Зябровки, Ивановки Старо-Юрковичской волости, Ивановки Телешовской волости, Ивольска, Каменки, сс. Кормы, Красной Буды, Краснобудской волости, с. Круговца, д. Крывска, сс. Кузминич, Купреевки, Марковичей, Нивок, с. Новых Юрковичей, м. Носовичей, Носовичской волости, с. Перероста, д. Поколюбичей, с. Поповки, Поповской во-

лости, с. Романовичей, д. Рудни, Соврюков (предместье Гомеля), с. Старых Юрковичей, Старо-Юрковичской волости, с. Телешей, Телешовской волости, дд. Улуковья, Усохской Буды и с. Чеботовичей;

Рогачевский уезд — из с. Болотни, д. Болсунов, с. Буды, д. Буды Кошелевой, м. Городца, Довской волости, м. Жлобина, с. Журавичей, с. Заболотья, д. Колбовки, м. Кормы, с. Кошелева, Кунторовки, д. Кураковщины, сс. Меркуловичей, Нисимковичей, д. Новоселок, с. Озеран, д. Олешни, сс. Покати, Солонога, д. Станькова, с. Старой Рудни, дд. Ухова и Шараховской Буды;

Чериковский уезд — из с. Братьковичей, Братьковичской волости, дд. Буглаев, Горок, Готовца, Долговичской волости, дд. Журавов, Злочева, Киселевки, с. Лобановки, м. Малятич, с. Михинич, м. Молостовки, сс. Новой Ельни, Палужи, д. Плещина, с. Самотеевич, Самотевской волости, д. Соболей, с. Старинки и м. Студенеца;

Климовичский уезд — из д. Артюхов, м. Белынковичей, Белинковичской волости, с. Березок, д. Ганновки, с. Забелышина, Забелышинской волости, д. Заходов, с. Надейковичей, дд. Нового Дедина, Прудка, м. Родни, д. Селецкого, с. Тимонова, м. Хотовижа и Хотовижской волости;

2) записи П. В. Шейна в «Материалах для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края», т. I, чч. 1 и 2, т. II[1] из следующих мест:

Гомельский уезд — из Красно-Будской волости, с. Ново-Дятловичей, Поповской волости, с. Старых Юрковичей и Старо-Юрковичской волости;

Рогачевский уезд — из д. Дворцов, г. Рогачева и д. Янова;

Чериковский уезд — из Малятичской волости;

Климовичский уезд — из Милославичской волости, м. Милошовичей, Роднянской и Хотовижской волостей;

3) записи А. С. Дембовецкого[2] из следующих мест:

Гомельский уезд — из с. Ути;

Рогачевский уезд — из Рогинского прихода;

Чериковский уезд — из м. Краснополья и д. Соболей;

Климовичский уезд — из Забелышинского и Каничского приходов;

4) записи З. Радченко в Дятловицкой волости Гомельского уезда;[3]

---

[1] «Сборник Отделения русского языка и словесности Акад. Наук», т. 41, 51 и 57.

[2] «Опыт описания Могилевской губернии».

[3] «Гомельские народные песни». («Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии», т. XIII, в. II, 1888 г.).

5) записи из деревни Губенщины Чериковского уезда;[1]

6) заметку проф. И. Г. Голанова о говорах дд. Горок, Мирогощ и с. Озер Чериковского уезда;[2]

7) ответ (ненапечатанный) из с. Гавриленок Климовичского уезда на южновеликорусскую программу Московск. Диалектологич. Комиссии *№ 103*;

8) ответ (ненапечатанный) на краткую Академич. программу *№ 292а* по Черниговской губернии, касающийся, между прочим, говора д. Титовки Климовичского уезда.

Из этих сел и деревень ближайшими к Северско-белорусскому говору будут в *Гомельском уезде:* сс. Азаричи, Борщовка, Глубокое, сл. Городня, дд. Диколовка, Дубровка, сс. Корма, Круговец, Кузминичи, сс. Новые Юрковичи, Нивки, Перерост, Старые Юрковичи и д. Усохская Буда; *в Рогачевском уезде:* д. Колбовка, сс. Нисимковичи и Покать; *в Чериковском уезде:* д. Горки и с. Самотеевичи; *в Климовичском уезде:* м. Белынковичи, с. Гавриленки и д. Ганновка.

Отмечу некоторые явления, отличающие говоры этих уездов от Северско-белорусского, и приведу главнейшие примеры.

Говоры *Гомельского* и *Рогачевского* уездов характеризуются:

1) твердым *р* во всяком положении.

Примеры.

Гомельский уезд.

с. Азаричи, V:[3] горачия, 111;

м. Антоновка, V: прачистая, 5; сустракав, ib.; с сярэдины, ib.;

д. Барановка, V: чараз, 72;

г. Белица, I: горку ягоду, 12; трох сынов, 13; бяроза, 17; государ, 18; рабят, 58; гóра, 60; II: грахи, 181; сударь, 441; III: бярозы, 435; IV: трох, 143; уперод, ib.; сустракая, ib.; V: прачистой, 18; зарой, ib.; на синям моры, ib.; цара, 274;

с. Бобовичи, VIII: на гарэ, 105; грэчки, ib.; прыбег, ib.;

с. Борщовка, V: урэдность, 79; выговаруй, ib.; горучия, ib.; горачай, ib.;

д. Будище, V: орол, 127;

---

[1] «Два заговора из Чериковского уезда» («Могилевские Губернские Ведомости» за 1889 г., № 2).

[2] «Труды Московской Диалектологич. Комиссии», в. 8, стр. 1—6.

[3] Римские цифры I, II ... VIII означают в этом и подобных случаях том «Белорусского сборника» Е. Р. Романова, а следующие за примерами арабские цифры — страницу.

д. Быстра, V: зара, 91;

с. Васильевка, IV: говора, 107; брахня, ib.; зра, ib.; разбярэ, 108; бярэ, 110;

м. Ветка, I: парань, 10; VIII: прыстол, 308; умрэ, ib.;

с. Вылев, IV: пузыр, 1; с пузыра, ib.; говора, ib.; трэба, ib.; покоруся, 2; V: мора, 2;

с. Глубокое, V: горучай, 10; трэйчи, ib.; трэба, ib.;

с. Головинцы, V: чераз, 55;

г. Гомель, I: по беражку, 16; говорать, 233; V: празлатыя;

с. Гордуны, V: мора, 73;

сл. Городня, I: рабятами, 36; по беражку, 45;

с. Громыки, V: уговарую, 83, корэньня, ib.;

с. Демьянки, V: трох, 125; VI: бярэменною, 101; урэмя, ib.; цар, ib.;

д. Диколовка, V: прачистой, 10; трыдев'ять двярэй, ib.;

с. Добруш, II: березки, 189; запрагу, 192;

д. Дубровка, VIII: гавора, 118; мора, ib.; гарэла, ib.; трэтьтяя 119; патярала, 238;

с. Дятловичи, V: выговаруетца, 21; няхращоною, ib.; Юрай, 46;

Дятловицкая волость: у трох, у чатырох (З. Радченко. «Гомельские народные песни», стр. VIII);

с. Ерёмино, I: горкия, 28; не разсматруючи, ib.; березовая, 164; мора, 165; III: говора, 406; пераночуй, ib.; жараное и вараное, 407; к шинкару, 408;

с. Жгунь, I: говорать, 128; V: сярабром, 84; VIII: ядранист, 105;

д. Жеребное, V: выговаруетца, 78;

д. Задоровка, V: сястрычка, 33; куры рабыя, ib.;

д. Зябровка, II: пара, 369; цар, ib.; царэвну, ib.; запрагайте, ib.; V: отратуй, 9;

д. Ивановка Старо-Юрковичской волости, V: урэм'я, 396; рака́, ib.; ракой, ib.; воскрасэния, ib.; зару, ib.;

д. Ивановка Телешовск. вол., VI: тры, 205; дочары, ib.; гувора, ib.; не страбив, ib.; богатыр, ib.; орол, 206; прыбярог, 208; VIII: зара, 210;

д. Ивольск, V: на золотым крэсли, 57;

д. Каменка, V: раку (= рéку), 71;

с. Корма, IV: говора, 82; писара, ib.; цару, ib.; V: прачистой, 3; царам, ib.; зара, 32; трох, 53;

с. Красная Буда, VIII: кудравая, 150; чаравички, ib.;

Краснобудская волость, IV: урэм'я, 25; VIII: у дварэ, 245; запрагай, ib.; наварыла, ib.; П. В. Ш., т. I, ч. 2:[1] подара, 678; вдара, ib.;

с. Круговец, II: трох, 267;

д. Крывск, V: на чатыры, 121;

с. Купреевка, VI: швырав, 7; крэгли, ib.; говора, ib.; сустракая 10; упярод, 13;

с. Марковичи, IV: Юрай, 103; рабаго, ib.; говора, 105; брáхня, ib.; VI: гувора, 440; пахаром, ib.; гуворать, 441; запрагай, 442;

с. Нивки, VIII: курка рабушка, 163; ня бярэ, ib.;

с. Ново-Дятловичи, П. В. Ш., т. I, ч. 1: под раденце, 453;

с. Новые Юрковичи, V: ративаго, 72; горачай, ib.;

м. Носовичи, V: горучую, 79;

Носовичская волость, VIII: бярозкой, 145; тьвярозаму, 237; грабянец, 453;

с. Перерост, I: на берози, 6; мора, 24; гóра, ib.; II: цара, 370; III: у пограб, 60; говора, ib.; тярабить, ib.; дверами, 61; у сераду, 74; IV: говора, 27; V: серада, 71; зара, 84;

д. Поколюбичи, II: грахов, 370;

с. Поповка, V: зорами, 45; VI: бярэмок, 404; говораць, 405; урэмя, 410;

Поповская волость, IV: грахи, 162; у сяродки, 163; П. В. Ш., т. I, ч. 2: чараз, 652;

с. Романовичи, VI: забярагатял, 15; дворэцкому, 17; говора, 18; тры, ib.;

д. Рудня, VI: говора, 61; упярод, 64; государ, ib.; благодару, 66; бярэ, 68;

Соврюки, I: посмотру;

с. Старые Юрковичи, I: над ракóй, 130; II: под березою, 265; IV: прамо, 104; VIII: пярайдитя, 143; кудравый, 178; ядраноя, 206; П. В. Ш., т. I, ч. 1: стральцы, 94;

Старо-Юрковичская волость, П. В. Ш., т. I, ч. 1: мора, 36; краститель, 81; пярахристя, ib.; крастом, ib.;

с. Телеши, IV: гувора, 138; запрагай, ib.;

Телешовская волость, IV: гувора, 136;

д. Улуковье, I: говора, 148; V: чараз, 66; парастала (перестала), ib.;

---

[1] П. В. Ш. означает здесь и в других подобных случаях П. В. Шейн; цифры после примеров указывают страницу из «Материалов» П. В. Шейна.

д. Усохская Буда, VI: распорадитца, 460; карэту, ib.; цару, ib.;

с. Уть: за румку (А. С. Дембовецкий. «Опыт описания Могилевской губ., стр. 525);

с. Чеботовичи, V: морам, 57; ўрэмя, ib.; чараз, 66; VIII: тарэлку, 109; гарэлки, ib.

Рогачевский уезд.

с. Болотня, I: пераехав, 22; мору, 66; II: скрабетца, 183; III: сустракають, 63; говоруть, ib.; грабенку, ib.; навару, 64;

д. Болсуны, IV: звера, 91; тераз, 94; бярозу, 140;

с. Буда, V: к синяму мору, 20;

д. Буда Кошелева, V: сустракая, 58;

м. Городец, III: запрог, 148; рабёнка, ib.; на раку, 149; V: угаворуваць, 59; VIII: у пирапечи, 475; прыбыць, ib.; перэпюкся, 477;

д. Дворцы, П. В. Ш., т. I, ч. 2: на горэ́, 296; сястрыцу, ib.; горэлки, ib.; ни прышоў, ib.; бяроза, 301; на дворэ, 303; грукнуло, 309;

Довская волость, IV: перахрисцився, 33; пераливая, ib.; вяровку, 34; жарабцом, 116;

м. Жлобин, III: сярэбраное, 269; беражочку, ib.; смотра, 384; VIII: ў терами, 113; гарэли, 114;

с. Журавичи, I: растропано, 156;

с. Заболотье, VIII: трэба, 331; пасварутца, ib.; пирад. ib.;

д. Колбовка, IV: перавязе, 58; гразь, ib.; сярод, 59;

м. Корма, VIII: васкрос, 165; варыць, ib.;

с. Кошелево, V: перад, 19; на раце, 78; VI: государу, 319; гора, ib.; урэд, ib.; говора, 321; поратовав, 326; VIII: павытрасла, 146;

д. Кунторовка, IV: потраблять, 89; забрахали, ib.;

д. Кураковщина, VIII: трох, 164; трэтьтяму, 165;

с. Меркуловичи, III: жерабя, 173; перакусила, ib.; пераб'е, 173; звера, ib.; сярод, 174; IV: Юрай, 19; говора, ib.; перапрог, ib.;

с. Нисимковичи, III: говораць, 229; грахи, 358; чараз, 396;

д. Новоселки, III: говора, 156; пáрань, ib.; говорупь, 162; к цару, 164;

с. Озераны, III: курэньня (коренья), 26; гувора, ib.;

д. Олешня, I: на бярози, 18;

с. Покать, VI: гувора, 335; горували, ib.;

г. Рогачев, П. В. Ш., т. II: чыраз, 532;

Рогинский приход: кучеравые, 526; кучеравому, ib. (А. С. Дембовецкий. Op. cit.);

с. Солоное, VIII: пирад, 171; прачыстая, 172; ўскрос (= воскрес), ib.;

д. Станьково, III: дурань, 88; кросная, ib.;

с. Старая Рудня, VI: говора, 213; цар, ib.; сустракая, 214; сярэдняй, ib.; посярод, ib.;

д. Ухов, V: прачистой, 44;

д. Шараховская Буда, III: цар, 350; говора, 350, 351; цару, 351.

Говоры *Климовичского* и *Чериковского уездов*, наоборот, в значительной части представляют правильное употребление *р* мягкого на ряду со случаями вместо *р* твердого.

Примеры.

Чериковский уезд.

Братьковичская волость, V: прячистая, 162; терез, ib.;

д. Буглаи, V: прячистой, 123;

д. Горки, V: горючия, 104; ряцивого, ib.;

д. Готовец, V: прячистой, 21.

Долговичская волость, V: Кацярина, 150; прячистая, ib.;

д. Журавы, V: заговарюю, 44; говорить, ib.; выговарюю, 124;

д. Злочево, IV: говорить, 214;

д. Киселевка, IV: говоря, 161; наваря, ib.; отпрёг, ib.; прямудрый, 219; говорюць, ib.; VI: три, 230 и наоборот — виряб'иняты, ib., 230; вирябей, ib. с мягким *р* вместо твердого;

с. Лобановка, V: уговарюю, 144; сярёд, ib.; прячистая, ib.; бяреза, ib.; перяд, ib.;

м. Малятичи, VI: ребёночка, 190; говорить, 194;

Малятичская волость, П. В. Ш., т. II: на реце, 613; крястила, ib.; присвятая, ib.; нихрященным, ib.;

д. Мирогощи: чатыри («Труды Моск. Диалект. Комиссии», вып. 8, стр. 6);

с. Михиничи, V: хрябётной, 35; выговариваю, ib.; прячистая, 109; трёх, 133; ряку, 393;

д. Озеры: чатыри («Труды Моск. Диалект. Комиссии», вып. 8, стр. 6);

с. Палужь, IV: говоря, 204;

д. Плещино, VI: сустрекаець, 27; говориць, ib.;

д. Соболи, V: прячистой, 70; сяребреный, 133; А. С. Дембовецкий (Op. cit.): берёзочка, 535; пряду, 543;

с. Старинка, V: прячистая, 162.

Климовичский уезд.

с. Березки, V: беряжки, 168;

с. Забелышин, IV: с пузуря, 153; грячиху, ib.; по морю, ib.;

Забелышинский приход: через, 552; три, ib.; берёзка, 565 (А. С. Дембовецкий. Op. cit.).

Милославичская волость, П. В. Ш., т. II: прибываить, принимаить, 669;

д. Новый Дедин, IV: вячеряць, 193; повячеряли, ib.; варюць, 195;

д. Титовка: царь, грязь, курю (ответ на Кратк. Академич. Программу по Черниговской губ. № *292 а*).

Хотовижская волость, П. В. Ш., т. II: выскрясения, 620; прячистая, 621;

Лишь в части *Чериковского* и *Климовичского* уездов твердое *р* чередуется с мягким.

Примеры.

Чериковский уезд.

д. Горки: барин, Влады́мирь, прије́дъць,[1] но крыча́ць, прышбу́ («Труды Моск. Диалект. Комиссии», вып. 8, стр. 5—6);

д. Губенщина: цар, зарами («Могилевск. Губ. Ведомости», 1889 г., № 2);

м. Молостовка, III: черада, 254; череэ, 256, но — старятца, 255; IV: говоря, 154; V: ряце, 245; согряшила, 378, но тут же — прабувать (пребывать), 779; прадвешный, 379;

с. Новая Ельня VI: говорить, 106; говоря, ib., но — говора, 107; сустракаютца, 111; жарабца, 112, но также и — жеребец, 503; равно как и обратно — *р* мягкое на месте *р* твердого: брюсок, 498; старятца, 504; яворь, 506.

Самотеевская волость, IV: говорюць, 165; говоря, ib.; но также и — орэш, 165; череэ, 166;

м. Студенец, IV: трёх, 187; изьбярёг, 201, но также — ратуйця, 186.

Климовичский уезд.

м. Белынковичи, VI: говориць, 462, 464; царю, 468, но также и с твердым *р*: страбиць, 463; сирадзи, 464; поврадзив, 466; ўпирадзе (впереди), 467; опирадзив, 467; тираз, 468;

Белынковичская волость, V: царя, 164; заговарюю, ib.; беряжочку, 175; но и — выговарую, 149; попярошных, ib.;

с. Гавриленки: цар, цара, куру, благодару, гразь (Програм. Моск. Диалект. Комиссии № *103*);

---

[1] ъ после *д* означает здесь редуцированный гласный звук на месте *е*, а в остальных случаях имеет значение «мягкого знака».

м. Милошовичи, П. В. Ш., т. II: пришов, призвав, 146, но также и — пирамерыв, чыцвирыков, сирыбра, прышов, говорыць (ib.);

с. Тимоново, III: рячей, 120; цяперь, 205; рябёнку, ib.; IV: рящоты, 198; запрёг, ib.; уперядзи, ib., пубярець, но и III: горасци, 120; с троми головами, 123; богатыров, 127; IV: повячерав, 127; перавярнувсь, ib. На ряду с этим есть примеры и на *р* мягкое, вместо *р* твердого: старятца (III, 122).

2) Говоры названных уездов знают переход звонких согласных в глухие в положении их пред глухими, а также и в абсолютном конце слова.

Примеры.

Гомельский уезд.

г. Белица, I: Питенбурх, 58; молотцами, 69; молотца, 114; II: два молотцы, 436; потходила, ib.; VIII: штоп, 141; када п, ib.; разламала п, ib.;

с. Васильевка, IV: опстоятельству, 111;

м. Ветка, V: раздуйте ш, 377; развярнися ш, 377;

с. Еремино, III: ис хаты, 407;

с. Перерост, III: с хаты, 421;

д. Рудня, VI: друх, 64;

Старо-Юрковичская волость, П. В. Ш., т. I, ч. 1: пот столом, 35; пот печь, 36;

с. Телеши, IV: ис столика, 138.

Рогачевский уезд.

м. Городец, III: ис школы, 148;

д. Яново, П. В. Ш., т. II: лесь сам (= лезь сам), 333; ўзлес, ib.

Чериковский уезд.

д. Киселевка, VI: друх, 226; кода ш ты, 230;

с. Новая Ельня, VI: лотку, 501;

м. Студенец, IV: потходзиць, 186; VI: пот Питирбурх, 299; потхвацила, 308.

Климовичский уезд.

д. Артюхи, VI: бох, 146; лех, 147;

д. Ганновка, IV: пот паху, 190;

с. Надейковичи, VI: бис конца, 70; дзених-то, ib.; вотку, ib.; муш, 71; запрёх, 74; лех спаць, 75; рох, ib.; куда ш ты идзеш, 77; што ш ты, ib.;

Роднянская волость: нима-ш, нагорюютца-ш (П. В. Ш., т. I, в. 2, стр. 671);

д. Селецкое, IV: пот столом, 218.

О «звонких неполного образования» в конце слов, отмеченных в говоре д. Горок («Труды Моск. Диалект. Комиссии», вып. 8, стр. 5—6), см. выше.

3) В большей степени, чем в Северско-белорусских говорах, встречается спорадическое отвердение согласных пред гласными переднего ряда.

Примеры.

Гомельский уезд.

г. Белица, II: бутэлка, 232;

с. Васильевка, V: сэрца, 55;

с. Вылев, IV: па ўскрасэнию, 5;

с. Глубоцкое, V: бэрэговатую, 10;

с. Демьянки, VI: губэрню, 102;

с. Дятловичи, V: милосэрдному, 28;

с. Корма, V: сэрца, 100.

Краснобудская волость, П. В. Ш., т. I, ч. 2: малэ, 678;

с. Марковичи, V: сэрца, 55; IV: губэрни, 102; небэзпраменно, ib.; мянэ, 105; VI: тэбе, 441; дайтэ, ib.; здэсь-ня-здэсь, ib.; купэц, 442; идэ, ib.; нидэ (нигде) 444;

с. Новые Юрковичи, V: сэрца, 72;

с. Перерост, IV: пустэльник, 27;

д. Рудня, VI: утэтый (= вот этот), 60; бэрэ, 67, 68;

с. Старые Юрковичи, IV: у мэд, 104; бэзголовий, ib.; ўсэ, ib.

Рогачевский уезд.

д. Новоселки, III: уздэчки, 158; мэдлиць, 159;

с. Нисимковичи, III: лэпаа, 399.

Чериковский уезд.

м. Молостовка, IV: умэрших, 155.

Климовичский уезд.

с. Берёзки, V: молодэнца, 168 и т. д.

4) Более частые случаи сочетаний *губной + j + гласный* на месте старого сочетания *мягкий губной + гласный.*

Примеры.

Гомельский уезд.

с. Васильевка, IV: урем'я, 107;

с. Головинцы, V: урем'я, 56;

д. Диколовка, V: в'ёв, 103;

Краснобудская волость, IV: урэм'я, 23;

с. Марковичи, IV: п'ять, 102; окром'я, 103; м'яса, ib.; в'ёрст, ib.; VI: п'ять, 442;

с. Поповка, VI: пьять, 404; опьять, 408;

с. Старые Юрковичи, IV: оп'ять, 104; прив'ёз, ib.

Рогачевский уезд.

с. Нисимковичи, 111: урем'я, 228;

д. Шараховская Буда, III: урем'ю, 350.

5) В ряде говоров имеет значительное распространение *лабиализация* преимущественно безударных гласных звуков.

Примеры.

Гомельский уезд.

с. Васильевка, IV: мужуков, 108; сувяршенных, ib.; судержався, 110;

м. Ветка, V: бугуродицы, 24; мувчать, 34;

с. Вылев, V: бугуродицу, 2;

г. Гомель, II: прикувати, 342;

сл. Городня, I: пустолет, 37;

с. Демьянки, VI: губурнатором, 102;

с. Добруш, I: на мурози, 7; смуродыня, ib.;

д. Ивановка Телешовской волости, VI: гувора, 205; куробку, 210;

с. Марковичи, VI: гувора, 440; гуворать, 441; пуходя, ib.; турговля, ib.; куроль, ib.; кулёсы, 442; пувялев, ib.; субою, 443; пушов, 444; гувора, 446;

с. Перерост, III: хуть, 331;

с. Телеши, IV: хували, 138; звущика, ib.; гувора, ib.; двура, ib;

Телешовская волость, IV: гувора, 136; вуз, ib.; похував, ib.

Рогачевский уезд.

м. Жлобин, III: пуеду, 269; пуплыв, ib.; пугукаю, ib.; пушла, ib.; гулусок, ib.; куваль, ib.; кучаргу, ib.; вуроты, 270; голус, ib.; пулезу, ib.; гувора, ib.; вылумана, ib.; вузьмимо, 380; пругонимо, ib.; путом, 384; к кулодяжу, ib.; муя, ib.; пру етого, 385; тукое, ib.; IV: хутев, 22; гулову, ib.; вулосами, ib.;

с. Меркуловичи, III: вудой, 173;

с. Нисимковичи, III: гуворацъ, 228; пушов, ib.; свую, ib.; гувора, 229; двуром, 358;

с. Озераны: III: суби, 26; удна, ib.; худзем, ib.; пусияў, ib.; пурусло, ib.; пуспытоў, 27; утвищаа, ib.; ня хуча, ib.; пруситца, ib.; чулувича, ib.; пусяруд, ib.; скозку, 322; хлупцы, ib.; пруся, ib.; попытоемся, ib.; здурова, 323; принуся, 328; пуплокали, 329; вут (=вот) ib.; удны, ib.; сынув'юў, ib.; братуў, ib.; шту (= что) ib.; тульки, ib.; пучь, ib.; сычос, ib.; у хотку, ib.; ток саби, 336; пускоць, ib.; прохужих, ib.; куп-

цуў, ib.; помюрло, ib.; кожа, ib.; няхой, ib.; куплёць, ib.; боба (= баба ib.; пону (= пану) ib.; VIII: муладого, 276; стуўпа, ib.; зулотого, ib.;

с. Покать, VI: гувора, 335; горували, ib.; хурошия, ib.;

с. Солоное, VIII: ўскрос, 172;

д. Станьково, III: уткуль, 88; узёўся, ib.; пунюс, ib.; пудуждали, ib.; пуйдзиця, ib.; кросная (= красная), ib.; кожа юй, ib.; узёў, ib.; юн, 89; раз'ихулися, ib.; вюрст, ib.; пунюс, 92; кули (= коли), ib.; пуйду, ib.; прихудя, ib.; шту юн (=что он), ib.; жунка, 402; дой (= дай), ib.; запруг, 403; твуя, ib.;

с. Старая Рудня, VI: сустракая, 213; сустракаетца, 214.

Чериковский уезд.

д. Злочево, IV: гутував-гутував, 214;

д. Киселевка, VI: схувалися, 231;

м. Малятичи, VI: вуходзиць, 193; пуцуловалися, 198; пувязьли, 199;

м. Молостовка, III: сусловия, 255;

с. Новая Ельня, VI: наготувала, 113; похувалися, ib.;

с. Палужь, VI: сувяршэнныя, 347; тувкачом, 352; пузурьки, ib.;

д. Плещино, VI: вуходзиць, 26; пугуляць, 27; пугудуватца, ib.; пугуляю, 28; пугодуюсь, ib.; хуць, 29; пулумаць, 30; кушуньня, ib.; гутуваць, ib.; пумугаець, ib.; пусубляць, ib.; пуцулувала, 31; уздухнув, 36; вуходзиць, ib.;

с. Старинка, V: пу пужару, 162; умувала, ib.;

м. Студенец, IV: убидзела, 187; вуруваць, 202; згутували, 209; VI: плувец, 302; пубижала, 309; вуносиць, 310.

Климовичский уезд.

д. Артюхи, VI: пугубления, 146; тувпятца, ib.;

м. Белынковичи, VI: пупищиватца, 463;

с. Гавриленки: путаму, бугачов, пусматрю (Программа Моск. Диалект. Комиссии № *103*);

с. Забелышин, IV: пузури, 153; с пузуря, ib.; нучуваць, 196; пунучуваць, ib.;

Забелышинская волость, IV: мужуку, 163; мужучок, 209; благуслувляець, 213;

д. Заходы, VI: зануучували, 492; пугулять, ib.; пувяли, 493;

с. Надейковичи, V: блугучесьливая, 329; VI: булуватца, 71; хуть, 73;

д. Новый Дедин, IV: згутували, 191; пумяци, 192; нучуваць, 193; мужуков, 194; лумаюць, ib.; братум, 194; загутували, 195;

д. Прудок, IV: перенучуваць, 198; туваришов, 199; пусубляв, ib.; туваришами, ib.; пусмотри, 200; вуззвав, ib.;

м. Родня, IV: пругожая, 216;

д. Селецкое, VI: хуць, 88; пуцулувала, 90;

с. Тимоново, III: хуць, 121; скували, 122; хуваетца, 126;

м. Хотовиж, V: бугряную (= багряную), 403.

6) в говорах *Гомельского* и *Рогачевского* уездов отмечается выпадение *і* между двумя гласными.

Примеры.

Гомельский уезд.

с. Васильевка, IV: хорошаа, 107; буваа, ib.; слухаа, 108; понимаа, ib.; думаа, ib.; прибягаа, ib.; замыкаа, 109; знаа, 111;

д. Ивановка Телешовской волости, VI: отвящаа, 205; ня пускаа, ib. прилятаа, ib.; туу, 208; прыяжжаа, 209; таа, ib.; знаа, ib.; ядомаа, ib.; тоа, ib.; хурошаа, 211; думаа, ib.;

д. Крывск, V: крапивнаа, 121; подтыннаа, ib.; спрановаа, ib.; межоваа, ib.: потколоднаа, ib.;

с. Марковичи, IV: бываа, 105; якаа, ib.; хорошуу, ib.; дожидаам, ib.; прияжжаа, 106; штырхаа, ib.; VI: тоа, 440; такоа, ib.; дурацкаа, 441; мужицкуу, ib.; большаа, ib.; ня знааш, 442; цэлнаа, 443;

с. Поповка, VI: питаа, 405; посилаа, 406; падаа, ib.;

с. Романовичи, VI: понимаа, 16;

д. Рудня, VI: спрашуа, 66; накладаа, 68;

с. Телеши, IV: на туу, 137; пытаа, ib.; отвящаа, ib;

Телешовская волость, IV: таа, 136; першаа, ib.; у туу, ib.

Рогачевский уезд.

д. Болсуны, IV: нясходимаа, 91; пугаа, ib.;

м. Городец, III: вынимаа, 182; отвящаа, ib.; пытаа, ib.; такаа, ib.; красиваа, ib.; пригожаа, ib.;

м. Жлобин, III: гукаа, 269; ня знаа, ib.; противнаа, 384; выяжжаа, ib.; пропадаа, ib.;

с. Кошелево, VI: от'яжжаа, 320; сустракаа, ib.; посылаа, ib.; которуу, 327;

с. Меркуловичи, IV: хорошаа, 20; наўчаа, ib.;

с. Нисимковичи, III: выкашуа, 228; туу, ib.; тоа, ib.; своу, ib.; зделаам, ib.; разумныа, ib.; троа суток, 229; своу, ib.; под'яжжаа, ib.; сярэбранаа, 230; разумнаа, 289; туу, ib.; бяздолнаа, ib.; твоа, 290; ня стоа ничого, ib.; хорошуу, 357; другаа, ib.; такаа, ib.; туу, 390; тыа, ib.;

перваа, 391; голаа, 392; таа, ib.; прияжжаа, 397; гукаа, 399; лэпаа, ib.; праведнаа, ib.;

с. Озераны, III: попытаам, 322; утбпраа, 329;

с. Покать, VI: туу, 335; посылаа, 337; спрашуа, ib.; прыяжжаа, 339;

д. Станьково, III: дужидаа, 89; ня пупадаа, ib.;

с. Старая Рудня, VI: погуляам, 215; прияжжаа, ib.; которуу, 223; занимаа, ib.

7) Неодинаковы говоры названных уездов и со стороны *аканья*. См. «Труды Моск. Диалект. Комиссии», вып. 3, стр. 209, 210; см. ответ на краткую Академич. программу по Черниговской губ. № *292а*.

8) Встречаются формы местного падежа множ. числа имен существительных на-*ох*.

Примеры.

Гомельский уезд.

г. Белица, IV: мястох, 111;

Дятловицкая волость: в болотох, в Михалькох (название деревни; З. Радченко. Op. cit., стр. VIII).

Рогачевский уезд.

д. Болсуны, IV: по лядох, 91.

Чериковский уезд.

м. Молостовка, III: по мохох, 255; по болотох, ib.;

с. Новая Ельня, VI: по садох, 110.

9) Формы сложного и местоименного склонения на-*эй*,-*эя* и т. д.

Примеры.

Гомельский уезд.

с. Еремино, III: тэй, 407;

с. Вылев, V: конь тэй, 70.

Рогачевский уезд.

д. Болсуны, IV: тэй, 94;

м. Городец, VIII: хорошэй чылядзины, 478;

Довская волость, IV: тэй (им. ед.), 115;

д. Колбовка, IV: тэй (им. ед.), 58;

с. Меркуловичи, III: орол тэй, 173; IV: тэя (род. ед. числа жен. р.), 19, 20; тэй (им. ед.), 20; тэя (вин. мн.) ib.;

с. Нисимковичи, III: тэй, 291;

с. Покать, VI: тэй (им. ед.), 338;

с. Солоное, VIII: ўсё залатэя, ўсё и налитэя, 171.

Чериковский уезд.

с. Братьковичи, V: святэй, 184;

с. Киселевка, VI: в однэй, 225;

м. Малятичи, VI: тэй, 190, 193, 195; старэй, 195; молодэй, ib.; золотэй гвоздь, 197; оцец наш роднэй, 198;

м. Молостовка, III: тэй, 255; IV: тэй, 154; V: души прегряшнэя, 389;

с. Новая Ельня, VI: тэй, 106, 113;

с. Палужь, IV: тэя (им. мн. ч.), 206;

д. Плещино, VI: тэй (вин. ед. муж. рода), 26;

м. Студенец, IV: тэй, 187; морозы такея большэя, 201; старэй стыричок, ib.; другей бедный, 206; рож зародзив густэй, ib.; у беднаго плохей, ib.; чужея доли, ib.; у другей город, 207; тэя пиць захоцели, ib.; VI: другей раз, 299.

Климовичский уезд.

д. Артюхи, VI: якея, 147;

м. Белынковичи, V: злэй годзины, 428; VI: горыд якей, 463; к старусцы тэй, 465; у тэй криницы, ib.; злэя души, 466; золотэя дзеньги, 467; такей огромный, 468; гроб золотэй, ib.; молодэй, ib.; такей, 469;

Белынковичская волость, V: зубы гнилэя, 164; становицеся зубы сталянэя, ib.;

с. Гавриленки: тэй, маладэй (Прогр. Моск. Диалект. Комиссии № *103*);

д. Ганновка, IV; якея, 190; тэю, ib.;

с. Забелышин, IV: такей, 153, 196;

Забелышинская волость, IV: святэя, 212; большей вецер, 213; из большэя, ib.;

д. Заходы, VI: такей, 491, 492; другей, 493; тэй, ib.; небольшэя (имен. пад. мн. ч.), 494;

с. Надейковичи, III: тэй, 37;

Надейковичская волость, V: нябеснэя (имен. пад. мн. ч.), 341; VI: чужэй, 74;

д. Новой Дедин, IV: у воднэй, 191; другэй, ib.; глупэй, ib.; якей, ib.; трудовэй, ib.; худэя годы, 193;

д. Селецкое, IV: тэй, 219; VI: тэй, 88;

с. Тимоново, III: тэй, 120; на'днэй, 130;

д. Прудок, IV: уторэй раз, 199; тэй (род. ед. ч. женск. род), ib.;

м. Хотовиж, V: другей, 336.

10) В некоторых говорах *Гомельского* уезда встречаются в сложном склонении формы местного падежа, равные творительному.

Примеры.

г. Гомель, II: по серебраным блюдечку, 344;

с. Грабовка, V: по калиновым мосту, 10.

11) Местоимение *гэтый* встречается в прямых и косвенных падежах.

Примеры.

Гомельский уезд.

Поповская волость, П. В. Ш., т. I, ч. 2: гэтых, 651.

Рогачевский уезд.

м. Городец, VIII: гэтаму, 474;

д. Яново, П. В. Ш., т. II: гэту, 63; гэто, 64; гэтый, ib.

Климовичский уезд.

м. Милошовичи, П. В. Ш., т. II: гэто, 146; гэтыго, ib.; гэтым, ib.

12) В области глагольных форм 3-е лицо единств. числа или бессуффиксное или с окончанием-*ть*.

В говоре *Гомельского* уезда формы преимущественно бессуффиксные.

Примеры.

г. Белица, I: побуджае, 58; мяте, 140; заметае, ib.; III: гоня, 435; ня будя, но и I: живеть, 113; п'еть, 115; шлеть, ib;

с. Васильевка, IV: слухаа, 108; виляа, ib.; понимаа, ib.;

г. Гомель, I: гуляе, 16;

сл. Городня, I: не выходить, 36; держить, 37;

Дятловицкая волость: формы бессуффиксные (З. Радченко. Op. cit., стр. V);

с. Уть: говорить (А. С. Дембовецкий. Op. cit., 525).

В говоре *Рогачевского* уезда формы бессуффиксные (см. названные выше сборники).

В говорах *Чериковского* и *Климовичского* уездов формы 3-го лица ед. числа преимущественно с -*ть*.

Примеры.

Чериковский уезд.

д. Губенщина: едить («Могилевск. Губерн. Ведомости» за 1889 г., № 2);

м. Краснополье: вымееть, 528; расчешеть, 529; ходить, ib. (А. С. Дембовецкий. Op. cit.);

Малятичская волость, П. В. Ш., т. II: разгадаить, 613; разбираить, ib.; прочитаить, ib.

Климовичский уезд.

Каничский приход: играеть, 548; пытаеть, ib. (А. С. Дембовецкий. Op. cit.);

Милославичская волость, П. В. Ш., т. II: прибываить, 669; принимаить, ib.; очищаить, ib.;

Роднянская волость, П. В. Ш., т. I, ч. 2: ня пустить, 644;

Хотовижская волость, П. В. Ш., т. II: пынимаить, 621; будить, ib.; зыкупляить, ib.

13) Отдельные говоры изредка представляют в 3-м лице един. и множ. числа окончание *-ти.*

Примеры.

Гомельский уезд.

с. Васильевка, IV: хай нас волость разбярути, 107;

сл. Городня, I: миж собой речи говорати, 117;

Дятловицкая волость: цеюти, скачути (З. Радченко, стр. V);

с. Еремино, III: ён стоити, 409;

д. Ивановка Телешевской волости, VI: гуворати ворону (= говорят ворону) 209;

с. Корма, IV: возьмути, 83;

с. Перерост, III: як будути лезть, 61; хтось кричити, 297; б'юти, ib.; жывути, 298; прибягаяти, 380; хочати, 421; IV: устанути, 27;

с. Поповка, VI: на собаку кричити, 406.

Рогачевский уезд.

с. Меркуловичи, IV: яны говоруци, 19.

14) Большая распространенность, сравнительно с Северско-белорусским говором, глагольных форм 1-го лица множ. числа на *-ом.*

Примеры.

Гомельский уезд.

г. Белица, I: пойдом, 14; IV: поедом, 143; приедом, 144;

с. Васильевка, I: напном, 126; IV: сядом, 110; поедом, ib.;

м. Ветка, I: поедом, 118;

Дятловицкая волость: отнесом, покладом, довезом, подметом, загребом, сядом (З. Радченко. Op. cit., стр. VIII—IX);

д. Ивановка Телешовской волости, VI: будом, 205;

с. Корма, V: идом, 100;

с. Купреевка, VI: проедом, 11;

с. Марковичи, VI: будом, 442;

с. Перерост, III: будом, 75;

с. Поповка, VI: понясом, 404; закином, ib.;

д. Рудня, VI: пойдом, 65; будом, 66; погибном, 67; уедом, ib.

Рогачевский уезд.

д. Болсуны, IV: пасом, 93;

м. Городец, III: кликном, 149;

м. Жлобин, III: будом, 380.

15) Формы повелительного наклонения с окончанием *-мо* (иногда *-ма*) в первом лице множ. числа и с гласным *е* из *ѣ* в первом и во втором лице того же числа.

Примеры.

Гомельский уезд.

м. Ветка, I: ходем, 118;

г. Гомель, II: идете, 342; ведете, ib.; ходем, ib.;

с. Ерёмино, III: нумо (повелительная частица), 408;

с. Поповка, VI: ходемтя, 405.

Рогачевский уезд.

м. Городец, III: зарежма, 150; прорежмо, ib.; раскрыймо, ib.; гонимо, ib.;

м. Жлобин, III: вузьмимо, 380; ходем, 384.

16) В говоре Дятловицкой волости infinitiv'ы на *-ти:* пити, ести, ведати (З. Радченко. Op. cit., стр. V).

17) В говорах *Климовичского* и *Чериковского уезда* нередки деепричастия настоящего времени на *-мши*.

Примеры.

Климовичский уезд.

с. Белынковичи, VI: схоронёмши, 468;

д. Заходы, VI: пусьтёмши, 492;

Надейковичская волость, V: возлюбемши, 340; узрасьцёмши, ib.;

с. Селецкое, VI: ожанёмши, 89;

д. Тимоново, III: помолёмшись, 122; проглыцёмши, 129; народзёмши, 205;

м. Хотовиж, V: осудзёмши, 403.

Чериковский уезд.

с. Палужь, IV: получомши, 205;

Самотеевская волость, IV: положомшы, 165.

18) Ряд украинизмов, характеризующих преимущественно *Гомельский* и *Рогачевский* говоры, каковы:

а) переход *ѣ* в *і* (после *р* — *ы*).

Примеры.

Гомельский уезд.

д. Будище, V: билых костей, 127; билыя кости, ib.;

с. Глубоцкое, V: тилу, 10; тистом, ib.; зрызать, ib.; горылки, ib.;

с. Кузминичи, V: дива (= дева), 111;

с. Марковичи, IV: дило, 102; сусидкой, ib.; ня здилая, ib.; побиг, ib.; з'или, 103; VI: саби, 440; таби, ib.; дилать, 442;

с. Новые Юрковичи, V: тила, 72; билый, ib.;

с. Поповка, VI: полизла, 405;

д. Рудня, VI: дивсь, 61; издилан, ib.;

с. Старые Юрковичи, IV: побигла, 104; прибигли, 104; приихали, ib.;

с. Телеши, IV: заихав, 138;

Телешовская волость, IV: от'ила, здилав, ib.

Рогачевский уезд.

с. Озераны, III: дзид, 26, 27; хлиба, 322; узлизла, 329; заихаў, 336; приихаў, ib.

б) Такие украинизмы, как: *чом, дэ, ще, що, шо.*

Примеры.

Гомельский уезд.

г. Белица, I: ще, 15; 140; IV: ще, 143;

с. Васильевка, IV: що, 107; щоб, ib.; дэ, 109;

г. Гомель, II: на що, 342; чом ты рожа й одна у городи; чом ты девочка одна ў таточки, 344;

сл. Городня, II: чом ты замуж не даеш, 185;

д. Дубровка, VIII: що, 70;

Дятловицкая волость: що и шо (З. Радченко. Op. cit., стр. VII);

с. Еремино, I: чом не сказуеш, 129; III: ще, 406;

д. Ивановка Телешовской волости, VI: де, 205;

с. Корма, IV: що, 82; ще, 181;

Краснобудская волость, VIII: щоб, 245; що, ib.;

с. Марковичи, VI: що таби, 440;

с. Поповка, VI: що, 406; щоб, ib.;

д. Рудня, VI: дэ, 62; що, ib.

Рогачевский уезд.

д. Болсуны, IV: ще, 91;

м. Жлобин, III: шо, 380; 385;

с. Кошелево, VI: ще, 320.

б) Говоры *Рославльского уезда.*

Из записей по Рославльскому уезду использую здесь:

1) записи В. Н. Добровольского[1] из следующих мест, из сел: Васьковки, Клечетова, Летошников, Митюлей, Михайловки, Полуева, Романовки, Черепова и деревни Шимановки;

2) обработку проф. Н. Н. Дурново ответов на краткую Академич. Програм.[2] из сел: Каталина Каталинской волости, Жабина Хорошовской волости, Луг Луговской волости, Сукромли Прыщанской волости, д. Мощылевки Кузьмичевской волости и деревень Тюнинской волости: Алферова, Бабинок, Литвинова, Стреченова, Тюнина и Щепета;

3) записи песен Вл. Костылева из с. Краснозаборья.[3]

Из перечисленных здесь сел ближайшее к Северско-белорусскому говору с. Каталино.

Судя по данным, извлеченным из этих источников, говор Рославльского уезда отличают от Северско-белорусского следующие черты:

1) Ярко выраженное диссимилятивное аканье.

Примеры.

с. Васьковка, IV: ни пырядычик, 362;

с. Жабино: слáвá, каня́, нáшлá, тълáкá, събáка;[4]

с. Каталино: выда, ныга, вдыва, ib., 84;

с. Клечетово, IV: быяри, 210;

с. Летошники, IV: стыять, 76; мыя, 265; 387; выда, 354; пышла, 355;

с. Луги: гыра, гылыва, гырячыга («Труды Московск. Диалект. Комиссии», ib., 84);

с. Михайловка, I: стыяў, 177; выгынять, ib.;

с. Полуево, II: мыя, 362; кыса, 362; IV: мыя, 38;

с. Романовка, IV: стыяли, 624;

с. Сукромля: выда, кыса («Труды Московск. Диалек. Комис.», id., 85);

д. Шимановка, IV: сыбаччая, 516; скызаў, ib.;

---

[1] «Смоленский этнографический сборник», ч. I, II и IV («Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии», т. XX, т. XXIII, в. 1, т. XXVII).

[2] «Труды Моск. Диалектолог. Комис.», вып. 2, стр. 76, 84—86.

[3] «Русский Филологич. Вестник» за 1884 г., № 3, стр. 55—61.

[4] «Труды Моск. Диалект. Комис.», в. 2, стр. 85. Предударное *а* в первых четырех примерах проф. Н. Н. Дурново обозначает буквой *а* с точкой над ней, а в пятом примере буквой ъ; буквой ъ передано неударяемое *а* и во втором предударн. слоге четвертого примера. Эти буквы означают: 1) *а* неполного образования (редуциров.), близкое к звукам среднего ряда, и 2) средний, сильно редуцированный и очень краткий звук среднего ряда. См. ib., стр. 79.

с. Краснозаборье (Р. Ф. В., 1884 г., № 3): пыхать, 55; сылдатушки, ib.; шытаетца, 57; быранык, 58.

2) Случаи иканья при преобладающем диссимилятивном яканьи.

Примеры.

д. Алферово: висна, мидведь, бирёза, вирёвка, дирюга, силёдка («Труды Московск. Диалект. Комис.», в. 2, стр. 85);

с. Летошники, II: на сиребреным, 191; тимну, 192; IV: нимецкыми, 59; в дивитёх, 76; пралитал, 210; ни ем, 211; висёлую, ib.; твиты (рядом с цвяты), ib.; митался, 262; висна, 273; сырую мать-зимлю, 274; тисовенькая, 281; лижить (рядом — ляжить), ib.; систра, 355; либёдку, 378; чичотка (рядом — чечотка), ib.; бирёзу, 437; тисмовенький, 530;

с. Митюли, I: дирива, 172; Аликсандра, 208;

с. Романовка, IV: тисовая, 179;

с. Черепово, IV: литаить, 257;

д. Шимановка, IV: рибяты, 515; систра, 516 и т. д. и —

с. Летошники, II: прячистая, 192; бялити, 193; IV: вянок, 211; цвяты, ib.; ляжить, 281;

с. Митюли, I: дятей, 182; змяиную, ib.; агняную, ib.; разнясеть, ib.; твятоў, 190; биряги, 208; ряки, ib.; вярбовыя, ib. и т. д.

3) Замена редуцированных гласных на месте *о* и *а* в прочих неударяемых слогах, кроме конечного открытого, звуком *ы*.

Примеры.

с. Васьковка, IV: зольта, 362; ни пырядычик, ib.;

с. Летошники, II: с пад сырыга дуба, 192; IV: девык, 25; самыва, 150; рынык, 274;

с. Митюли, I: ярысти, 179; юныстн, ib.; гадысти, ib.; ясныстъ, ib.; госпыда, 182; саборым, 190;

с. Михайловка, I: с сукым, 177; рыбыю, 178;

с. Полуево, II: сивыга волыса, 362; самыга, 362; чорныга ворына, ib.; ясныга сокыла, ib.; белыга, ib.;

с. Романовка, IV: дубовыю, 186; сасновыю, 186;

с. Черепово, IV: Китай-горыд, 58; таварыў, ib.; падаркым, ib.; пад крылычкым, 257;

д. Шимановка, IV: ластыўка, 258; вишнёвыга, 294; падарычки, ib.; сорык, 515; вылачили, 516 и т. д.;

с. Краснозаборье (Р. Ф. В., 1884 г., № 3): приятныва, 56; ягыдка, 57.

4) Лабиализация неударяемого звука *о* в соседстве преимущественно с губными звуками.

Примеры.

с. Васьковка, IV: пу писках, 362;

с. Летошники, II: красувалась, 195; IV: пу маем, 59; начувать, 262; начувал, ib.; пу бару, 265; пубялила, 265; шляпуньку, ib.; пумалиў, ib.; публюдай, 267; пу празничках, ib.; пупрасила, ib.; шуроками, 268; красувалася, ib.; пупили, 269; векувать, 270; пубраў, 273; пубажиўся, 273; лумал, 312; лумала, 347; пу Дунаю, 354; пудумаить, ib.; хувать, 354; таскувала, 386; пубялиўши, 554;

с. Митюли, I: лумала, 209; пумяни, 173; пупалить, 182;

с. Михайловка, I: пумаги, 177; пувяду, 178; пупярешныя, ib ;

с. Полуево, II: красувалысь-ба, 362; IV: дарувала, 557; палумали, ib.;

с. Романовка, IV: дивувалыся, 39; умувалыся, ib.;

с. Черепово, IV: пу пастрещику (пастрещика — стреха), 258; зимувать, 258;

д. Шимаňовка, IV: пу шурокий, 515;

с. Краснозаборье (Р. Ф. В., 1884 г., № 3): пуплачь, 56; пумянеш, 57; пупрянник, 58.

5) Звук *о* после мягких согласных вместо *е* в таких формах настоящего времени, как: живёть (с. Летошники, IV, 464), даждётца, абальлёгца, даётца (ib., 554).

6) Частые случаи отсутствия перехода *л* в *ў* в формах несклоняемого причастия прошедшего времени и в сочетаниях, восходящих к старым *ъл*.

Примеры.

с. Васьковка, IV: жолтиньках, 362; литал, ib.; стаял, ib.; ўздыхал, ib.;

с. Летошники, II: полначи, 191; заставался, 194; IV: ни сватал, 73; ни винчал, ib.; ни любил, ib.; падкрался, 150; ухватил, ib.; патанул, 207; курил, 209; зарадился, 212; долаг, ib.; шатался, 261; зайшол, ib.; патирял, 262; брасался, ib.; пришол, 268; спагубил, 271; пашол, 272; был, ib.; хаживал, ib.; ступил, ib.; на жолтым, ib.; лавливал, ib.; налавил, ib.; хаживал, 274; долга, 309; палучал, 312; ня был, ib.; прайшол, ib.; прасвистал, ib.; падавал, ib.; сменил, 437; приказал, ib.; любил, 463; сталбавая, 555 и т. д. при более многочисленных случаях с *у* неслоговым;

с. Митюли, I: ишол, 187; жолтыя, 208;

с. Михайловка, I: жолтыи, 178;

с. Романовка, IV: заступил, 624.

7) Отсутствие дзеканья и цеканья.

8) Отсутствие отвердения *р* при весьма редких, повидимому, случаях употребление мягкого *р* вместо твердого, каковы: намирьгайтись (с. Полуево, II, 362; IV, 202), вирябей (с. Черепово, IV, 30).

Примечание. В записи из с. Краснозаборья (Р. Ф. В., 1884 г., № 3) встречаются случаи сочетания *р* с *ы* вм. *и*.

9) Отсутствие смягчения задненебных в известных падежных формах.

Примечание. Случай такого смягчения представляет форма *дарози* (с. Летошники, II, 192), рифмующаяся с местным падежом *ў абози*.

10) Отсутствие в ряде случаев приставочного *в* пред начальным гласным звуком.

Примеры.

с. Летошники, IV: два утёнка, 150; утка, ib.; па улицы, 151.

11) Отсутствие аффрикаты *дж*.

Примеры.

с. Летошники, IV: вижу, 79; хажу, 386; прабужала, 530;

с. Полуево, IV: хажу, 238; вижу, ib.; прихажу, 265;

с. Черепово, IV: сяжу, 257; гляжу, ib.

12) Переход звонких согласных в глухие на конце слов и пред глухими.

Примеры.

с. Летошники, IV: сапох (род. мн. ч.), 76; гаспотский, 151; друх, 262, 268, 312; пирядрох, 266; пирох, 275; с нох, 530; крух (=вокруг), 554.

13) Долгое или двойное *ж* в падежных формах слова *дождь*.

Примеры.

с. Летошники, II: дожжу (родит. ед. ч.), 192; IV: при дожжичку, 268;

с. Полуево, IV: дажжи, 557.

14) Случаи перехода *с'* в сочетании *с'с'* в *т'*.

Примеры.

с. Романовка, IV: брусьтя (вм. брусься), 179; па тым брусьтю, ib.;

с. Черепово, IV: пиряверністя, 258;

с. Краснозаборье (Р. Ф. В., 1884 г., № 3): сыбираістя, 59; выбираістя, ib.

15) Нередки формы именит. и винительн. падежей мн. числа имен среднего рода на *а*.

Примеры.

с. Летошники, IV: балата, 150;

с. Митюли, I: балота, 172;

с. Романовка, IV: дрова, 39.

16) Весьма частые формы именит. падежа единств. числа имен прилагательных муж. рода сложного склонения на *-ой* при более частых формах на *-ый* и *-эй*.

Примеры.

с. Васьковка, IV: маладой, 362; мяньшой, ib.;

с. Клечетово, IV: маладой, 210;

с. Летошники, II: маладой, 191; IV: другой, 59; маладой, 152, 308, 463; кривой, 151; сырой, 193; халастой, 265; дарагой, 272;

с. Черепово, IV: другой праздник, 16.

17) Формы родит. падежа единств. числа имен прилагательных мужеского и среднего рода сложного склонения и местоимений на *-ово* при более частых формах и стоящих нередко рядом с ними на *-ого*.

Примеры.

с. Жабино: таwo («Труды Московск. Диалект. Комис»., в. 2, стр. 85);

с. Каталино: чаво (ib., 84);

с. Летошники, II: чаво, 193; IV: самыва, 150; никаво, 272; за таво, ib.; седьмова, 378;

с. Митюли, I: такова-та, 172; такова, 190;

с. Краснозаборье (Р.Ф.В., 1884, № 3): приятныва, 56.

18) Такие формы косвенных падежей, как: аднэй, маладэй и т. д. при наличности и нередко рядом с ними форм на *-ый* и *-ой*.

Примеры.

с. Летошники, II: з бальшею, 191; IV: маладэй, 59; у тэй 73; в бальшей сон, 139; па широкей, 151; за крутэю, 261; на чужей, ib.; у чужей пир, 265; к тэй, 266; аднэй школи (местн. ед. ч.). 268; чужей (дат. пад. ед. числа жен. рода), 270; ў тэй, 273; тэя (вин. мн. ч. жен. рода), ib.; к сырэй зямле, ib.; в халаднэй погриб, 274; маладэй (дат. пад. ед. ч. жен. рода), 275, 307;

с. Митюли, I: с такей, 179; з буйнэй галавы, 209;

с. Михайловка, I: тимяннэй зубища, 177; якей, 178;

с. Полуево, IV: а ў тэй дяреўни, 557;

с. Романовка, IV: па широкей, 179; у тэй, ib.

19) Формы именит. падежа мн. числа имен прилагательных сложного склонения на *-эя*.

Примеры.

с. Черепово, IV: харомы навэя, 257; каморы патайнэя, ib.; каравати тисавэя, ib.; пярины пухавэя, ib.; адиялы тяплэя, ib.;

с. Краснозаборье (Р.Ф.В., 1884 г., № 3): мыладе(э)я (им. пад. мн. числа), 60; пухове(э)я, 61; гулубе(э)я, ib.; зылате(э)я, ib.

20) Исключительно формы 3 лица единств. числа настоящего времени глаголов на *-ть*.

Примеры.

с. Клечетово, IV: пишить, 210;

с. Летошники, IV: приговариваить, 76; запиваить, 139; свищить, 268; разсуждаить, 378;

с. Митюли, I: разабьеть, 179; разнясеть, ib.;

с. Романовка, II: ня лезить, 190; IV: плачить, 179; унимаить;

с. Черепово, IV: пустить, 58; литаить, 257; стриляить, ib.;

д. Шимановка, IV: едить, 516;

с. Краснозаборье (Р.Ф.В., 1884 г., № 3): ни пайдеть, 56.

21) Такие формы изъявительного и повелительного наклонения, как: разбей (с. Летошники, II, 192), сашью (ib., IV, 20), шьеть (ib., 122), савейте (= свейте, ib., 207), сшей (ib., 268), убей (ib., 270, 273, 312) и т. д. при наличности таких, как: сшию (IV, 265, 266), вышию (ib.), шиить (ib., 355).

22) Причастия на *-мши*.

Примеры.

с. Летошники, II: прилажимши, 193; IV: заламёмши, 24; свимши, ib.; правадёмши, 59; расчесамши, 265; пригладимши, ib.; срубёмши, 354.

23) Сочетание числительных 2, 3 и 4 с формами двойственного числа, при наличности сочетаний с формами множ. числа.

Примеры.

с. Летошники, II: два мароза, 192; чатыри утёнка, 194; IV: два клубочка, 19; два маточка, ib.; два мазалёчка, 20; два утёнка, 150; два вяночка, 262; два рубля, 268; два вала, ib.; три катла, 269; три папа, ib.; три дуба, 354; но также IV: три ряды, 208; два саколики, 274; три карабли, ib.; три браты, 275; три палки, 354; с. Полуево, IV: три сылдаты, 557; с. Черепово, IV: три праздничи, 16.

24) Отсутствие употребления предлога *до* в значении *к*.

25) Неизвестные Северско-белорусскому говору особенности в словаре и словообразовании, например: нетути (с. Летошники, II: 191; IV: 77, 530); свякрова (с. Черепово, IV: 57), свекра (с. Летошники, IV: 77),

нет (ib., 193, 266); пусть (ib., 210); дижа (ib., 266); хаживал (ib., 272, 274); лавливал (ib., 272); зачем (ib., 312) и т. д.

в) Говоры *Брянского уезда.*

Из говоров Брянского уезда использую здесь следующие наблюдения: 1) проф. Е. Ф. Будде над говорами села Мужилова Акулицкой волости (в западной части Брянского уезда),[1] 2) акад. Е. Ф. Карского над говором с. Акулич и говорами Акулицкой и Лутенской волостей, лежащих по соседству с Мглинским и Рославльским уездами[2] и 3) проф. Н. Гр. Голанова над говорами названного уже с. Акулич и деревень, лежащих: а) в восточной части Брянского уезда: Чайковичей, Липова, Буды, Дарковичей, Большого и Малого Полпина и б) в северозападной — села Пятницкого и деревни Давыдчичей.[3]

По наблюдению проф. Е. Ф. Будде, говор с. Мужилова характеризуют следующие черты:

1) аканье «на переходной ступени из сильного к умеренному»,

2) отсутствие дзеканья и цеканья,

3) отсутствие отвердения *р*, хотя есть 2—3 случая твердого *р* вместо мягкого (рашато, пираулак),

4) отсутствие перехода *л* в известных фонетических условиях в *ў*,

5) мягкое *к* на месте старого твердого рядом с твердым,

6) особенно мягкое *ч*,

7) случаи *с* вместо *ц*,

8) звуки $з^{ж}$ и $с^{ш}$,

9) мягкое *т* в 3-м лице глаголов,

10) мена *у* и *в* и

11) звук *h* вместо *г*.

Сделанные проф. Е. Ф. Будде записи в с. Мужилове дают возможность присоединить сюда еще две черты:

а) переход звонких согласных в глухие в положении их пред глухими и на конце слова (стр. 85): салотка, сат, друх, муш пашыть и т. д. и

б) родит. пад. един. числа муж. р. местоимений с окончанием *-во:* майво.

Акад. Е. Ф. Карский, наоборот, отмечает, что говор с. Акулич, по его наблюдению, характеризуют следующие черты:

---

[1] «Сборник Отделения русского языка и слов.», 1904 г., т. 76.

[2] «Новый сборник статей по славяноведению в честь Вл. Ив. Ламанского», 1905 г., стр. 314—320.

[3] «Труды Московск. Диалект. Комиссии», вып. 3, стр. 154—161.

1) аканье «в полной силе»: галава, цана, салотка, майго, яны, яси, баляць,

2) дзеканье, хотя заметна склонность к чистым *д* и *т* мягким,

3) мягкое *р*,

4) переход в известных условиях *л* в *ў*: маўчаць, купаўся, паймаў и т. д.,

5) переход *в* в *ў*: ўнук, ўсей, ў мяне,

6) удвоение в известных условиях согласных: Ильлю, Ильля, но *р* не удваивается — Ягорья,

7) приставочное *и*: конь пржець, ирваць,

8) -эй (-ей) под ударением вместо -ой: ў аднэй руце, у другей, такей, на аднэй, тэй,

9) редкое отвердение *л*,

10) *г* = *h*,

11) *dj* смягчается в *ж* (вижу, ражать),

12) зват. падеж в форме — мам, баць, цёт,

13) при числительном *два* ставятся формы множ. числа,

14) в вопросах всегда употребительна частица *ци*.

Кроме того, в записях песен, сделанных акад. Е. Ф. Карским, встречаются следующие примеры перехода звонких согласных в глухие в положении пред глухими и на конце слова (стр. 316): ягатка, пирявос, дорох и т. д.

Таким образом, у проф. Е. Ф. Будде и акад. Е. Ф. Карского говор характеризуется рядом несходных, а иногда и взаимно противоположных черт (§§ 1, 2, 4 и др.). Правда, наблюдения проф. Е. Ф. Будде касаются говора с. Мужилова, а акад. Е. Ф. Карского — с. Акулич, но говор с. Мужилова, по сообщению Е. Ф. Карскому местных жителей, не отличается от говора с. Акулич.

Не вижу других причин для объяснения противоречия в наблюдениях проф. Е. Ф. Будде и акад. Е. Ф. Карского, как те, которые указаны акад. Е. Ф. Карским.[1] Возможно также, что объект наблюдения Е. Ф. Будде не был уроженцем с. Мужилова: в некоторых чертах говор, описанный Е. Ф. Будде, сходен с говором восточной части Брянского уезда.

По наблюдению проф. Ив. Г. Голанова, говор с. Акулич характеризуют следующие черты:

---

[1] «Новый Сборник статей по славяноведению в честь Вл. Ив. Ламанского». 1905 г., стр. 317.

1) Диссимилятивное аканье,

2) гортанный звук *г*,

3) твердое *ч*,

4) *щ* = *шч* (с твердым *ч*),

5) переход в глагольных формах *л* в *ў*,

6) переход *в* в *ў*,

7) случай, повидимому, спорадического сохранения звонких согласных на конце слов: муж (не муш), горад, злазь, но также и злась.

8) Формы местного падежа един. числа с окончанием *і* под ударением у слов мягкой разновидности.

Отличие этой записи от наблюдений акад. Е. Ф. Карского заключается в определении аканья и в указании на случаи спорадического сохранения звонких согласных лишь на конце слов.

Примечание. Отсутствие в записи проф. Ив. Г. Голанова некоторых черт, отмеченных акад. Е. Ф. Карским, имеет свою причину, повидимому, в краткости записи.

Другие говоры Брянского уезда, известные из записи проф. Ив. Г. Голанова, говоры дд. Чайковичей, Липова, Дарковичей и Буды, характеризуют следующие черты, представляющие до некоторой степени сходство с чертами, отмеченными проф. Е. Ф. Будде в с. Мужилове:

1) мягкое *ч*,

2) мягкое *т* в 3-м лице глаголов,

3) род. пад. ед. числа имен прилагат. и местоим. мужеск. и средн. рода на *-ва* (рядом с *-га*),

4) род., дат. и местн. падежи ед. числа женск. рода и имен. пад. ед. числа муж. рода на *-эй*; твор. ед. числа женск. рода на *-эй*, *-эю*: тэю.

О говоре дд. Большого и Малого Полпина, с. Пятницкого и дер. Давыдичей сведения, даваемые проф. Ив. Г. Голановым, весьма кратки; наличность в них мягкого *ч* позволяет отождествить их в большей или меньшей степени с предыдущими говорами.

Ближайшими из этих говоров к Северско-белорусскому будут говоры сс. Акулич и Мужилова.

г) Говоры *Трубчевского уезда.*

О говорах Трубчевского уезда, помимо входящих в состав Северско-белорусского говора, имеются сведения: 1) у акад. Е. Ф. Карского из с. Семецев в названной выше статье и 2) в ответах на Академич. великорусскую программу № 1 из с. Гололобова, № 3 из с. Кокаревки и на

такие же белорусские: № 2 из с. Негина, № 4 из с. Радутина и № 5 из с. Красной Слободы (рукописные материалы).

Говор с. Семцев характеризуют следующие черты:

1) дзеканье и цеканье,

2) переход в известных условиях *л* в *ў*,

3) переход *в* в *ў*,

4) изредка твердое *р* на месте мягкого и обратно,

5) мягкость губных в сочетании с *и*,

6) смягчение задненебных в формах соответствующих падежей,

7) такие формы звательного падежа, как: мам, тат и т. д.,

8) такие формы местного падежа, как — у тэй руце,

9) *-ый* в окончании именит. падежа имен прилагательных муж. рода единств. числа,

10) формы родит. пад. единств. числа прилагат. муж. и средн. рода на *-во* и некот. другие.

Говор сс. Гололобова, Кокаревки, Негина, Радутина и Красной Слободы характеризуется, между прочим, 1) мягким *ч*, 2) произношением *щ*, как *шш*, 3) переходом звонких согласных в глухие в положении их пред глухими и на конце слова, 4) формами родит., дат. и местн. пад. ед. числа жен. р. на -эй (-ей), 5) формами причастий на *-мши* и т. д.

В ответе из с. Радутина отмечена, между прочим, и форма *тавo*. (Подробнее см. в ответах на названные программы).

Ближайшим из говоров Трубчевского уезда к Северско-белорусскому будет говор с. Семцев.

д) *Говоры, граничащие с Северско-белорусским с юга.*

О говорах, граничащих с Северско-белорусским с юга, имеются сведения: 1) в ответах на кратк. Академ. програм. из Новгород-Северского, Сосницкого и Городнянского уездов, 2) в сборнике Б. Д. Гринченка «Из уст народа» — из с. Юриновки № 307 и из сс. Каменки и Дуплиновки № 308 Новгород-Северского уезда, 3) в статье исторического и этнографического содержания с песнями, касающейся того же с. Юриновки Новгород-Северского уезда, помещенной в «Черниговских Губернских Ведомостях» за 1854 г., № 15 и 1855 г., №№ 19—21, 4) в том же сборнике Б. Д. Гринченка, из с. Лав Сосницкого уезда (№№ 280, 281, 284 и 286), 5) в названной выше статье А. Ф. Полевого, в части, касающейся говора юговосточной части Новозыбковского уезда и 6) в описании О. Курило говора села Хоробрич бывш. Городнянского уезда.[1]

[1] «Фонетичні та деякі морфологічні особливості говірки села Хоробричів». Київ. 1924.

В Новгород-Северском уезде ответы на программы даны из сс. Старой и Новой Гуты и д. Васильевки (№ *199*), сс. Фаевки, Форостовичей (№ *202*), Жадова (№ *204*) и Ображеевки (№ *293*).

В Сосницком уезде — из с. Загребелья (№ *211 а*), мм. Стольного и Новых Млинов (№ *211 б*), д. Гуты Студенецкой и с. Киреевки (№ *211 в*).

В Городнянском уезде — из сс. Петровки, Смяча, Конотопа, Хотунич, Носовки, Дырчина, дд. Камки, Гвоздиковки, м. Новых Боровичей (№ *291 а*) и д. Старых Боровичей (№ *291 б*).

Говоры сс. Фаевки, Форостовичей и Жадова (Новгород-Северского уезда) характеризуется, с одной стороны, аканьем или смешением неударяемых *о* и *а*, а с другой — отвердением согласных пред *е* и *і*, произношением *ѣ*, как *і* и *i͡e*, звуками сложной артикуляции, т. наз. дифтонгами, на месте *о* и *е* в закрытых слогах, твердым *р* и некотор. друг.; говор с. Ображеевки представляет отсутствие аканья, произношение *ѣ*, как *е*, отвердение согласных пред *е* и *і* и твердое *р* во всяком положении. Говор с. Юриновки характеризуется дзеканьем и изредка смешением *ы* и *і*.

Примечание 1. Сведения о говоре с. Старой и Новой Гуты и д. Васильевки Новгород-Северского уезда весьма кратки: отмечено отвердение согласных пред *е* и *і* и бессуффиксные формы 3 лица ед. числа глаголов.

Примечание 2. Со статьей, касающейся говора с. Юриновки, помещенной в «Черниговск. Губерн. Ведом.» за 1854 г., № 15 и 1855 г., №№ 19—21, к сожалению, не имел возможности познакомиться непосредственно. Сообщаю о ней на основании данных, имеющихся у акад. Е. Ф. Карского.[1]

Записи в сборнике Б. Д. Гринченка, №№ 307 и 308, содержат указание на аканье на ряду с украинизмами, особенно № 308.

В Сосницком уезде говор Гуты Студенецкой характеризуется аканьем, отвердением согласных пред гласными переднего ряда, так называемыми дифтонгами и некотор. друг.; говор местечка Стольного имеет аканье, отвердение согласных пред *е* и *і*, дифтонгическое произношение *ѣ*, твердое *р*, так называемые дифтонги в закрытых слогах; говор сс. Загребелья, Киреевки и м. Новых Млинов, наоборот, характеризуется отсутствием аканья и наличностью отчасти других черт, известных предыдущим говорам.

Примечание. Говор с. Лав, судя по записям в сборнике Б. Д. Гринченка, чисто украинский.

---

[1] «Белорусы», т. I, стр. 223—224.

В Городнянском уезде говор сс. Петровки, Смяча, Конотопа, Хотунич, Носовки, Дырчина, дд. Камки, Гвоздиковки, Старых Боровичей и м. Новых Боровичей характеризуется аканьем, спорадическим произношением *ъ*, как *і*, кроме д. Старых Боровичей и м. Новых Боровичей, где *ъ* всегда произносится как *і*, так называемыми дифтонгами или звуком *і* на месте *е* в закрытых слогах, твердым *р* во всяком положении, отверденнем согласных пред гласными переднего ряда лишь в некоторых говорах (в дд. Гвоздиковке, Старых Боровичах, с. Носовке и м. Новых Боровичах) и дзеканьем, отмечаемым в говоре сс. Петровки и Старой Рудни.

В юговосточном углу Новозыбковского уезда говор, по определению А. Ф. Полевого, очень близок к «малорусскому».

Говор с. Хоробрич характеризуется аканьем, но также и звуками сложной артикуляции, так называемыми дифтонгами, на месте *ъ* и *о* в известных фонетических условиях.

Ближайшими из них к Северско-белорусскому говору будут говоры д. Гуты Студенецкой и с. Жадова.

Территория Северско-белорусского говора.

Рассмотренные говоры, граничащие с Северско-белорусскими с запада, севера, востока и юга, в ряде явлений не сходны с Северско-белорусским; они отличаются от него прежде всего отсутствием черт, характерных для этого последнего, и, наоборот, часто характеризуются неизвестными ему чертами. Это обстоятельство дает возможность судить о границах Северско-белорусского говора. К сожалению, сведения о говорах, особенно граничащих с Северско-белорусским с севера, востока и юга, весьма недостаточны и не дают возможности точно установить эти границы. Приходится поэтому, исходя из этих сведений, лишь приблизительно наметить их и занимаемую говором территорию. Ближайшие из соседних с Северско-белорусским говором села и деревни являются теми пределами, по сю сторону которых проходит в настоящее время граница говора на западе, севере, востоке и юге. В некоторых местах, например, на севере бывшей Черниговской губ., в части, прилегающей к Климовичскому уезду, она проходит, может быть, значительно южнее ближайших сел этого уезда, на что дают указание особенности говора с. Казарич и д. Стодолы бывш. Суражского уезда (ненапечатанные материалы Моск. Диалект. Комиссии № *292а*). Этот говор, надо полагать, подвергся влиянию, идущему с севера и сказавшемуся прежде всего на характере его аканья. «Все жители вышеупо-

мянутых местностей», говорится в ответе (§ 3), «раз будут говорить ныгá, гылывá, дыскá, а в другой в том же случае скажут нагá, галавá, даскá». Далее здесь же приводятся примеры: «ны вадé», «ны травé» (§ 14), нá нычь (§ 16), пыпраси́ (§ 21), до́брыга, гаря́чыга (§ 22). Что же касается судьбы звонких согласных, то она неясна: в ответе на вопрос (§ 7) о способе артикуляции звука *г* приведены примеры «Питянбурх, друх». Не ясно однако, какое значение имеет здесь передача конечного звука чрез *х:* является ли она непосредственным ответом на вопрос программы: «не произносят ли *г* в роде, как *х*?» или же она есть результат перехода звонкого фрикативного в соответствующий ему глухой. Нет также никаких указаний и на судьбу звонких в положении их пред глухими.

Примечание. То же относится и к ответу на тот же вопрос (§ 7) в программе № *295 а* из с. Осколкова бывш. Мглинского уезда. Вопроса же, касающегося непосредственно судьбы звонких согласных, в программе нет.

На отвердение же *р* только пред гласными переднего ряда в с. Казаричах и д. Стодоле в ответе есть прямые и косвенные указания: на ряду с царь, грязь, курю имеем — старык, тры, чатыры (§ 24), бяры, прыясом, прыдом (§ 2), скарэй (§ 4).

В этих границах в Северско-белорусском говоре можно различать ряд диалектов: говоры дзекающие и цекающие и не знающие этих черт, говоры с исчезающим отвердением *р* пред гласными переднего ряда и т. д. Есть однако основание полагать, что эти явления позднейшие. Сравни здесь сказанное раньше о дзеканьи и цеканьи в Северско-белорусском говоре и в частности замечание Ан. Ф. Полевого о дзеканьи в говорах Новозыбковского уезда; сравни также сказанное выше о судьбе *р* и т. д. При всем том всем этим диалектам свойственны указанные выше черты, объединяющие их в один Северско-белорусский говор.

Северско-белорусский говор среди других белорусских говоров.

Наметив территорию Северско-белорусского говора и установив отличие его от говоров соседних с ним уездов, посмотрим, какое место занимает он среди других белорусских говоров. Как уже сказано выше, вопрос этот не был предметом специального рассмотрения в научной литературе. На протяжении 50 слишком лет отдельные исследователи и наблюдатели касались его лишь мимоходом. Понятно, что 50 слишком лет назад, при недо-

статочности знакомства с говором не могло быть правильного разрешения вопроса. Проф. Ал. Аф. Потебня, например, относил говор Мглина, Суража, Погара, Стародуба и Новозыбкова к «области южновеликорусского наречия»;[1] Е. Р. Романов видел в говорах бывш. Могилевской губернии продолжение белорусского говора бывшей Черниговской губ.;[2] З. Радченко отождествляет говор Гомельского уезда с говором бывших северных уездов Черниговской губернии,[3] чего в настоящее время, разумеется, нельзя принять (см. главу «Говоры, соседние с Северско-белорусским»); в «Трудах этнографическо - статистической экспедиции в западно - русский край», т. VII, под редакцией П. П. Чубинского (1872 г.), К. П. Михальчук в статье «Наречия, поднаречия и говоры южной России в связи с наречиями Галичины» говор Стародубского, Суражского, Мглинского и Новозыбковского уездов определяет, как переходный «к наречиям Юговосточно-Русскому и Белорусскому», и называет «Северско-Велико-Русским разноречием», составляющим лишь часть «Северского поднаречия», другую часть которого составляет «Собственно-Северское разноречие», обнимающее уезды Черниговской губ., лежащие к северу от Десны: Городнянский, почти весь Сосницкий и часть уездов Остерского, Черниговского, Кролевецкого и Новгород-Северского.[4]

В работах, вышедших сравнительно недавно, в «Белорусах» акад. Е. Ф. Карского, т. I, стр. 193—196, 1904 г., позднее в его же «Русской диалектологии», стр. 117—118, 1924 г. и в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова[5] Северско-белорусский говор отнесен к общей массе белорусских говоров, причем акад. Е. Ф. Карский и составители «диалектологической карты» несколько расходятся между собой в определении его места среди других белорусских говоров. Акад. Е. Ф. Карский целиком относит его к северовосточным белорусским мягкоэрым говорам; составители же «карты» распределяют его между югозападными и северовосточными белорусскими говорами и переходными от белорусских к южновеликорусским. К югозападным белорусским говорам относится здесь западная часть Суражского и Новозыбковского уездов и северная часть Городнянского уезда (стр. 52),

---

[1] «Заметки о малорусском наречии». («Филологич. записки», 1871 г., стр. 3).

[2] «Белорусский сборник», т. I, в. 3, стр. XIV, XVI.

[3] «Гомельские народные песни», стр. IX. («Записки Русского Географического Общества по отд. этнографии», т. XIII, в. 2).

[4] Стр. 491.

[5] «Труды Московск. Диалект. Комиссии», вып. 5, стр. 52 и след.

к северовосточным — Стародубский уезд, большая часть Суражского, Новозыбковского и Мглинского уездов (стр. 54) и, наконец, к переходным от белорусских к южновеликорусским — небольшая восточная часть Мглинского уезда (стр. 57).

Остановимся несколько на этих группировках. Нетрудно видеть, что Северско-белорусский говор ни целиком ни в отдельных частях не вкладывается в классификацию белорусских говоров ни акад. Е. Ф. Карского ни составителей «диалектологической карты русского языка». Прежде всего Северско-белорусский говор по характеру звука *р*, твердого только в положении пред гласными переднего ряда и сохраняющегося мягким пред другими гласными, не подходит под группировку акад. Е. Ф. Карского — не может быть отнесен к мягкоэрым говорам.

Еще в большей степени это касается классификации составителей «диалектологической карты русского языка», относящих большую часть говора к северовосточной белорусской группе, между тем как говор характеризуется чертами, не дающими права относить его к северовосточной группе этой классификации. Говор, как мы видели, характеризуется, во-первых, преимущественно сильным аканьем (второго типа, по терминологии акад. А. А. Шахматова), а во-вторых, рядом черт, свойственных, по этой классификации, исключительно западным белорусским говорам, каковы, например: а) отпадение, а местами ослабление конечного *і* в именит. пад. един. числа имен прилагательных муж. рода; б) всему Северско-белорусскому говору, в том числе и на крайнем севере его, свойственно сохранение звонких согласных в положении их пред глухими и на конце слов — черта, отмечаемая составителями «карты» лишь на юге белорусской территории (стр. 54), а в северовосточных говорах только в тех из них, которые непосредственно соприкасаются с украинскими (стр. 55); в) не только западным частям Суражского и Новозыбковского уезда и северной части Городнянского, относимым составителями «карты русского языка» к югозападным белорусским говорам, но и другим частям Северско-белорусского говора, принадлежащим, по классификации составителей «карты», к северовосточной группе, свойственны, как мы видели, формы творительного падежа множ. числа на *-мы*, характеризующие, по этой классификации, лишь некоторые говоры югозападной группы и г) Северско-белорусскому говору свойственны в известных условиях преимущественно бессуффиксные формы 3-го лица един. числа настоящего времени глаголов 1-го и 2-го спряжения — черта, свойственная, по классификации составителей «карты», югозападным белорусским говорам (стр. 53).

Другие черты, характеризующие говоры югозапада и северовостока Белоруссии (ib., стр. 52—56), в Северско-белорусском говоре не встречаются.

Неизвестно также, на основании каких материалов составители «диалектологической карты русского языка» относят к переходным от белорусских к южновеликорусским говорам небольшой, самый восточный край Мглинского уезда. В примечании 194 (стр. 103—104) ссылка делается на Академическую великорусскую программу № *269* из с. Старой Романовки Мглинского уезда, но этому говору, судя по ответу на программу, не известны черты, характерные для переходных говоров от белорусских к южновеликорусским, каковы: отсутствие дзеканья, мягкое *р*, мягкое *ч*, формы деепричастий на *-мши* и т. д.;[1] наоборот, как уже отмечено, говор характеризуется слабым дзеканьем (§ 103), твердым *ч* (§ 120), отсутствием форм деепричастий на *-мши* (§ 218) и т. д. и имеет лишь одну черту — диссимилятивное яканье, свойственную по этой классификации переходным говорам. Правда, к ответу на программу № *269* приложен «Сказ о 12 пятницах», записанный у слепца Семена Витюгова из того же села Старой Романовки, и язык «Сказа» действительно имеет черты, характерные для переходных говоров от белорусских к южновеликорусским. Но язык «Сказа» в данном случае нехарактерен: сравн. язык аналогичных записей в 5 вып. «Белорусского сборника» Е. Р. Романова с его записями из тех же мест в других выпусках; кроме того, с. Старая Романовка находится в центральной части Мглинского уезда, несколько ближе к западной границе его, а отнюдь не на восточной окраине его.

Таким образом, Северско-белорусский говор не вкладывается ни в одну из известных классификаций. Находясь в восточной части белорусской территории, принадлежа географически к северовосточным белорусским говорам, он нередко характеризуется чертами югозападных белорусских говоров, не говоря уже о том, что имеет и характерные для него черты, неизвестные ни югозападным ни северовосточным говорам Белоруссии. Все это дает основание видеть в нем *один из диалектов современного белорусского языка.*

Возникает здесь вопрос, каково прошлое Северско-белорусского говора, отличающегося, с одной стороны, от белорусских говоров, непосредственно соприкасающихся с ним, с другой, имеющего ряд черт, общих с говорами югозападной Белоруссии и, наконец, роднящегося в некоторых

---

[1] «Труды Московск. Диалект. Комиссии», вып. 5, стр. 57.

чертах с говорами украинского языка? Для разрешения вопроса обратимся к истории края, данным археологии и к актам, писанным на территории говора.

История края и данные археологии.

Северско-белорусский говор занимает часть территории прежней Северской земли. Акад. Д. И. Багалей в своей «Истории Северянской земли до половины XIV века» так определяет эту территорию для эпохи IX—XI в. «На западе северяне граничили с полянами... на севере — с радимичами, жившими по реке Соже, притоке Днепра; на северо-востоке — с вятичами, жившими по верховьям Оки; на юге-востоке и юге — с различными степняками...[1] Если землю северян наложить на современную карту, то она займет часть губерний: Черниговской, Курской и Полтавской», при чем северные соседи северян «радимичи приблизительно занимали часть Городнянского и Новозыбковского уездов Черниговской губернии, а также Гомельский, Рогачевский, часть Старобыховского, Черниковского и Чаусского уездов Могилевской губернии».[2]

Этими словами определена историком в общих чертах территория северян и, что наиболее важно, северяне отграничены от их ближайших соседей радимичей. На долю этих последних акад. Д. Ив. Багалей относит лишь часть Городнянского и Новозыбковского уездов, признавая, следовательно, Мглинский, Суражский, Стародубский и часть Новозыбковского и Городнянского уездов за северянами, хотя это и не оговорено у него.

Другой историк северян П. Голубовский[3] в числе северянских городов называет, между прочим, и г. Стародуб.

Несколько подробнее определяются старые поселения северян на основании археологических раскопок. Городища и курганные могильники, сохранившиеся в области бассейна Десны, Сейма и Сулы позволяют проф. Д. Я. Самоквасову[4] видеть северянскую землю языческой эпохи в следующих пределах. «На северо-западе землю Северян от земли Радимичей отделяли непроходимые и пустынные области болот Перистого и Замглая и лесные области среднего течения Снова и Ваги, в которых не имеется городищ и курганных кладбищ. Пограничные городища Северянской земли со стороны земли Радимичей сохранились у поселений Любеча, Старого Листвена,

[1] Д. Ив. Багалей. «История Северянской земли до половины XIV века». Киев. 1882 г. стр. 12.

[2] Ib., стр. 15.

[3] «История Северской земли до половины XIV века», стр. 14.

[4] «Северская земля и северяне по городищам и могильникам». М. 1908 г.

Буховца, между Раищем и Звеничевым, у Великого Листвена, между Большим Щимелем и Шишкою, у Старого Робска, Сытой Буды и Мизирич.

В области бассейна Сожи, по левым его притокам Ипути и Беседе, поселения Радимичей выдвигались в пределы Новозыбковского и Суражского уездов до городищ у Старых Бобович, между Поконом и Ирванцом, и у Поповой Горы между которыми и ближайшими поселениями Северян Стародубского уезда лежала лесная и болотистая незаселенная полоса земли, не имеющая городищ и курганов.

На севере болотистая и лесная область истоков Унечи, Ельни и Дубны отделяла поселения Северян от южных поселений земли Вятичей . . .

Северные пограничные городища Северянской земли сохранились у поселений Стародубского уезда: Найтоповичей, Гарцева, Щекотова и Рогова, а южные земли Вятичей у поселений Мглинского уезда: Овчинца, Ляличей, Разрытого, Старопочепья, Доманичей и Волжина.

На восточной границе Северянской земли, с левой стороны рр. Судости и Десны, тянулась незаселенная обширная полоса земли до северянских городов, лежавших в пределах областей бассейнов рр. Клевени и Сейма. Пограничными черниговскими поселениями с этой стороны были города, памятниками которых служат городища, сохранившиеся на р. Судости у поселений: Рогова, Юркова, Подсудичей, Погара и Чубарова, и на правом берегу р. Десны, у поселений: Очкина, Пушкарей, Лесконог, Ленькова, Новгород-Северска, Команя, Чулатова, Араповичей, на р. Свете у с. Пустогорода, на р. Клевени у с. Ястребщины, на р. Сейме у поселений: Студенка, Коробина и Городянска на р. Курице у с. Путова и на р. Рати у с. Городища.

С левой стороны Сейма, в пределах Курского и Обоянского уездов не имеется городищ, сопровождаемых кладбищами северянских погребальных обрядов; но такие городища и курганные могильники имеются в областях бассейнов Псла и Сулы, ограниченных городищами, сохранившимися у следующих поселений: в Суджанском уезде при рр. Псле и Рябице, у поселений: Корочек, Ломаковки, Белой, Суходола, Куриловки, Николаевской пустыни, Мирополья, Рыбицы, Глиницы и Криничного; в Сумском уезде, при р. Псле, у поселений: Барановки, Сум и Закладной; в Лебединском уезде, при р. Псле, у поселений: Михайловки, Горок или Анненберга и Городища; в Посульских уездах, у поселений: Липового, Медвежьего, Ромна, Сенчи, Снетина и Горошина».[1]

---

[1] Ib. 25—26.

Таким образом проф. Д. Я. Самоквасов, основываясь на археологических раскопках, относит на долю северян значительную часть бывшей Черниговской губернии, за исключением, между прочим, частей Мглинского, Суражского, Новозыбковского и Городнянского уездов, часть Курской и Полтавской губернии.

Несколько восточнее проводит западную границу северян П. М. Еременко. Он выдвигает дальше на восток, чем проф. Д. Я. Самоквасов, поселения радимичей, относя к местам, занятым радимичами, значительную часть Новозыбковского и Суражского уездов. Сохранившиеся здесь курганы характеризуются признаками, свойственными курганам радимичей: отсутствием трупосожжения, медными семилопастными височными привесками, характерными пластинчатыми шейными гривнами и проч.[1] Эти курганы расположены в большей северной части Новозыбковского уезда, преимущественно в восточной ее половине, при чем крайний восточный курган радимичей находится к востоку от с. Бутовска, вблизи границы между Новозыбковским и Стародубским уездом.[2] Крайние же восточные курганы в Суражском уезде при сс. Высоком и Ляличах также находятся недалеко от границы его со Мглинским уездом.[3]

Таким образом проф. Д. Я. Самоквасов и П. М. Еременко несколько расходятся между собой в определении территории древних северян, но, расходясь в частностях, они приходят к одному выводу относительно Стародубского уезда — устанавливают поселение здесь северян.[4]

Из событий исторической эпохи отмечу следующие. В конце IX века северяне входят в состав Киевского княжества и остаются в единении с ним с небольшими промежутками до 1054 г. В 1054 г. сын Ярослава Святослав получил в удел Чернигов и Северскую землю; с этих пор Северская земля живет отдельно от Киева. В половине XIII века, в эпоху монгольского ига Северское княжество входит в состав вновь образовавшегося Брянского удела. В начале XIV века оно принадлежит уже Литве. В половине XV века великий князь литовский Казимир отдал часть земель Черниговской и Курской губернии в удел бежавшим из Московского государства в Литву князьям Можайскому и Шемятичу, при чем первый получил область с гг. Черниговом, Моровском, Любечем, Поповой Горой Суражского уезда,

---

[1] «Записки Русского Археологич. Общества», т VIII. 1896 г., в. I и II, стр. 65—84.

[2] Ib., стр. 66—67.

[3] Ib., А. С., стр. 84.

[4] Ср. проф. М. К. Любавский. «Историческая География России в связи с колонизацией». Курс, читан. в Московск. Университете в 1908—9 акад. году. М. 1909 г. (Литографир. изд.) стр. 75 и друг.

Гомелем и Стародубом, а второй — область с гг. Новгород-Северском, Почепом, Радогощем (Погаром) и Рыльском. В начале XVI в. (около 1500 г.) эти уделы отделились от Литвы и отошли под власть Московского государства. Затем в течение почти 100 лет литовцы делают ряд тщетных попыток отнять эти земли. По Деулинскому перемирию край этот был уступлен Польше. Польша вводит новое управление в приобретенном ею крае: некоторые города получают Магдебургское право, вводится судопроизводство по Литовскому Статуту и т. д., при чем при административном делении края гг. Любеч и Стародуб не вошли в состав Черниговского воеводства, а были присоединены к Смоленскому воеводству. С 1637 года, после поражения Павлюка под Кумейками, права и привилегии, дарованные Стефаном Баторием, были отняты, и население разделено на мещан и холопов, при чем мещане пользовались гражданскими правами только в тех городах, которым дано было Магдебургское право, остальные же вместе с холопами стали в полную зависимость от шляхты. Шляхта в силу этого владеет рядом уездов Черниговской губернии; например, весь Глуховский и значительная часть Конотопского уезда принадлежит князьям Пясочинскому и Оссолинскому, огромными поместьями в Сосницком, Борзенском и Нежинском уездах владеет Адам Кисель, между прочим, ему здесь принадлежат: Мена, Макошин, Максаки, Киселевка, Едуты, Холмы, Прачи, Высокое, Красный Став, Кобыжча, Носовка и др.; Юрий Зтечина владеет Батурином, Пшонка — Сосницей, Вышел — Борзной, Хвощ — Городней и т. д.; большинство земель южных уездов принадлежит князьям Вишневецким. Восстание Богдана Хмельницкого приводит к изгнанию из края поляков и присоединению его на известных условиях к Москве. Вместе с остальными землями он получил новое административное устройство — был разделен на полки. Деление это, правда, не было устойчивым, и лишь со времени гетмана Брюховецкого Черниговская губерния была разделена на три полка: Черниговский, Нежинский и Стародубский.[1]

В дальнейшем история Стародубского полка одинакова с другими полками: следует ряд ограничений в различных сторонах политической и административной жизни, приводящих в конечном итоге к утрате полком автономии и к разделению его (1777 г.) на уезды сначала в составе Новгород-Северской, а потом Черниговской губернии вплоть до событий, следовавших после Октябрьской Революции и разделивших Черниговскую губернию между Украиной и РСФСР.

---

[1] М. Домонтович. «Материалы для географии и статистики России. Черниговская губерния». 1865 г., стр. III—XXI.

Такова в основных чертах история края. Наиболее характерным в ней следует признать: а) польское владычество и б) вхождение края в состав тогдашней Малороссии, результатом чего явилась общая с нею административная жизнь в течение ста слишком лет.

В до-историческое время на указанной выше территории, по данным археологии и истории, жили северяне, и в истории края, как мы видели, не было обстоятельств, повлекших к уничтожению или уходу его населения и колонизации его новыми поселенцами. Имеем ли мы право, возникает здесь вопрос, видеть в современном населении этого края потомков северян?

Территория его говора в настоящее время простирается, правда, несколько дальше на запад и восток, чем земля северян, но расширение территории, увеличение ее объема сравнительно с первоначальным — явление вполне нормальное и не может служить препятствием для принятия этого положения.

Гораздо важнее другое обстоятельство — положение вопроса о северянах в научной литературе.

Вопрос о северянах в научной литературе.

Акад. А. А. Шахматов относит северян к той же южной группе, к какой отнесены им поляне, древляне, бужане, хорваты, уличи и тиверцы, т.-е. видит в них также предков теперешней украинской народности.[1]

Примечание. Термин «украинский» употреблен здесь, как и в других местах исследования, в применении к южной народности вместо «малорусский».

На такой точке зрения, повидимому, находилась и Московск. Диалект. Комиссия в заседании 10 ноября 1907 г., когда ею делались возражения по докладу А. В. Маркова «Данные по говору Стародубского уезда Черниговской губернии», высказавшего предположение, что говор с. Кустич-Бряновых «малорусский с сильным белорусским влиянием и слабым великорусским... и что на него приходится смотреть, как на непосредственного потомка северских говоров».[2]

---

[1] «Введение в курс истории русск. языка», ч. I, стр. 100, 101.
То же и в «Очерке древнейшего периода истории русского языка», стр. XXIII и XLII.
Ср. также его статью «К вопросу об образовании русск. наречий и русских народностей» (Ж. М. Н. П. 1899 г., IV).

[2] Ненапечатанный Протокол «Московск. Диалект. Комис.», № 32, 10 XI 1907.

Примечание. Возражения, сделанные докладчику в Комиссии, побудили его отказаться от мысли «видеть в Стародубских говорах непосредственных потомков древних северских говоров». Несколько позднее доклад был напечатан в «Извест. Отд. русск. языка и словесн.» за 1910 г., т. XV, кн. I, где не имеется уже вывода о принадлежности говора к потомкам северских говоров.

Также и проф. Е. Ф. Будде в статье «О говорах Тульской и Орловской губерний»[1] считает северян «Северными малороссами», точнее, видит «в северянах предков северно-малорусских племен» (стр. 11), а отнюдь не белорусских, хотя «на долю северян» и относит умеренное аканье, твердое *к, г* вместо *ц,* формы на-*эй* вместо-*ой* и полагает, что у северян и их потомков не было ни дзеканья, ни цеканья, ни твердого *р*, ни перехода *л* в *ў* (ib.).

С другой стороны, акад. Ал. Ив. Соболевский, указывая на отсутствие каких бы то ни было данных об особенностях говора северян, отмечает, между прочим, что «малороссы XVII века видели в коренных жителях Чернигова московских людей» и высказывает предположение, что «весьма вероятно считать потомками северян сильно акающих жителей Брянского и Путивльского уездов».[2]

Проф. Д. Н. Ушаков, перечисляя племена древней южно-русской группы, говорит о северянах следующее: «К этой группе, может быть, принадлежали и северяне, жившие по Десне, хотя вопрос о принадлежности северян к той или иной племенной группе, за недостатком исторических сведений о них, остается в науке открытым».[3]

Приблизительно то же находим и у историков. Проф. М. С. Грушевский относит северян к предкам украинцев.[4] Ал. Яблоновский полагает, что «северная часть Черниговщины подпала влиянию вятичей, радимичей и выработала белорусский язык; южная же часть северян, соседи полян и древлян, вошла вместе с ними, как близкими по происхождению, в состав «малорусского» племени и выработала «малорусский» язык.[5]

К предкам украинцев относит северян и Н. В. Василенко, отмечая, что уезды: Новозыбковский, Суражский, Мглинский, Стародубский и часть

---

1 «Сборник Отдел. русск. языка и словесн.», 1904 г., т. 76.

2 «Лекции по истории русск. языка», изд. 4, стр. 38.

3 «Основы научной грамматики русск. языка», 2-е литограф. изд. 1911 г., стр. 13 и 3-е изд. 1914 г., стр. 14.

4 «Спірні питання староруської етнографії». (См. «Статьи по Славяноведению», в. I).

5 Н. П. Василенко. «Очерки истории Западной Руси и Украины», стр. 485.

Новгород-Северского заняты белоруссами и что «Черниговские белорусы, вероятно, потомки летописных радимичей».[1]

Таковы взгляды на северян. В количественном отношении в них перевес на стороне признания северян предками украинской народности. Этот взгляд исключает возможность видеть в населении северных уездов бывшей Черниговской губернии и однородной с нею по говору западной полосы Трубчевского уезда потомков северян. Остановимся потому несколько на этом взгляде. На чем основан этот взгляд? — Основанием ему, повидимому, служит то обстоятельство, что территория старых северянских поселений, лежащая к югу от рассмотренного нами говора, занята в настоящее время украинскою народностью. Но здесь необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства.

Записи, собранные Б. Д. Гринченком в сборнике «Из уст народа», говорят о наличности аканья на ряду с украинизмами и местами с сохранением неударяемого *о* в с. Сорокошичах (№ 295) Остерского уезда, в м. Понорнице (№№ 179, 246, 247) Кролевецкого уезда и некотор. др.

Ответ на краткую Академич. программу из Глуховского уезда (№ *206 а*) отмечает наличность аканья в следующих селах: Суходоле, Уланове, Ястребовщине и дер. Кореньке.

То же и в ответе из Остерского уезда (№ *208а*) в деревнях: Евменке, Сувиде и Боденках, в последней на ряду с сохранением неударяемого *о* и украинизмами.

Сюда же следует отнести, судя по записям в сборнике Б. Д. Гринченка «Из уст народа», и говоры северной части Козелецкого уезда (№ 215).

Примечание. Составители «Карты» не упоминают северной части Козелецкого уезда в числе «переходных говоров» от украинских к белорусским.[2]

Как понимать наличность в этих говорах такого явления, как аканья и других черт, не свойственных украинскому языку? А. Ф. Шафонский,[3] характеризуя язык «Малой России» в конце XVIII века (1786 г.), отмечает, что Полесье, т.-е. часть Новгород-Северского, Глуховского, Кролевецкого, весь Погарский,[4] Мглинский, Стародубский, Суражский, Ново-

---

[1] Ib., стр. 554.

[2] «Труды Московск. Диалект. Комис.», в. 5, стр. 72—73.

[3] «Черниговского Наместничества топографическое описание». Киев, 1851 года, стр. 24—25.

[4] Позднее заштатный город.

меский,[1] западная часть Сосницкого, Городницкий[2] уезд и селения Черниговского уезда, лежащие на правом берегу Десны «имеют почти такой выговор, как в Белоруссии и в Литве», т.-е. он объединяет говоры этих уездов в одно целое и противопоставляет их говорам, лежащим южнее. В говорах Полесья в его время произносили: конь, нож, вол, между тем как в южной части Черниговской губ. имело место произношение: кунь, нуж, вул, а еще южнее, за Лубнами — кінь, ніж, віл (стр. 25). В современном же состоянии в значительной части говоров Новгород-Северского, Глуховского, Кролевецкого, Сосницкого и Городнянского уездов (см. выше) мы находим уже не *о* и *е*, а звуки сложной артикуляции,[3] называемые обыкновенно дифтонгами, или их заместителей. Конечно, сведения, сообщаемые А. Ф. Шафонским, очень кратки и вызывают ряд вопросов. Не ясно, например, что хотел сказать автор, употребив выражение «почти такой выговор, как в Белоруссии и Литве?» что означает здесь слово «почти»? Но как бы то ни было, эти сведения показывают, что говоры той части Черниговской губернии, которая лежит к югу от современного Северско-белорусского говора, в конце XVIII века не имели еще звуков сложной артикуляции или их заместителей: появились они в них лишь позднее, как результат влияния, шедшего с юга или запада. Эти выводы, может быть, подтверждаются приведенным выше замечанием акад. А. Ив. Соболевского, что «малороссы XVII в. видели в коренных жителях Чернигова московских людей». Правда, Ал. И. Соболевский говорит здесь о взгляде в XVII в. на черниговцев, как на московских людей, а не как на белоруссов, но в данном случае легко могло быть смешение в названии не украинского говора, сходного в вокализме с великорусским, т.-е. московским по понятиям того времени. Наконец, в ответе на краткую Академич. программу № *206 а*, в с. Полковничьей Слободе Глуховского уезда отсутствует аканье, а согласные в положении пред гласными переднего ряда тверды. Отмечая эти особенности говора сравнительно с другими селами (Суходол, Уланов, Ястребовщина и друг., о говоре которых уже было говорено), автор ответа указывает на местное предание, по которому население Полковничьей Слободы пришлое и переведено из Украины помещиком Кулябкой, т.-е. украинские черты в говоре этой части Глуховского уезда не свойственны говору, как таковому, а вос-

---

[1] Теперь Новозыбковский.

[2] Т.-е. Городнянский.

[3] См. Вс. М. Ганцов. «Характеристика поліських дифтонгів і шляхи їх фонетичного розвитку». («Записки Історично-філологичнаго відділу Всеукраїнск. Акад. Наук». Кн. II—III, стр. 116—144).

приняты им от украинских переселенцев. Где гарантия за то, что не такого же происхождения украинские черты и в других частях бывших северянских поселений? Факты колонизации как раз дают основание принять это положение.

Колонизация Северянской земли.

История Нежинского полка дает определенные указания на позднее заселение его, не ранее начала XVII века людьми, пришлыми из-за Днепра, которые бежали в эту часть Северской земли,[1] когда Пясочинские, Оссолинские, Пацы, Кисели и др. польские паны получили здесь от короля более или менее обширные земли. Занимая южную окраину Руси, территория будущего Нежинского полка не отличалась плотностью населения уже в глубокой древности, до татарского нашествия. После же татарского погрома с половины XIII века эта местность запустела. Судя по данным «Книги Большого чертежа», на территории Нежинского полка вовсе не было городов в эпоху составления «Книги». Не было в это время и других каких-либо поселений в южной безлесной его части, лежащей к югу от течения Сейма и Остра. «Повидимому», говорит историк «Старой Малороссии» Ал. Лазаревский: «эта местность до XVII в. представляла собою полную пустыню, разделявшую русские и польские владения».[2] Пустынный характер местности к югу от Сейма и Остра усматривает Ал. Лазаревский еще и в том обстоятельстве, что русская «сторожа», оберегавшая Путивльский рубеж от нападений татар, «стояла по берегам р. Сейма, не далее 40 верст к западу от Путивля, т.-е. примерно около границы теперешнего Конотопского уезда», а дальше к западу от этого пункта тянулись поля, т.-е. незаселенные земли. Обширное пространство пустынных земель к западу от Путивля в конце XVI в. составляло угодья далекого отсюда Канева, при чем эти угодья не были заселены каневцами, а представляли места, известные под именем «уходов», куда они приходили поохотиться на зверя и половить рыбу.[3] Лишь к северу от Сейма и Остра существовали поселения, но «еще в начале XVII в. они встречались лишь изредка» (ib.). Теперешние города: Нежин, Глухов, Батурин, Кролевец, Конотоп, Борзна и др. были поселены или возобновлены вновь не ранее первой четверти XVII в., приблизительно после Деулинского перемирия. В польском акте 1624 г., между прочим, говорится, что «Мѣсто Нѣжинъ, отъ многихъ лѣтъ опустошалое, значне за ла-

[1] А. М. Лазаревский. «Описание Старой Малороссии», т. II, стр. 3.

[2] Ib., стр. 1.

[3] Ib., стр. 2.

скою Божіею ростеть, и що разъ людей до его пребуваеть»,[1] т.-е., что заселение города быстро идет вперед. В грамоте Сигизмунда III, данной городу Нежину в 1625 г., город Нежин назван еще «Новооселым»[2] городом. Также Глухов, обезлюдевший в половине XIV в., когда, по известию Никоновской летописи, «Того же лета[3] бысть моръ силенъ зѣло... в Глуховѣ же тогда ни единъ человѣкъ не остася, вси изомроша»,[4] был заселен лишь чрез три века, когда к концу первой половины XVII в. «Пясочинский посадил слободку Глуховскую».[5] Любопытно при этом отметить, что акты первой четверти XVIII в. (1723 г.) сохраняют еще отчасти память о пришлом населении города; таков, например, Савка Четвериков «барзо старый человѣкъ» (дело идет в 1723 г.), «родимец Заднѣпровскій, зъ мѣстечка Городища, подъ Корсунемъ лежачаго, зайшовъ до Глухова скоро Глуховъ осаженъ...; чувалъ отъ иншихъ и самъ совершенно вѣдаетъ, же Годунъ старый, козакъ, прибувъ сюды зъ нѣякогось города до Глухова, въ тотъ часъ, якъ еще Глуховъ осажовался, напередъ отъ него Савки, зъ гетмана Хмельницкого».[6]

Таковы свидетельства документов. Это пришлое население колонизовало территорию будущего Нежинского полка и подвигаясь, надо думать, далее к северу, смешалось там с местным населением и приняло тот вид, какой оно имеет в настоящее время в северных окраинах украинской части Черниговской губернии.

Что же касается частей теперешней Курской и Полтавской губернии, входивших в состав Северской земли, то здесь с конца первой половины XIII века картина была еще более печальная: Переяславльское княжество было так сильно опустошено, что с этого времени «вовсе исчезает уже с исторического горизонта».[7] Такова же была судьба и Курска, отстроенного вновь лишь в конце XVI века.[8] В 50-х годах XVI в. самым южным городом тогдашней Руси был Путивль, входивший в переднюю линию укреплений, которую составляли города: Алатырь, Темников, Кадом, Шацк, Ряжск, Данков, Епифань, Пронск, Михайлов, Дедилов, Новосиль, Мценск,

---

[1] А. Ив. Ригельман. «Летописное повествование о Малой России». М. 1847 г., стр. 142.

[2] Ib., стр. 138.

[3] 6860.

[4] «Полное собрание Русских Летописей», т. X, стр. 224.

[5] А. М. Лазаревский. «Описание Старой Малороссии», т. II, стр. 427.

[6] Ib., стр. 427.

[7] Д. Ив. Багалей «Очерк истории колонизации степной окраины Московского Государства.» 1887 г., стр, 63; ср. Ляскоронский «История Переяславской земли до половины XIII в.» Киев. 1897 г.

[8] Д. Ив. Багалей Op. cit., стр. 65.

Орел, Новгород-Северский, Рыльск и Путивль.[1] За этими городами начиналась степь. Заселены эти места были лишь позднее, в XVII в., путем колонизации, при чем эта последняя направлялась главным образом из-за Днепра.

Украинские летописцы половины XVII века как раз повествуют о массовом переходе в это время населения из-за Днепра. «Козацтво зась», говорит Самовидец: «зостаючое в городахъ, волно сходили з тихъ городовъ, кидаючи набитки свои, у городи ку Полтавѣ, и тамъ слободи поосажовали, не хотячи з жолнѣрами зоставати и стацеи имъ давати, бо незносную стацію брали», при чем поляки не могли воспрепятствовать этому переходу, так как переселенцы «из гарматами выходили з городовъ».[2]

То же приблизительно находим и у Грабянки: «и повелѣ народу», говорится про Хмельницкого, «волно сходити зъ городовъ, кидаючи свои набитки ку Полтавщинѣ такожъ и за границу у Великую Россію, абы там городами осѣдали».[3]

Аналогичные сведения дают и другие историки.

Переселения эти были не только добровольные. Самовидец, Грабянка, Симоновский, Ригельман и другие летописцы и историки говорят, между прочим, о насильном переселении в левобережную Украину жителей Ржищева, Корсуня, Мошны, Драбовки, Черкас, Жаботина и друг., которые взял в 1679 г. гетманич Семен Самойлович, сын гетмана Самойловича, а жителей этих городов согнал на левый берег Днепра.[4] Гетман Самойлович в своем донесении об этой «экспедиции» говорит, между прочим, что все «жители ржищевские, каневские, корсунские, староборские, мошенские, грабовские, белозерские, теганковские, драбовские, черкасские на его сторону согнаны и от неприятеля отстранены, а города, и села, и местечки, и деревни их, где они прежде жили, на той стороне все без остатку выжжены».[5]

О количестве поселенцев говорить не приходится — оно весьма значительно; например, гетман Самойлович в 1675 г. ведет переговоры с русским правительством о поселении 20000 таких семейств.[6] Переселение вообще было массовое[7] и обнимает время с 1652 по 1712 год,[8] не говоря уже о поселении отдельных семейств, которое всегда имело место.

---

[1] Ib., стр. 36.
[2] «Летопись Самовидца». Киев, 1878 г., стр. 29.
[3] «Летопись Григория Грабянки». Киев, 1854 г., стр. 111—112
[4] Д. Ив. Багалей Op. cit., 402.
[5] Ib., 404 стр.
[6] Ib., 403, 405.
[7] Ib., 410.
[8] Ib., 442.

При таком положении отпадает следовательно вопрос об исконном отличии населения бывш. северных уездов Черниговской губ. от остальной ее части и от частей Курской и Полтавской губ.: это отличие в настоящее время есть; оно значительно и в языке и в типе населения, но возникло оно, как мы уже видели, гораздо позднее, когда старое северянское население исчезло в южных уездах Черниговской губ. или покинуло места своего поселения, подвигаясь к северу, а его место заняли переселенцы из-за Днепра. Лишь на крайнем севере Черниговщины, где жизнь шла сравнительно спокойнее, сохранились северяне, как племенная разновидность западной части русской, или восточно-славянской, народности.

Необходимо здесь обратить внимание еще на одно обстоятельство, именно, на наименование в актах XVII — XVIII века населения этой части Черниговской губернии «малороссийским», между тем как в настоящее время оно признается белорусским. Как понять это противоречие? Едва ли здесь можно допускать, что первоначальное «малороссийское» население северской Украины было заменено путем колонизации белорусским: факты языка не дают права для такого предположения; нет также ни прямых ни косвенных указаний на массовое переселение сюда белоруссов, которые поглотили бы старое «малорусское» население. Наоборот, мы имеем указание, что переселенцы, например, из Рославльского уезда ассимилировались с местным населением и при том в такой степени, что в четвертом поколении уже не отличались от него.

Имеется документ первой четверти XVIII века, содержащий дело по челобитью М. В. Мясоедова о сысканных им в 1725 году в с. Дареевске Стародубского уезда беглых его крестьянах, поселившихся здесь издавна и живших уже четвертым поколением.[1] Речь идет о беглых крестьянах Макаре Артемове из Рославльщины с женою и детьми, правнуки которого, Илья и Парфен Парфеновы, жили в первой четверти XVIII века в с. Дареевске бывш. Погарской сотни. В этом документе обращает на себя внимание показание «попа Романа з атаманом, товариством и поспольством», что никто из селян его времени уже не знает, были ли беглые Макар Артемов с женою и детьми «Московской породы» (т.-е. великоруссы) или нет. Следовательно в четвертом поколении произошла уже ассимиляция по языку пришлого населения с местным; оно смешалось с ним и не было, очевидно, возможности отграничить его.

---

[1] Пользуюсь им из труда М. И. Лилеева. «Из истории раскола на Ветке и в Стародубе в XVII — XVIII в.» ч. I, 1895 г., стр. 69 и след.

С другой стороны, историк М. И. Лилеев отмечает усиленный наплыв в эти уезды «беглых крестьян, слуг и разных служилых людей» после присоединения Малороссии к Московскому Государству.[1] Московское Государство этого времени вменяет в обязанность гетману и всей старшине «сыскивать воров-беглецов, отдавать их помещикам» и вотчинникам и угрожает «карать смертию» тех, кто будет принимать беглых людей и крестьян.[2] Несмотря однако на эти распоряжения, по мнению того же историка М. И. Лилеева, число беглых людей из Московского Государства было значительно. Живут они, по его мнению, преимущественно в Почепском, Погарском, Стародубском, Новгород-Северском, Глуховском, Черниговском уездах, но «главным образом в селах и деревнях стародубских полковников».[3] Однако здесь необходимо отметить, что беглые живут не оседло, а «переходя» с места на место;[4] часть их живет непосредственно в Новгород-Северске, Почепе, Стародубе, но при этом невидно, чтобы они превратились в постоянных мирных жителей этих городов. В «новых статьях» (п. 16), введенных московским правительством при избрании в гетманы Юрия Хмельницкого (1659 г.), ставится на вид, что беглые «из тех городов приходячи к помещикам своим и вотчинникам, всякие злости и разорение нестерпимые делают».[5] Таким образом, этот род населения едва ли мог колонизовать край. Нет также указаний на поселение этими людьми деревень, слобод и проч. Едва ли и возможно это было при существовании угрозы «карать смертию» тех, кто будет принимать беглых людей. Очевидно, они жили среди массы основного населения и ассимилировались с ним. Во всяком случае, о массовом переселении, какое, например, имело место в Слободской Украине (губернии Харьковская, часть Воронежской и Курской)[6] и составило весьма значительный процент населения, говорить здесь не приходится. В данном случае скорее это были мелкие переселения, переходы отдельных лиц и их семей.

Планомерной колонизации подверглись в XVII в. при польском владычестве главным образом обширные пространства Черниговской губернии, лежащие к югу от территории Стародубского и других северных уездов бывш. Черниговской губ. Историк «Старой Малороссии» Ал. Лазаревский

---

[1] Ib., стр. 71.

[2] «Летопись Самоила Величка». Киев, 1848 г., т. I, стр. 419.

[3] М. И. Лилеев. Op. cit., стр. 74.

[4] Ib.

[5] «Летопись Самоила Величка». Киев, 1848 г., т. I, стр. 419.

[6] Д. Ив. Багалей «Очерки из истории колонизации степной окраины Московского Государства». Москва 1887 г., особенно V-я глава; ср. акад. М. Ф. Сумцов. «Слобожане. Історично-Етнографична розвідка». Харьків, 1918 г., стр. 13.

говорит о колонизаторской деятельности М. Стахорского, управителя обширных поместий Пясочинского, владевшего Погаром, Новгород-Северском и Глуховом с окольными селами.[1]

Таким образом лишь Погар Стародубского уезда, как видим, принадлежал тому же Пясочинскому, и колонизаторская деятельность Стахорского, полагаю, могла коснуться некоторых частей прилегающей к нему территории. Также были колонизованы поместья, принадлежащие Криштофу Фащу, находившиеся на территории теперешнего Городнянского уезда. Фащем, например, была основана слободка, из которой впоследствии образовался город Городня.[2]

Таковы факты колонизации. Они не дают права предполагать вытеснение украинского населения, если бы оно здесь жило, белорусским. Наоборот, приходится признать, что наименование «малороссийский» применено здесь к населению, отличавшемуся по языку от «малороссов», но имевшему одинаковое с ними административное устройство и управление — также управлявшемуся казацкой старши́ной. Население это, как уже сказано, являлось потомками северян.

Свидетельство источника конца XVII века о северянах и сведения о них в 60-х годах XIX столетия.

Весьма любопытно отметить здесь показание одного акта конца XVII века, указывающего на нетождество в XVII веке понятий «украинец» и «северянин»: имею ввиду письмо Казимира Халецкого, старосты Мозырского, к полковнику Стародубскому С. И. Самойловичу от 9 августа 1684 г.[3]

Примечание. Знакомством с этим документом всецело обязан покойному акад. А. А. Шахматову, указавшему мне на него.

В этом письме, между прочим, имеется выражение: «Какъ і у насъ люди Сѣверские и украинские бываютъ» (ib., л. 10). Следовательно, Казимир Халецкий, а вместе с ним, надо полагать, и С. И. Самойлович не отождествляет украинцев с северскими людьми, т.-е. с северянами, жителями Северской Украины; для него два нетождественных понятия «украинец» и «северянин». Повидимому, и во времена Халецкого здесь была приблизительно та же

---

[1] А. М. Лазаревский. «Описание Старой Малороссии», т. I, стр. 3.

[2] М. И. Лилеев. Op. cit., стр. 70.

[3] Древлехранилище (бывш. Московск. Архив М. Ю.) Столбец Малороссийск. приказа, № 5901/90.

разница в языке и типе, какая налицо и в настоящее время. Правда, название «северяне» в настоящее время вовсе не встречается на севере бывш. Черниговщины и у ближайших ее соседей с востока, севера и запада. Население ее известно в настоящее время под именем «литвинов» (М. Н. Косич, Op. cit.; П.Н. Тихонов. «Сборн. Отд. рус. яз. и слов.», т. 76, 1904 г.). Литвинами обыкновенно называют их соседи (М.Н. Косич, Op. cit., стр. 6); сами же они затрудняются определить свою национальность и в статистических сведениях последних годов обыкновенно относятся к «неопределенной национальности».

Примечание. Проф. И. Г. Голанов в заметке о говоре Мглинского уезда[1] отмечает, что жители Старопочепья, Юськовой (Бяльковой) Слободы и из-под Почепа называют себя «хохлами» и говорят, что за Мглином живет «другой народ — литвинки́». Трудно сказать, чем в данном случае вызвано это название. Отмечу здесь, что жители бывш. северных уездов Черниговской губ. обыкновенно стесняются своей принадлежности к белоруссам и нередко, особенно в разговоре с великоруссом, охотно называют себя «хохлами». То же отмечает в своей статье и А. Ф. Полевой. «Хохлами» также называют местное население, разумеется, по недоразумению и великоруссы-старообрядцы.

Несколько иначе обстояло в этом отношении дело в 60-х годах XIX столетия с южными соседями бывшей северо-Черниговщины. Интересные сведения о названии ее населения находим в журнале «Основа» за 1862 г., август, в статье, подписанной Леся-ій и озаглавленной «О городницком наречии» (т.-е. о городнянском). «Самый север губернии (уезды: Суражский, Мглинский, Стародубский и Новозыбковский) заняли белоруссы, известные у жителей других уездов губернии под именем литвинов, сіверян, полісцев, подзегун» (отдел XX, стр. 47). Здесь, следовательно, на ряду с другими названиями для населения бывшей северо-Черниговщины встречается и старое название *северяне*, забытое как на севере бывш. Черниговской губернии, так и ее ближайшими соседями с запада, севера и востока, но имевшее когда то, надо полагать, более широкое употребление. Лишь позднее оно было заменено более новыми названиями: литвины, полесцы и т. д. Применение названия «северяне» в более общей форме, в приложении к жителям за-Десенья, отмечает также у украинского населения и К. П. Михальчук,[2] правда, указывая при этом на изменение «сіверяне» в «сиворяне».

---

[1] «Труды Московск. Диал. Комис.», в. 3, стр. 161—162.

[2] «Труды этнографическо-статистическ. экспедиц. в западно-рус. край», т. VII, стр. 462.

Таким образом и документ конца XVII века (письмо Казимира Халецкого) и сохранявшееся у южных соседей старое название разрешают вопрос о населении края в пользу признания его северянским, отличным от украинского. Название же его в актах XVII — XVIII века «малороссийским» имеет свою причину в административном объединении с Украиной бывших северных уездов Черниговской губернии.

Северяне в Летописи и некоторые стороны быта бывших северных уездов Черниговской губернии.

Отмечу еще одно обстоятельство, подтверждающее выводы о нетождественности северян с украинцами. В древней русской Летописи северяне сближаются с радимичами и вятичами, а отнюдь не с полянами или древлянами: «Радимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяхуть», читаем в ней.[1] Правда, выше мы отметили черты, общие у Северско-белорусского говора с украинским. Черт этих, мы видели, немного, и они теряются в массе явлений, общих у говора с белорусским языком. То же приходится сказать и о бытовой стороне населения бывш. северных уездов Черниговской губ. Еще в 60-х годах XIX века М. Домонтович[2] писал об этом, указывая, что в северных уездах Черниговской губернии «смысл свадебных обрядов совершенно украинский — разница только в том, что песни при этом поются белорусским наречием». Отмечено им также сохранение здесь украинского обычая «Свечи и канунов храмового праздника» — обычаи, которые все более и более «изглаживаются из памяти народной в южных уездах губернии» (533—534). Объяснение этого сходства М. Домонтович видит в предполагаемом им происхождении населения этих уездов из смешения великоруссов, украинцев и белоруссов (ib.). Однако явления рассмотренного нами говора и факты истории и колонизации Черниговской губернии не дают права предполагать такое смешение. Скорее приходится допустить, на основании общих с украинцами бытовых и лингвистических явлений, большую близость племенных групп, легших в основу украинской народности, с северянами, чем с другими древне-русскими племенами.

Остается сказать несколько слов о языке актов XVII—XVIII вв.

---

[1] «Полное собрание Русских Летописей», т. I, стр. 6.

[2] «Материалы для географии и статистики России. Черниговская губерния». 1865 г.

Некоторые черты языка актов XVII—XVIII века бывших северных уездов Черниговской губернии.

Язык актов XVII—XVIII вв., писанных на территории бывших северных уездов Черниговской губернии, отличается от современного языка рядом украинизмов преимущественно в словаре и отчасти в фонетике и формах словоизменения. Как понять это отличие? Отметим здесь, что в актах XVII—XVIII века мы встречаемся лишь с *деловым языком* края, имевшего общее административное управление с Украиной, часть которой он составлял, и употреблявшего один язык в делах администрации и суда. Ведь и современный деловой язык (русский литературный) в этих уездах также не менее резко отличается от народного языка, который никогда не имел доступа в печатную книгу или рукописную бумагу.

Со времени присоединения Малороссии и до 1719 года Стародубским полком управляла казацкая старши́на; с 1719 г. по 1782 г. главным образом — разного рода русские офицеры: отставные майоры, поручики гвардии и проч., а с 1782 г., когда Стародубский полк вошел в состав Новгород-Северского наместничества, управление велось на общих для всей России основаниях. Во всех этих случаях не было простора местному языку. Казацкая старшина, естественно, держалась языка, имевшего официальное употребление во всей Украине. Это тем более было естественно, что Стародубские полковники почти исключительно были людьми пришлыми — уроженцами главным образом правого берега Днепра;[1] в значительном большинстве пришлыми из-за Днепра были также и полковые писаря.[2] Все это, разумеется, отводило официальному языку Украины широкое место в деловом употреблении и делало его, надо думать, по мере сил и возможности, языком города. Это обстоятельство дает объяснение отмеченному уже отличию говора города Стародуба, Погара отчасти и других городов от говора сел и деревень. Твердое *р* пред гласными не переднего ряда, характеризующее только городские говоры, сочетание губных с *и* вместо старого *ы* имеют свой источник в официальном языке, в речи казацкой старши́ны, знавшей только твердое *р*, звук средний между *ы* и *и* и др. Официальные акты XVII—XVIII вв., как увидим дальше, представляют ряд случаев такого употребления. Сохранившиеся вплоть до нашего времени в языке г. Стародуба эти явления представляют один из следов

[1] Ал. Лазаревский. Op. cit., т. I, стр. 13—63.

[2] Ib., стр. 92—100.

влияния официального языка XVII—XVIII века на местный язык. По-видимому, в XVII веке влияние это было гораздо шире и захватывало различные стороны языка.

С другой стороны, при всех неблагоприятных условиях местное произношение просачивалось в официальный язык деловых бумаг XVII—XVIII вв. От 2-й половины XVII и XVIII вв. сохранилось значительное количество актов Стародубского полка. Большинство из них хранится в Московском Древлехранилище (бывш. Архив Министерства Юстиции); из них изданы:

1) «Протокул до записования справ поточних на рік 1690». Изд. М. Н. Белозерским в «Черниговских Губернских Ведомостях», 1852 г.

2) «Протокул справ поточних» 1683 г. Изд. в «Черниговских Губернских Ведомостях» за 1857 г., №№ 21—34.

3) «Отрывки из Стародубовской мѣской книги» за 1664—1673 г. Изд. В. Л. Модзалевским в «Трудах Черниговской Губернской Ученой Архивной Комиссии», вып. 8, 1911 г.[1]

4) «Стародубского Магистрата книги справ поточних» за 1690—1722 г. Изд. Д. П. Миллером и М. М. Плохинским в «Сборнике Харьковского Историко-Филологического Общества», т. 6, вып. 2, 1894 год.[2]

5) «Актовая книга Стародубского городового уряда» 1693 г. Изд. «Черниговск. Губернск. Ученой Комиссией», 1914 г. под редакц. В. Л. Модзалевского.

Примечание. По сообщению В. Л. Модзалевского, №№ 1, 2, 4 изданы с ошибками.[3]

Из этих актов мною привлечены для настоящей работы следующие:

1) «Отрывки из Стародубовской мѣской книги» за 1664—1673 год по рукописи Московской Публичной библиотеки Союза ССР имени В. И. Ленина, № 76.

2) Книги «Справ поточних» Стародубского Магистрата за 1706, 1716, 1717, 1725 гг. по рукописям Московского Древлехранилища (Опись 1-я, вязка 1-я, № 5; опись 1-я, вязка 3-я, №№ 22, 24, 35).

3) Книги «Справ вечистых» Стародубского Магистрата за 1691,

---

[1] Подлинник хранится в Москве, в Публичной библиотеке Союза ССР имени В. И. Ленина, под № 76.

[2] Подлинник хранится в Харьковском Историческом Архиве.

[3] «Докладна записка про видання міських актових книг Лівобережжя» («Записки Історично-філологічного відділу», кн. II—III. Додаток до протоколу № 1, стр. 3—6).

1716, 1717, 1725 гг., по рукописям Московского Древлехранилища (Опись 2-я, вязка 14, № 165; опись 1-я, вязка 3-я, №№ 21, 23, 36).

4) «Журналы решительные» за 1798 год по рукописи Московского Древлехранилища (Опись 2-я, вязка 14, № 163).

5) «Дела Стародубского Магистрата» 1786 год по рукописи Московского Древлехранилища (Опись 2-я, вязка 2-я, № 20).

Кроме того, при проезде летом в 1923 году чрез город Погар я имел возможность, как уже сказано выше, познакомиться 1) с сохранившейся у К. Ив. Бурого частью «Книги Стародубского Земского суда» за 1765 г. и 2) с архивом Успенской церкви г. Погара. Архив довольно обширен, но мне удалось извлечь материал из следующих актов: а) из «Метрических книг» за 1722—1771 г., б) из «Книги присяг о бракосочетании» за 1783—1838 г., в) из разного рода заметок на листках половины XVIII века, повидимому, церковного старосты о приходе и расходе церковных сумм и г) из описи церковного имущества, составленной в 1746 г., IX 16.

Посвящая в ближайшем будущем языку актов Стародубского полка XVII—XVIII века специальное исследование,[1] приведу здесь лишь случаи проникновения в этот язык аканья.

Примеры.

Амелянович (Стародубовская мѣская книга. Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина, № 76, л. 93 об.), звышемянованого (ib., л. 93 об.), Авъдакима (ib., л. 94), Авхим (ib., л. 81), Асину (ib., л. 109 об.), Гарбача (ib., л. 110), Ганчара (ib., л. 110), Ахърему (ib., л. 110 об.), Криваусенок (ib., л. 113), каралей трое (ib., л. 122), кажух (ib.), Барысом (ib., 122 об.), Ярмоловичом (книга Вечистая, 1691 г., лл. 3, 19, 25. Древлехранилище), Яремина (ib., л. 26 об.), Ярофѣевичъ (ib., л. 30), Ярмоловнѣ (ib., л. 33), Алистратом (ib., л. 51), имянно (Журн. решит., 1798 г., I 8, ib.), стульцов такарских (книга Земского суда, 1765 г., л. 114 об., по рукописи К. И. Бурого) и т. д.

С другой стороны, те же слова в тех же актах встречаются и с отсутствием аканья: Олистрат (Стародуб. мѣская книга. Публич. библиот. СССР. имени В. И. Ленина, № 76, л. 91 об.), Отрошку (ib.), Ермолович (ib., л. 93), Евъхимовичу (ib., л. 112 об.), Олексѣевичом (ib., л. 117), Омельяновичом (ib.), Омеляна (ib.), Ермоловичомъ (Книга Вечистая, 1691 г., лл. 28 об., 32, 33, 42. Древлехранилище), Ермоловичъ (ib., л. 29) и т. д.

[1] Работа уже начата, и ряд актов рассмотрен со стороны языка.

Таковы же случаи смешения *о* и *а* в одних и тех же словах: Росторгуй (Дела Стародуб. Магистрата, 1786 г., VIII 14, № 20, л. 1), Расторгуй (ib., л. 3), Растаргуя (ib.) и далее везде *а*, но подпись с *о:* Росторгуй; также Лобочевскому (ib., л. 2) и Лобачевскому (ib., л. 4).

Гораздо чаще встречаются случаи аканья в документах из названного выше церковного архива: о раждающихся (1722, А, л. 1), бабилей (1730, В, XI 28), чинам (ib.), бабылей (1733, В, IX 6), паламара (= понамаря; 1735, В, VII 10), катляра (1737, В, III 16), Рамана (1738, А, X 21), Наскова (ib., X 28), Петрачонков (1740, А, III 23), панамариха (ib., VI 24), Листратавъ (1741, А, I 4), Руденъкава (1742, А, IV 1), катляр (1754, Б, XII 5), Ляпехи (1767, А, V 5), Гардей (книга Присяг, 1789, IV 16), Пагарский (ib., 1795, VI 10), дварянин (ib. 1797, I 20), Петраченокъ (ib., 1797, I 25), староны (ib., 1799, II 19) и т. д.

Из заметок о приходе и расходе церковных сумм: ярмолак (1746 г.), деняг (ib., 1746 г., дважды), панамору (ib.) и т. д.

Нередки также случаи колебания между *о* и *а* при преобладании написаний с *о:*

Шугоевъ (1738, А, X 21), Холецкого (1742, А, VI 10) и Халецкого (ib., VIII 26), кровца (1742, А, I; IV 11), Гамолѣея (1749, А, VI 18), при Гамалѣй (1750, А, VII 15; Б, V 1) в ряде предыдущих и следующих лет, также и Гомолѣевой (1768, Б, V 13), Растаргуй (1749, В, II 12) и Росторгуева (1738, А, X 5) при Росторгуя (1740, А, III 9) и Росторгуева (1742, А, I 31), постуха, (1754, VIII 14), Авсѣенковаго (1755, А, V 8) и Овсѣенковаго (ib., III 30), Петроченка (1759, В, XII 17) при Петраченок (книга Присяг, 1797, I 25), Лепехи (1768, А, IX 17) при приведенном выше Ляпехи (1767, А, V 5), Потапа (1770, В, IX 28) при Патапа (1767, А, VIII 14), оксамитніи (опись церковного имущества, 1746, IX 16), отласовый (ib.) и т. д.

Приведу также из этих актов примеры на отвердение *р* перед гласными не переднего ряда. Черта эта и до сих пор удержалась в городском говоре.

Примеры.

Бранского (книга Поточная, 1706, л. 67), роспорадити (книга Вечистая, 1691, л. 7), распоражаю (ib., л. 7 об.), шинкара (ib., л. 33), трох (книга Вечистая, 1716, л. 89), ноября (книга Земского суда, 1765 г., л. 120, по рукоп. К. И. Бурого), Дегтярова (Метрическая книга, 1730, В. V 11), паламара (ib., 1735, В, VII 10), панамора (ib., 1738, А, I 15), Пушкаровъ (ib., 1740, А, III 9; 1754, А, IX II) бондара (ib., 1740, А, VII 22),

веровочника (1744, B, VII 3), царокъ (1758, A, IV 28), бразкальных денег (из заметок о приходе и расходе сумм в 1746 г.), веровокъ (ib., 1746, I 12), выбразкал (ib., 1748) и т. д.

Чаще однако в подобных случаях наблюдается сохранение мягкого *р*.

Примеры.

Урядомъ (книга Вечистая, 1691 г., л. 9) поламоря (Метрич. книга, 1734 г., B, XI 10), бондаря (ib., 1734, B, II 7; ib., 1743, B, I 20), писаря (ib., 1743, A, X 25), Лазаря (ib., 1744, B, I 4), генваря (книга Присяг, 1784, I 14) брязкальных (из заметок о приходе и расходе церковных сумм в 1746 г.), ноября (ib.), декабря (ib.) и т. д.

Относя другие явления в специальное исследование «О языке актов Стародубского полка XVII—XVIII вв.» (о чем см. выше), остановлюсь несколько на переселении в край старообрядцев и о влиянии их на местный язык.

Старообрядческие переселения и вопрос о влиянии их на язык местного населения.

Охарактеризовав Северско-белорусский говор в современном его состоянии и указав на проникновение аканья в деловой официальный язык, естественно поставить вопрос: было ли влияние на него языка переселенцев-старообрядцев из Московского государства?

Старообрядческие поселения в Стародубьи в XVII—XVIII вв. были весьма значительны. Не говоря уже о более раннем (1628 г.) поселении великорусских людей в Стародубьи, вызванном разными причинами,[1] с конца 70-х годов XVII века в Стародубье устремляется волна старообрядческой эмиграции. Вслед за попом Кузьмой, пришедшим вместе с 20 старообрядцами и поселившимся в с. Понуровке, и другие старообрядцы благодаря усилившемуся в Великороссии гонению на них, «оставляюще своя природная места, сродники и други, течаху в Стародубскую область, и тамо пустыни населяюще. Откуда населися Белый Колодезь и Синий, Замишево, Шеломы, слободы».[2]

Начавшееся затем в правление царевны Софии гонение здесь на старообрядцев вынудило их переселиться отчасти в тогдашнюю Польшу — «в область пана Лецкого при реке Ветке».[3] Однако эти гонения не прекра-

[1] М. И. Лилеев. «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв.» Киев. 1895, стр. 21 и след.

[2] Ib., стр. 4; ср. А. М. Лазаревский. «Описание старой Малороссии», т. I, стр. 440.

[3] М. И. Лилеев. Op. cit. и А. М. Лазаревский. Op. cit, стр. 441.

тили движения старообрядцев в Стародубье: в 1684 г. ими была основана слобода Еленка и вслед затем слободы: Деменка (1694—1695), Воронок (1691 г.), Лужки (1694 г.), Зыбкая (1701 г.), Злынка (1702), Клинцы (1701 г.), Климов (1708), Чуровичи (1709), Городище (1710 г.), Ардонь Чернецкая (1711 г.), Млынка (1712 г.), Святская (1713 г.), Тимошкин Перевоз (1703), Митьковка (первоначально в 1682—1684 и вторично в 1709 г.)[1] и друг.

Таким образом на протяжении почти 30 лет старообрядцами было основано и поселено 15 слобод. Есть возможность судить и о количестве населения в слободах. Такую возможность представляют сохранившиеся переписные и окладные книги 1715—1718 г. полковника Ергольского и капитана Брянчанинова 1729 г.[2] Правда, книги известны далеко не по всем слободам: лишь 7 слобод представлены в них: Еленка, Воронок, Лужки, Зыбкая, Клинцы, Климов и Радуль (последняя Городнянского уезда и не входит в рассматриваемый нами район). В этих слободах жило всего около 2800 человек. Как бы ни смотреть на эту цифру, считать ее огромной или незначительной, факт заселения края великоруссами-старообрядцами, по крайней мере, частичного заселения налицо.

Обратим здесь однако внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, великоруссы-старообрядцы жили в отдельных слободах, на первых порах особняком от остальной массы. Во-вторых, в своем отношении к этой массе они характеризуются высокомерием во всех сторонах жизни. Отсюда замкнутость их и обоюдная отчужденность. Историк раскола М. И. Лилеев в названном выше исследовании «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII—XVIII вв.» отмечает, что «Старообрядцы вообще не смешивались с коренным населением Малороссии, как и теперь в слободах чрезвычайно редки родственные связи с малороссиянами».[3] Косвенным образом некоторое указание на жизнь старообрядцев особняком дает следующее место переписных книг 1623 г.: «Въ семъ же селѣ» (речь идет о селе Демьянках) «3 двора раскольниковъ: сіи всѣ кгрунтовіи и велми можніе, а селу жаднай помощи не чинятъ».[4]

Наблюдения А. Полевого, произведенные им в 1924 году над говором

---

[1] Хронология указана по М. И. Лилееву, стр. 50—63; несколько иначе у А. М. Лазаревского, стр. 440—465.

[2] Пользуюсь данными, приведенными из них в книге М. И. Лилеева «Из истории раскола...», стр. 79.

[3] Стр. 31.

[4] Пользуюсь данными, приведенными из них в той же книге М. И. Лилеева, стр. 26.

Новозыбковского уезда, указывают на тот же характер новозыбковских старообрядцев и в настоящее время.

С своей стороны, отмечу то же и о старообрядцах Стародубского уезда, сохранивших в этой замкнутости свой язык с некоторыми, правда, изменениями, костюм и обычаи. Отношение к ним местного населения далеко недружелюбное, по крайней мере, было таким еще в 90-х годах XIX в. Известны они у него под именем «москалей», при чем «москаль» и «московка» — термины не национальные, а религиозные: москалями называются исключительно старообрядцы. Улица в Стародубе, на которой когда-то были и отчасти сохранялись до 90-х годов прошлого столетия дома старообрядцев, известна под именем «Московской»; старообрядческое кладбище также называется «Московским». Вместе с тем слово «москаль» является символом чего-то грубого: «привязался москалем», говорится обыкновенно про назойливого, надоедливого человека; «загнуть москаля» — выругаться неприлично; «настоящий москаль» — говорится про девицу с резкими, размашистыми манерами; «москалем» пугают маленьких детей: «маскаль у мяшок забярэть» и т. д., не говоря уже о неприличных анекдотах про «москалей».

С другой стороны, местное население известно у старообрядцев под именем «хохлов» или более презрительно «хохликов». Слияние «москалей» с «хохлами», смешанные браки опять таки крайне редки.

Отношение местного населения к языку старообрядцев отрицательное (как равно и к некоторым их обычаям и привычкам, например, к частому мытью рук): «уш-та да нуш-та», «я-та и ты-та» и т. п. выражения употребляются для характеристики их языка. При таком положении, разумеется, не может быть и речи о взаимном влиянии языков.

Таким образом поселение в Стародубье великоруссов-старообрядцев не отразилось на языке местного населения; скорее, наоборот, нередко замечается как раз обратное явление.

Заключение.

Итак мы видели, что история, археология и колонизация края не дают оснований полагать, что население его в значительной своей части пришлое. Не отрицая частичной колонизации края в польскую эпоху (XVII в.), нельзя не признать, что она, повидимому, не имела огромного влияния на его язык: более или менее однородный состав современного языка скорее говорит за

ассимиляцию ему языка пришлого элемента. При таком положении в основной массе населения бывш. северных уездов Черниговской губернии приходится видеть *потомков древних северян*, населявших когда то значительную часть Черниговской губернии, Курской и Полтавской и входящих в настоящее время в состав белорусской народности.

Выводы.

1. Северско-белорусским говором назван в настоящей работе говор, находящийся на территории бывших северных уездов Черниговской губернии, т.-е. на территории Мглинского, Новозыбковского, Стародубского и Суражского уездов, и говор западной полосы Трубчевского уезда бывшей Орловской губернии.

2. Исследование произведено на основании непосредственного знакомства автора с говором, а также на основании рукописных и печатных материалов.

3. Принадлежа географически к северовосточным белорусским говорам, Северско-белорусский говор имеет ряд черт, общих с югозападными белорусскими говорами и неизвестных другим чистым говорам Белоруссии.

4. Говоры, граничащие непосредственно с Северско-белорусским с запада, севера, востока и юга, отличаются от него в ряде фонетических и морфологических явлений.

5. Принимая во внимание эти отличия и особенности говора, выделяю его в особую группу белорусских говоров и называю его Северско-белорусским, т.-е. в носителях говора вижу потомков древних северян, территориально, правда, расширившихся на северо-востоке и западе насчет своих соседей.

6. История и археология края устанавливают поселение северян на части теперешней территории говора, в частности в Стародубском уезде.

7. Наблюдения А. Ф. Шафонского в конце XVIII в. над фактами языка устанавливают, что говоры Мглинского, Новозыбковского, Стародубского и Суражского уездов в XVIII в. были одинаковы с говором Городнянского уезда, части Новгород-Северского, Глуховского, Кролевецкого, Сосницкого уездов и селений Черниговского уезда, лежащих на правом берегу Десны, и что эти говоры не имели звуков сложной артикуляции, называемых дифтонгами. Эти звуки появились в этих уездах лишь позднее, как результат влияния, шедшего с юга.

8. Имеющееся в ответе на Краткую Академическую программу № 206а местное предание о пришлом из Украины населении в селе Полковничьей

Слободе Глуховского уезда, характеризующемся отсутствием аканья и отвердением согласных пред гласными переднего ряда, подтверждает выводы, сделанные из наблюдений А. Ф. Шафонского.

9. Заселение после татарского нашествия южной части Черниговской гурернии, как показывают документы, шло с запада и приходится на первую четверть XVII в.

10. О массовой же колонизации северной части Черниговской губернии не имеется указаний в документах.

11. Указание историка раскола М. И. Лилеева на наплыв в Стародубщину во второй половине XVII в. беглых не меняет выводов о колонизации Стародубщины: беглые в силу целого ряда причин не могли колонизовать ее.

12. Что действительно северяне не были предками украинцев, об этом свидетельствует документ конца XVII в., проводящий разницу между северянами и украинцами.

13. В Летописи северяне сближаются не с полянами и древлянами, предками украинцев, а с радимичами и вятичами.

14. В современном своем состоянии население севера бывшей Черниговской губернии не помнит о своей принадлежности к северянскому племени и известно у соседей под именем «литвинов», но в начале 60-х годов XIX в. оно было известно у жителей южных уездов губернии не только под именем «литвинов», «полісцев» и «подзегун», но и «сіверян».

15. Язык актов XVII — XVIII в. отличается, правда, рядом украинизмов, но в этих актах мы встречаемся лишь с деловым языком края, имевшего во второй половине XVII и в XVIII веке общее административное управление с Украиной.

16. Этот деловой язык был, надо думать, по мере возможности, языком городской интеллигенции, передавшей некоторые черты его, неизвестные говору сел и деревень, городским массам.

17. Местный язык просачивался в официальные деловые бумаги XVII — XVIII вв. и нашел себе выражение в фактах аканья и в смешении неударяемых *о* и *а*.

18. Язык населения бывших северных уездов Черниговской губернии не подвергся влиянию великоруссов-старообрядцев, поселения которых в Стародубье слободами в конце XVII и начале XVIII в. были значительны.

Schlussfolgerungen.

1) Als sewersk-weissrussischer Dialekt wird in vorliegender Arbeit die Mundart bezeichnet, welche im Gebiet der früheren nördlichen Bezirke des Tschernigow'schen Gouvernements, d. h. der Kreise Mglinsk, Nowozybkow, Starodub und Surash verbreitet ist, sowie der Dialekt der westlichen Zone des Kreises Trubtschewsk des früheren Orel'schen Gouvernements.

2) Die Untersuchung des Verf. ist auf Grund persönlicher Kenntnis desselben mit dem betr. Dialekt, sowie auf Grund von Manuskripten und Drucksachen vorgenommen worden.

3) Der sewersk-weissrussische Dialekt, seiner geographischen Lage nach zu den nord-westlichen weissrussischen Dialekten angehörend, weist eine Reihe von Zügen auf, welche er mit den süd-westlichen weissrussischen Dialekten gemeinsam hat und die in anderen Dialekten Weissrusslands fehlen.

4) Die Dialekte, welche an den sewersk-weissrussischen Dialekt von Westen, Norden, Osten, Süden angrenzen, unterscheiden sich von ihm durch eine Reihe phonetischer und morphologischer Erscheinungen.

5) In Anbetracht dieser Unterschiede und Eigenarten des betr. Dialektes, scheide ich ihn in eine besondere Gruppe der weissrussischen Dialekte aus und nenne ihn «sewersk-weissrussischen», d. h. ich betrachte die Träger dieses Dialektes als Nachkommen der alten Sewerjanen, welche allerdings ihr Territorium auf Kosten ihrer Nachbarn erweitert haben.

6) Die Geschichte und Archäologie des Gebietes stellt eine Ansiedelung der Sewerjanen auf einem Teil des Territoriums, wo jetzt der Dialekt vorkommt, u. a. im Starodub'schen Kreis, fest.

7) Die Beobachtungen von A. F. Schafonskij am Ende des XVIII. Jahrhunderts haben festgestellt, dass die Dialekte der Kreise Mglinsk, Nowosybkow, Starodub und Surash im XVIII. Jahrhundert dieselben waren wie die Dialekte des Kreises Gorodnjansk, eines Teiles der Kreise Nowgorod-Sewersk,

Gluchow, Krolewetz, Sosnitza und der Dörfer des Kreises Tschernigow, die am rechten Ufer der Desna gelegen sind, und dass sie keine Laute einer komplizierten Artikulation sogen. Diphtonge hatten. Solche Laute traten in diesen Kreisen erst später, als Resultat eines von Süden kommenden Einflusses, auf.

8) Die in dem «Kurzen akademischen Programm», № 206a (Manuskript) registrierte lokale Ueberlieferung über die aus der Ukraine in dem Dorf Polkownitschja Sloboda, Kreis Gluchow angesiedelte Bevölkerung, welche durch Fehlen des «Akanje» und Härtung der Konsonanten vor den Vokalen der vorderen Reihe charakterisiert wird, bestätigt die aus den Beobachtungen von Schafonskij gezogenen Schlussfolgerungen.

9) Wie durch Dokumente nachgewiesen worden ist, erfolgte die Ansiedelung des südlichen Teiles des Tschernigow'schen Gouvernements nach dem Einfall der Tataren von Westen und fällt auf das erste Viertel des XVII. Jahrhunderts.

10) Dagegen fehlen in den Dokumenten Hinweise auf eine Massenkolonisation in den nördlichen Teilen des Tschernigow'schen Gouvernements.

11) Der Hinweis des Historikers der Kirchenspaltung Lilejew auf einen Andrang von Flüchtlingen in das Starodub'sche Gebiet in der zweiten Hälfte des XVII. Jahrhunderts vermag die Schlussfolgerungen über die Kolonisation dieses Gebietes nicht zu ändern: die Flüchtlinge waren infolge einer Reihe von Gründen nicht imstande das betr. Gebiet zu kolonisieren.

12) Dass die Sewerjanen nicht die Vorfahren der Ukrainer waren, wird durch ein aus dem Ende des XVII. Jahrhunderts stammendes Dokument bezeugt, in welchem ein Unterschied zwischen Sewerjanen und Ukrainern gemacht wird.

13) In der Ljetopis werden die Sewerjanen nicht mit den Poljanen und Drewljanen, den Vorfahren der Ukrainer, sondern mit den Radimitschen und Wjätitschen näher in Verbindung gebracht.

14) Heutzutage entsinnt sich die Bevölkerung des Nordens des früheren Tschernigow'schen Gouvernements nicht ihrer Zugehörigkeit zum Sewerjanen Stamm und ist bei den Nachbarn unter dem Namen «Litwiny» bekannt Im Anfang der 60 Jahre des XIX. Jahrhunderts war aber diese Bevölkerung bei den Bewohnern der südlichen Bezirke dieses Gouvernements nicht nur unter den Bezeichnungen «Litwiny», «Poliszy» und «Podseguny», sondern auch als «Siwerjane» bekannt.

15) Die Sprache der Akten des XVII—XVIII. Jahrhunderts zeichnet sich allerdings durch eine Reihe von Ukrainismen aus, doch bietet dieses

Aktenmaterial blos die offizielle Sprache des Gebietes, welches in der zweiten Hälfte des XVII. und im XVIII. Jahrhundert eine mit der Ukraine gemeinsame Verwaltung hatte.

16) Diese offizielle Sprache war offenbar teilweise die Sprache der städtischen Intelligenz, welche einige, dem Dialekt der Dörfer nicht eigenen, charakteristischen Züge dieser Sprache den städtischen Massen übermittelte.

17) Der Lokaldialekt drang allmählich in die offiziellen Akten des XVII. und XVIII. Jahrhunderts und fand daselbst seinen Ausdruck in dem «Akanje» und der Verwechslung der nicht betonten o- und a- Laute.

18) Die Sprache der Bevölkerung der ehemaligen Nordbezirke des Tschernigowschen Gouvernements unterlag nicht dem Einfluss der grossrussischen Altgläubigen, deren Ansiedelungen im Starodubschen Gebiete zu Ende des XVII. und Anfang des XVIII. Jahrhunderts beträchtlich waren.

Поправки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Следует.*
1	1 сн.	пред *я, ю* и *е*	пред *я, ю, ё* и *е*
11	1-2 св.	записи дают материалы из следующих сел и деревень	в записях представлены следующие села и деревни
16	5 »	Дубовки	Дубиновки
17	1 »	чнрты	черты
32	6 »	не наблюдаются	не наблюдается
35	8 сн.	змяя́	вы́нясла
36	17 св.	вместо старого *ъ*	вместо *ъ*
41	3 сн.	«Сборник белорусских песен»	Сборник «Белорусские песни»
45	6 »	пага́воры	пагаво́бры
47	11 »	това́рышч	тава́рышч
49	26 св.	вігз, вдребе́згі	візг, вдре́безгі
54	21 »	нача́ваў	начава́ў
59	26 »	имееяст	имеется
61	12 сн.	бай́ся	баяўся
67	1 »	дзя́сяцерка	дзяся́церка
74	6 »	тавстю́шчы(й)	таўсьцю́шчы(й)
77	17 »	по́там и	по́там
79	14 »	краю́	кра́ю
87	14 св.	сконяются	склоняются
88	4 сн.	бру́ься, зе́льля, каме́ньня	бру́ься, каме́ньня
91	11 св.	па-пад кло́ьлю	па падко́льлю
94	11 »	рука́мы (ib.), были́наю (Шапочка, ib., 63) и т. д.	рука́мы (ib.) и т. д.
»	6 сн.	ви́шань, я́блань и т. д.	ви́шань и т. д., как я́блань.
»	14 »	с окончанием	с измененным окончанием
113	14 св.	ходя́	хо́дя
114	11 »	в д. Горицы	в д. Горицах
121	16 »	ёсць	ёсьць
123	7 »	три	тры
127	17 сн.	изде́	идзе́

Бялковой везде следует читать: Бяльковой.
Ропск » » » Робск.

Другие недосмотры оставляю без исправления.

Оглавление.

СТРАН.

Предисловие . . . . . 1— 2

Северско-белорусский говор.

Предмет исследования . . . . . 3— 4
Литература о говоре и источники для его характеристики . . . . 4— 7
Печатные материалы . . . . . 7— 8
Рукописные материалы . . . . . 8— 16
Отрицательные и положительные стороны источников . . . . . 16— 18

Фонетика.

Гласные под ударением . . . . . 18— 19
Безударные гласные . . . . . 19— 37
Переход звука *е* в *о* . . . . . 37— 38
Звуки *у* и *і* 38
Сочетание гласных с согласными . . . . . 38— 39

Согласные.

Звонкие согласные и звук *р* . . . . . 39— 48
Гортанный и задненебные звуки . . . . . 48— 50
Смягчение задненебных . . . . . 50— 51
Звук j 51
Зубные звуки . . . . . 51— 56
Губные звуки . . . . . 56— 61
Сонорные звуки. Звук *л* . . . . . 61— 63
Явления в области согласных звуков . . . . . 63— 66
Явления начала и конца слова . . . . . 66— 67

Словообразование . . . . . 67— 78

Морфология.

Склонение имен существительных муж. рода . . . . . 78— 89
Имена среднего рода . . . . . 89— 92
Имена женского рода . . . . . 92— 97
Краткие прилагательные . . . . . 97— 99
Личные местоимения I и II лица и возвратное . . . . . 99—100
Местоименное склонение . . . . . 100—105
Сложное склонение . . . . . 106—110

Спряжение.

I. Тематические глаголы . . . . . 110—121
А. Личные формы глагола . . . . . 110—118
Б. Именно-глагольные формы . . . . . 119—121
II. Нетематические глаголы 121

Главнейшие синтактические явления . . . . . 122—134
Ударение . . . . . 134—138
Словарь . . . . . 139—154
Приложение . . . . . 155—157
Говоры, соседние с северско-белорусским . . . . . 157—188
а) Говоры Гомельского, Рогачевского, Чериковского и Климовичского уездов . . . . . 158—176
б) Говоры Рославльского уезда . . . . . 176—183
в) Говоры Брянского уезда . . . . . 183—185
г) Говоры Трубчевского уезда . . . . . 185—186
д) Говоры, граничащие с северско-белорусским с юга . . . . . 186—188
Территория Северско-белорусского говора . . . . . 188—189
Северско-белорусский говор среди других белорусских говоров . . . 189—193
История края и данные археологии . . . . . 193—197
Вопрос о *северянах* в научной литературе . . . . . 197—201
Колонизация Северянской земли . . . . . 201—206
Свидетельство источника конца XVII в. о *северянах* и сведения о них в 60-х годах XIX столетия . . . . . 206—208
Северяне в *Летописи* и некоторые стороны быта бывших северных уездов Черниговской губ. 208
Некоторые черты *языка актов XVII—XVIII в.* бывших северных уездов Черниговской губ. . . . . 209—213
Старообрядческие переселения и вопрос о влиянии их на язык местного населения . . . . . 213—215
Заключение . . . . . 215—216
Выводы . . . . . 217—218
Schlussfolgerungen . . . . . 219—221
Поправки 222
Оглавление . . . . . 223—224

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР


32
33
53
52
Ипуть
Бесядь
Сож
Десна
Рог
Васька
Цита
Терюжи
Титова
Живода
Ивачеч
Слоз
Ревна
Снов
СУРАЖ
МГЛИН
ПОЧЕП
СТАРОДУБ
НОВОЗЫБКОВ
КЛИНЦЫ
УНЕЧА
ТРУБЧЕВСК
ДОГАР
КЛИМОВ
МИТЬКОВКА
НОВ. РОБСК
ЛУЖКИ
НОВГОРОД-СЕВЕРСК
Попова Гора
Козаричи
Жовнец
Яловка
Вожаны
Увелье
Неглюбка
Верещаки
Ст. Рудня
Внуковичи
Маньюнь
Замлышево
Ростань
Рыловичи
Денисковичи
Карповка
Бал. Щербиничи
Мал. Щербиничи
Слизиконова Буда
Чолхов
Роевичи
Каменский Хутор
Шумиловка
Кирилловка
Хорошее
Кропивно
Ретманская Буда
Тимоновичи
Хотеевка
Жуловка
Медвеженка
Отень
Люботины
Могилевцы
Брахлов
Черноконов
Лобановка
Бобки
Хохловка
Каменка
Плавна
Истоки
Шалевна
Курузное
Рудня
Другая
Сыгонай Буда
Бобожевка
Сл. Панченкова
Лакомая Буда
Снов
Бал. Крицец
Мал. Крицец
Сл. Скоробогатая
Мал. Топаль
Бол. Топаль
Наташин
Вер. Молодезь
Гулевня
Ивацевичи
Ивай
Смотрова Буда
Туросна
Песчанка
Ларотни
Стодоля
Голубовка
Чертовичи
Рудня
Красковичи
Дубровка
Белогорцы
Нивное
Высокое
Нов. Дроков
Нетяговка
Лучевец
Голяновка
Воронуся
Судинка
Молодково
Шумарова
Осолнково
Нов. Романовка
Ст. Романовка
Высокое
Ипуть
Высокое
Норино
Днепрово
Шумарово
Хоровичи
Алексеевка
Старопочепье
Жудилово
Шапогка
Рит. Александровка
Вовчинки
Рябовка
Гузов
Нов. Забудьенье
Ст. Забудьенье
Горятно
Авайтенка
Лучеки
Анушино
Рахманово
Плотново
Аллматово
Быстриков
Осиновка
Бенюшин
Артюшково
Пучковичи
Пятрасы
Сергеевск
Куличи-Брянские
Рюхов
Бородинка
Кривцово
Высокое
Ильгезьни
Ильгово
Ковалево
Шпяки
Рожни
Бахыкины
Гриденки
Невзорово
Печенкин
Новоселки
Мерчинковка
Пыстаровка
Дедов
Дохновичи
Мишковка
Картушки
Бол. Андрейковичи
Мал. Андрейковичи
Кистер
Чаусы
Дорогевск
Сагутьевка
Алешенка
Чурово
Суворово
Чубарово
Буглаевка
Чеховки
Березовка
Бакланы
Михайловка
Бухновка
Бугаевка
Жигаловка
Подсудичи
Модеевка
Мышковка
Ивановка
Ивановка
Иванов